

НЬЮ-ЙОРК 2140

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

«НЬЮ-ЙОРК ПУСТЬ И ЗАТОНУЛ, НО
СТАЛ ОТ ЭТОГО ТОЛЬКО ЛУЧШЕ».

THE NEW YORKER

fanzon

Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

КИМ РОБИНСОН
Нью-Йорк 2140

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Робинсон К. С.

Нью-Йорк 2140 / К. С. Робинсон — «Эксмо», 2017 — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-103457-3

Уровень Мирового океана поднялся, и улицы превратились в каналы. Каждый небоскреб стал островом. Но для обитателей площади Мэдисон Нью-Йорк 2140 года – вовсе не мертвый город. Рыночный торговец, который умеет найти новые возможности там, где другие находят только неприятности. Полицейский, чья работа никогда не закончится. Вместе с юристами, разумеется. Звезда интернета, за приключениями которой на воздушном шаре следят миллионы зрителей, и управляющий домом, заслуживший уважение вниманием к деталям. Двое мальчишек, которым здесь не место, но другого дома у них нет. И эти двое окажутся важнее для будущего, чем кто-либо может вообразить.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-103457-3

© Робинсон К. С., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	8
А) Матт и Джефф	8
Б) Инспектор Джен	12
В) Франклин	16
Г) Владе	23
Д) Гражданин	26
Е) Амелия	30
Ж) Шарлотт	36
З) Стефан и Роберто	41
Часть вторая	46
А) Франклин	46
Б) Матт и Джефф	52
В) Тот же гражданин	55
Г) Инспектор Джен	59
Д) Владе	64
Е) Амелия	68
Ж) Стефан и Роберто	73
З) Франклин	80
Часть третья	93
А) Гражданин	93
Б) Матт и Джефф	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ким Стэнли Робинсон Нью-Йорк

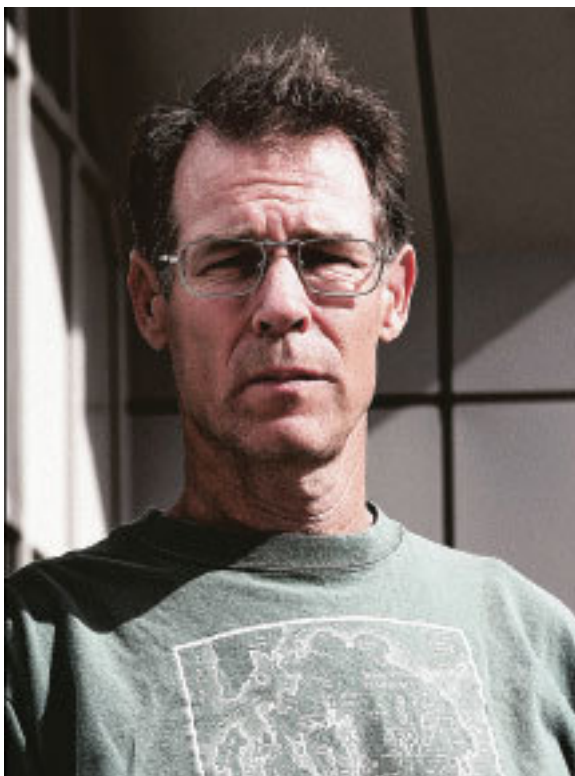
Kim Stanley Robinson
NEW-YORK 2140
Copyright © 2017 by Kim Stanley Robinson

© Агеев А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

© SFX/ Future Publishing / REX/ Shutterstock / Fotodum.ru

Ким Стэнли Робинсон – обладатель премий «Хьюго», «Небьюла» и «Локус». Автор множества книг, включая популярнейшие трилогии о Калифорнии и Марсе, тепло принятые критиками «Годы риса и соли», «Аврору» и «Нью-Йорк 2140». Окончил Калифорнийский и Бостонский университеты, где получил соответственно бакалаврскую и магистерскую степени по литературе и английскому языку. В 1982 году в Калифорнийском университете в Сан-Диего получил еще одну степень, на этот раз докторскую, по литературе. Живет в Дейвисе, штат Калифорния.

Часть первая

Тирания утраченной стоимости

А) Матт и Джефф

- Кто пишет код, тот и создает ценность.
- Вообще ни разу.
- Еще как. Ценность заключается в жизни, а жизнь кодируется как ДНК.
- Значит, и бактерии имеют ценность?
- Конечно. Все живое имеет свои цели и стремится к ним. От вирусов и бактерий до нас.
- Кстати, твоя очередь чистить туалет.
- Знаю. Жизнь есть смерть.
- Так что, сегодня, значит?
- Частично да. Возвращаясь к моей мысли, мы пишем код. А без нашего кода не может быть ни компьютеров, ни финансов, ни банков, ни денег, ни обменной стоимости, ни ценности.
- Со всеми, кроме последней, – понятно. Но что с того?
- Ты сегодня читал новости?
- Нет, конечно.
- А стоило бы. Все плохо. Нас съедают.
- Как всегда. Сам же сказал – жизнь есть смерть.
- Сейчас еще хуже, чем когда-либо. Становится уже слишком. Скоро и до костей дойдут.
- Да знаю я. Поэтому мы и живем в палатке на крыше.
- Верно, и люди сейчас не меньше тревожатся из-за еды.
- И правильно делают. Потому что это реальная ценность – когда у тебя желудок полон. Деньгами-то не наешься.
- Так и я о чем!
- А я думал, ты говорил, что реальная ценность – это код. Что вполне ожидаемо от кодера, я бы заметил.
- Матт, держись меня. И послушай, что я говорю. Мы живем в мире, где люди делают вид, будто за деньги можно купить все. И деньги становятся целью, мы все работаем ради них. Деньги считаются ценностью.
- Ладно, я понял. Мы на мели, я в курсе.
- Вот и хорошо, вот и держись меня. Мы живем, покупая вещи за деньги, а цены устанавливает рынок.
- Невидимая рука рынка.
- Точно. Продавцы предлагают товары, покупатели его покупают, и колебаниями спроса и предложения определяется цена. Это коллективно, это демократично, это капитализм, это рынок.
- Так устроен мир.
- Верно. И это всегда неправильно.
- Что значит «неправильно»?
- Цены всегда занижаются, и миру конец. У нас массовое вымирание, повышение уровня моря, изменение климата, продовольственная паника – все, о чем не прочитаешь в новостях.
- Все из-за рынка.
- Именно! Дело не только в дефектах рынка. Рынок – сам сплошной дефект.
- Как так?

- Товары продаются за меньшую цену, чем стоит их производство.
- Звучит как верный путь к банкротству.
- Да, и многие предприятия к нему приходят. Но компании, которые еще держатся, тоже не продавали свои товары дороже, чем те стоили сами. И просто игнорировали часть своих расходов. Предприятия под огромным давлением. Они продают свою продукцию по максимально заниженной цене, ведь каждый покупатель покупает все самое дешевое. Поэтому некоторые производственные расходы они не учитывают.
- А нельзя снизить зарплату рабочим?
- Они и так ее снизили! Это было легко. Поэтому-то у нас и разорились все, кроме плутократов¹.
- Я всегда представляю себе диснеевскую собаку², когда ты говоришь это слово.
- Они сдавили нас так, что кровь из глаз идет. Я больше не могу это терпеть.
- Сэр Плутократ, грызущий кость.
- Грызущий мою голову! Но теперь нас пережевали. Выжали досуха. Мы платим за товары только часть их себестоимости, а недополученные расходы тем временем выходят боком всей планете и работникам, которые производят товар.
- Зато благодаря этому у них дешевое телевидение.
- Да, они даже могут посмотреть что-нибудь интересное, пока будут разоряться.
- Вот только интересного ничего нет.
- И это еще наименьшая из проблем! Я имею в виду, обычно что-нибудь интересное да находится.
- Позволь с тобой не согласиться. Мы же все это миллион раз видели.
- Да, видели. Я только хочу сказать, что скучное телевидение – не самое большое наше горе. Массовое вымирание, голод, разрушенные детские жизни – вот это куда серьезнее. И становится только хуже. Люди страдают сильнее и сильнее. У меня от этого скоро взорвется голова, богом клянусь.
- Ты просто расстроен из-за того, что нас выселили и мы живем в палатке на крыше.
- И это тоже! Это только маленькая часть.
- Ну, предположим. И что?
- Ну смотри, проблема – в капитализме. У нас развитая техника, у нас хорошая планета, но мы все просираем из-за дебильных законов. Вот что такое капитализм – свод дебильных законов.
- Предположим и это, тут я, может, и соглашусь. Но что мы можем сделать?
- Это свод законов! Причем всемирных! Они действуют по всей Земле, и бежать от них некуда, мы все в них погрязли, и что бы ты ни сделал – система правит всем!
- Но что с этим делать, я так и не слышу.
- Сам подумай! Законы – это коды! Которые существуют в компьютерах и в облаке. Их всего шестнадцать – и они управляют миром!
- Как по мне, этого слишком мало. Слишком мало или слишком много.
- Да нет. Они, конечно, разбиты на кучи статей, но все сводится к шестнадцати основным законам. Я их проанализировал.
- Как всегда. Но все равно это много. Не бывает же шестнадцать чего-либо. Есть восьмеричный путь, в сказках – две злые сводные сестры. Ну максимум двенадцать всюду встречается – как двенадцать шагов или апостолов, – но чаще это однозначные числа.

¹ Представитель правящей верхушки, наделенной властью благодаря своему богатству. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Имеется в виду Плут, персонаж, известный как домашняя собака Микки-Мауса.

– Да ладно тебе! Их шестнадцать, и они распространены по странам Всемирной торговой организации и Большой двадцатки. Финансовые операции, обмен валют, торговое право, корпоративное право, налоговое право. Везде одно и то же.

– И все равно я считаю, что шестнадцать – это слишком мало или слишком много.

– Шестнадцать, говорю тебе, и они закодированы, но каждый закон можно изменить, изменив код. Послушай, что я скажу: ты меняешь эти шестнадцать законов и тем самым как бы поворачиваешь ключ в огромном замке. Ключ поворачивается, и плохая система превращается в хорошую. Она помогает людям, управляет самыми чистыми технологиями, восстанавливает среду, прекращает вымирание. Она охватывает весь мир, и отступникам некуда от нее прятаться. Плохие деньги превращаются в пыль, плохие дела – туда же. Схитрить никто не может. И все люди, хочешь не хочешь, становятся хорошими.

– Джефф, я тебя умоляю. Ты меня пугаешь!

– Да шучу я! К тому же что может быть страшнее, чем то, что сейчас?

– Изменения? Не знаю.

– Что страшного в изменениях? Ты даже новости читать не можешь, верно? Потому что они чересчур страшные, да?

– Ну да, и потому что некогда.

Джефф смеется так сильно, что прижимается лбом к столу. Мэтт тоже смеется – просто оттого, что его другу весело. Но радость у них довольно сдержанная. Они партнеры, и они развлекают друг друга, пока работают долгими часами над кодом для высокочастотных торговых компьютеров в аптауне³. В результате некоторых пертурбаций их положение к этой ночи сложилось таким образом, что они жили в капсуле на открытом садовом этаже старого здания МетЛайф Тауэр⁴, откуда просматривается затопленный Нижний Манхэттен – «новая Венеция» – величественный, роскошный. Их район.

– Вот и смотри: мы знаем, как влезть в эти системы, – говорит Джефф, – и знаем, как писать код, мы лучшие кодеры в мире.

– Или, по крайней мере, в этом здании.

– Да ладно тебе, в мире! К тому же я уже залез туда, куда нам нужно.

– Чего-чего?

– Ну, смотри. Я создал для нас несколько скрытых каналов, пока мы занимались той халтуркой для моего двоюродного братца. Так что мы уже там, и у меня готовы коды на замену. Шестнадцать правок к тем финансовым законам плюс наводка на зад моего братца. Пусть Комиссия⁵ знает, что он задумал, а заодно пусть выделит денег на расследование. Я установил сублиминальное соединение, по которому альфа подключится прямо к учетке Комиссии.

– А вот сейчас ты реально меня пугаешь.

– Да, но ты только посмотри. Интересно, что ты думаешь.

Мэтт читает, шевеля губами. Он не проговаривает слова про себя, а просто дает стимуляцию мозгу в стиле Ниро Вульфа⁶. Это его любимое нейробическое упражнение, а их у него много. Затем начинает дергать себя за губу – это служит признаком глубокого беспокойства.

– Ну да, – произносит он после десяти минут чтения. – Вижу, ты постарался. И думаю, мне нравится. В целом. Этот старый троянский кентомпсоновский⁷ конь работает безотказно, да? Как закон логики. Так что может быть весело. Да уж, наверняка развлечемся.

Джефф кивает. И нажимает на клавишу возврата. Новый набор кодов проникает в мир.

³ Верхний Манхэттен; северная часть острова.

⁴ 213-метровый 50-этажный небоскреб, построенный в 1909 году.

⁵ Имеется в виду Комиссия по ценным бумагам и биржам.

⁶ Популярный персонаж из цикла детективов Рекса Стаута.

⁷ Кен Томпсон (р. 1943) – американский пионер компьютерной науки.

Они выходят из капсулы и становятся у садовых перил, глядя на юг, на затопленный город, вбирая в себя его уитменовские «чудеса». О Маннахатта! Внизу огни прочерчивают завитки на черной воде. В южной части острова высятся небоскребы, они отбрасывают свет на более темные строения, придавая им геологический блеск. Чудно, красиво, жутковато.

Из капсулы доносится сигнал, и они, отбрасывая заслонку, устремляются в свое квадратное палаточное жилище. Джефф смотрит на экран компьютера.

– Вот дерьмо, – говорит он. – Нас засекли.

Они смотрят на экран.

– И правда дерьмо, – подтверждает Матт. – И как у них вышло?

– Не знаю, но это только подтверждает, что я был прав!

– Это хорошо?

– Это даже могло сработать!

– Думаешь?

– Нет, – морщит лоб Джефф. – Не знаю.

– Они всегда могут перекодировать то, что ты делаешь, – вот в чем штука. Как только заметят.

– Так, думаешь, стоит попытаться?

– Что?

– Не знаю.

– Ты же сам говорил, – указывает Матт. – Система охватывает весь мир.

– Да, но это же большой город! Сколько тут уголков и закоулков, темных омутов, подводных экономик и всего прочего! Можно нырнуть и исчезнуть.

– Серьезно?

– Не знаю. Но можно попробовать.

В этот момент на садовом этаже открывается дверь большого служебного лифта. Матт и Джефф переглядываются. Джефф показывает большим пальцем в сторону лестницы. Матт кивает. Они проползают под стенкой палатки.

Б) Инспектор Джен

Говорить коротко...
Генри Джеймс

Инспектор Джен Октавиасдоттир сидела у себя в офисе. Снова задержавшись допоздна, она обмякла в кресле и пыталась собраться с силами, чтобы встать и отправиться домой. Слабый стук ногтей по двери возвестил о приходе ее помощника, сержанта Олмстида.

– Шон, да заходи ты уже.

Ее послушный молодой «бульдог» привел женщину лет пятидесяти. Очень знакомое лицо. Рост метр семьдесят, телосложение плотноватое, небольшие щечки, волосы густые, черные, с седыми прядями. Деловой костюм, большая сумка через плечо. Широко расставленные глаза, умный взгляд, который сейчас был направлен на Джен; выразительные губы. Без макияжа. Серьезная дама. С виду кажется такой же уставшей, как сама Джен. И будто в некотором сомнении – возможно, по поводу этой встречи.

– Здравствуйте, меня зовут Шарлотт Армстронг, – представилась женщина. – Мы, по моему, живем в одном здании. В старом МетЛайф Тауэр на Мэдисон-сквер, да?

– У вас знакомое лицо, – ответила Джен. – Что вас сюда привело?

– Это касается нашего здания, поэтому я и попросилась на прием именно к вам. Двое жильцов пропали. Знаете двух парней с садового этажа?

– Нет.

– Они, может, боялись с вами заговаривать. Хотя разрешение там жить у них было.

Здание Мета было кооперативным и принадлежало жильцам. Инспектор Джен только недавно унаследовала квартиру матери и не слишком вникала в дела своего дома. Ей казалось, что она приходит туда только поспать.

– Так что случилось?

– Никто не знает. Они просто были, а потом пропали.

– Кто-нибудь проверял камеры безопасности?

– Да. Поэтому я к вам и пришла. Камеры отключались на два часа в последнюю ночь, когда их видели.

– Отключались?

– Мы проверили сохраненные файлы, и во всех оказался двухчасовой пропуск.

– Как при отключении электричества?

– Да, только его не отключали. И они тогда перешли бы на питание от аккумуляторов.

– Это странно.

– Вот и мы так подумали. Поэтому я к вам и пришла. Владе, наш управляющий, сам собирался сообщить, но мне все равно надо было сюда, в участок, представлять клиента, вот я и подала заявление, а потом попросилась к вам на прием.

– Вы сейчас в Мет? – спросила Джен.

– Да.

– Почему бы нам не вернуться вместе? Я как раз собиралась уходить. – Джен повернулась к Олмстиду: – Шон, можешь найти это заявление и попробовать разузнать что-нибудь о тех ребятах?

Сержант кивнул и вперил взгляд в пол, стараясь не выглядеть так, словно ему только что бросили кость. Но готов был вгрызться в нее, едва они уйдут.

* * *

Армстронг направилась было к лифтам, но инспектор Джен удивила ее, предложив пройти пешком.

– Не знала я, что отсюда можно дойти до дома крытыми переходами.

– Прямых нет, – пояснила Джен, – но по одному можно пройти отсюда до Белвью⁸, а потом спуститься, перейти поперек и дальше на запад к скайлайну⁹ 23-й. Времени займет приблизительно тридцать четыре минуты. На вапо¹⁰ было бы в лучшем случае двадцать минут, не в лучшем – тридцать. Так что я стараюсь ходить побольше. И по пути как раз можно поговорить.

Армстронг кивнула, хоть и не была полностью согласна, и сдвинула сумку ближе к шее. У нее побаливало правое бедро. Джен попыталась вспомнить что-нибудь из тех частых рассылок, что приходили ей от правления Мета. Но безуспешно. Тем не менее она точно знала, что эта женщина была председателем кооператива уже тогда, когда Джен переехала в Мет, чтобы ухаживать за матерью. То есть пробыла на своем посту как минимум три-четыре срока, а на такое не многие бы подписались. Она поблагодарила Армстронг за ее труд, а потом прямо спросила о причине столь длительной работы председателем:

– Почему так долго?

– Потому что я сумасшедшая, как вы, должно быть, думаете.

– Нет, не думаю.

– Ну, если бы и подумали, то не слишком ошиблись бы. Мне лучше чем-то заниматься, чем бездельничать. Так меньше стресса.

– Стресса по поводу того, как идет управление нашим зданием?

– Да. Там много сложностей, всегда что-нибудь может пойти неправильно.

– Например, если вода поднимется?

– Нет, это как раз более-менее контролируемо, иначе было бы совсем туго. Здесь тоже нужно внимание, но Владе со своими ребятами справляются.

– Похоже, он хорош.

– Он замечательный. Все, что касается самого здания, это еще легко.

– Проблемы, значит, с людьми?

– Как всегда, не так ли?

– В моей работе уж точно.

– И в моей. Здание у меня – это приятная часть. С ним всегда можно что-то поправить.

– А в какой сфере занимаетесь адвокатурой?

– Иммиграция и межприливная зона.

– Работаете на город?

– Да. Точнее, работала. Управление по иммигрантам и беженцам в прошлом году наполовину приватизировали, и меня тоже. Сейчас мы называемся Союзом домовладельцев. Якобы государственно-частное агентство, но на деле и те и другие от нас бегают.

– Всегда этим занимались?

– Когда-то давно я работала в Американском союзе защиты гражданских свобод, но вообще да. В основном на город.

– Значит, защищаете иммигрантов?

– Мы выступаем на стороне иммигрантов, вынужденных переселенцев и всех, кто просит о помощи.

⁸ Госпитальный центр на Первой авеню.

⁹ Панорама города на фоне неба.

¹⁰ Вапоретто, маршрутный теплоход.

– Много у вас работы, наверное.

Армстронг пожала плечами. Они подошли к лифту в северо-западном крыле Белвью, спустились к крытому переходу в здание на северной стороне 23-й улицы. Большинство переходов ведут либо с севера на юг, либо с запада на восток, из-за чего постоянно приходится, как говорит Джен, «ходить конем». Недавно добавили несколько новых, по которым можно было «ходить слоном», что доставило Джен удовольствие, поскольку поиск кратчайших маршрутов при передвижениях по городу увлекал ее, как заядлого игрока. Сокращалки, как называли это некоторые другие игроки. Ей хотелось рассекать по городу, как ферзь, каждый раз попадая точно в место назначения. Но на Манхэттене это было так же невозможно, как и на шахматной доске, – и там, и там приходилось двигаться по строгим правилам. Тем не менее она мысленно представляла себе конечный пункт и шла к нему по самому прямому маршруту, какой могла придумать, постоянно совершенствуя его и измеряя успех с помощью браслета. По сравнению с остальной ее работой, где ей приходилось разбираться с куда более зыбкими и противными задачами, это было просто.

Армстронг ковыляла рядом. Джен уже начала жалеть, что предложила ей прогуляться. С такой скоростью можно было добираться чуть ли не час. Она всячески расспрашивала женщину о здании, чтобы та поменьше обращала внимание на свою боль. Сейчас в Мете проживало около двух тысяч человек, рассказала Армстронг. Около семисот квартир, от одностанных каморок до просторных апартаментов. Жилым здание стало после Второго толчка, в годы «мокрых вложений».

Пока Шарлотт все это описывала, Джен только кивала. Потом сама рассказала Армстронг, что в годы наводнения ее отец и бабушка служили в полиции, а охранять порядок в те времена было непросто.

Наконец они добрались до восточной стороны Мета. Переход с крыши старого почтового отделения примыкал к пятнадцатому этажу их здания. Проходя сквозь тройные двери, Джен кивнула дежурному охраннику, Мануэлю, который говорил что-то в свой браслет, а увидев их, встрепенулся. Джен оглянулась на вид за стеклянными дверьми: при малой воде на уровне канала виднелся круглый слив черно-зеленого цвета. Над ним высились стены ближайшего здания из зеленоватого известняка, гранита или бурого песчаника. Ниже уровня прилива на камень налипли водоросли, выше – плесень и лишайник. Над самой водой – окна за черными решетками, а те, что над ними, – без решеток, и многие были открыты для проветривания. Приятный сентябрьский вечер, ни душный, ни влажный. Недолгие мгновения, когда можно насладиться погодкой.

– Так эти пропавшие парни жили на садовом этаже? – спросила Джен.

– Да. Давайте поднимемся и посмотрим, если хотите.

Они зашли в лифт и поднялись в сады, занимавшие открытую лоджию Мета с тридцать первого по тридцать пятый этаж. Лоджия была заставлена садовыми ящиками и лотками с гидрогелевыми гранулами, на которых выращивали листовую зелень. Летний урожай выглядел готовым к сбору: помидоры, кабачки, бобы, огурцы, перец, кукуруза, зелень и прочее. Джен бывала здесь редко, но поскольку любила иногда готовить, то проводила в садах хотя бы час в месяц, чтобы иметь свою долю. Кориандр уже цвел – раньше положенного времени. Растения росли с разной скоростью, точно как люди.

– Они там жили?

– Да, в юго-восточном углу, рядом с сараем с инструментами.

– И долго?

– Месяца три.

– Ни разу их не видела.

– Говорят, они всех сторонились. Когда они лишились своего предыдущего жилья, Владе установил капсулу, которую парни привезли с собой.

– Понятно.

Капсулы представляли собой жилые камеры, которые легко паковались в чемодан. Их часто устанавливали внутри других зданий. Они не были слишком надежны, зато предоставляли уединение внутри больших помещений.

Джен бродила по садам, надеясь заметить в них что-нибудь странное. Поперек арок в открытых стенах лоджии тянулись борта с перилами, достигавшие уровня ее груди, а она была довольно высокого роста. Выглянув через них, Джен увидела страховочную сеть, выставленную парой метров ниже. Две женщины прошли вдоль арок и приблизились к юго-восточному углу, где стояла капсула. Джен опустилась на колени, чтобы присмотреться к грубому бетонному полу, но ничего необычного не обнаружила.

– Надо, чтобы на это взглянули криминалисты.

– Да, – согласилась Армстронг.

– Кто разрешил им там жить?

– Совет жильцов.

– И у них не заканчивалась аренда?

– Нет.

– Ладно, будем искать как пропавших без вести.

Ситуация была несколько странной, и это вызывало у Джен любопытство. Зачем эти двое сюда явились? Почему их приняли, несмотря на то, что дом и так переполнен?

Список подозреваемых, как всегда, начинался с круга непосредственных знакомых.

– Как думаете, управляющий сейчас может быть у себя в офисе?

– Обычно он там и есть.

– Идемте с ним поговорим.

Они спустились на лифте и нашли управляющего за рабочим столом, который тянулся вдоль одной из стен его офиса. Стена была стеклянная и открывала вид на большой лодочный эллинг Мета, старое трехэтажное здание, наполовину затопленное водой.

Владе Марович, управляющий, встал и поздоровался. Высокий, под метр девяносто, черноволосый, широкогрудый, длинноногий. Грубое, словно высеченное топором лицо. Славянская нервозность, недоверчивость, легкий акцент, извечное недовольство полицией. Во всяком случае, воодушевления Владе не выказал. Джен встречала его иногда на территории здания.

Джен задавала вопросы и слушала, как Владе описывает произошедшее со своей точки зрения. Он имел возможность вывести камеры из строя. И казался настороженным. Но вместе с тем уставшим. В подавленном состоянии люди обычно не затевают преступных схем – это Джен давно себе уяснила. Но кто знает наверняка?

– Может, пойдем поужинаем? – спросила она их. – Я что-то проголодалась, а вы же знаете, как у нас в столовой: достается только тем, кто придет пораньше.

Владе и Армстронг были прекрасно об этом осведомлены.

– Может, поедим вместе и вы расскажете мне что-то еще? А завтра в участке я продолжу дело. Мне нужен список всех, кто работает у вас в здании, – сказала она Владе. – Имена и личные дела.

Он нерадостно кивнул.

В) Франклин

Выбор процентной ставки имеет решающее значение для всего расчета.

Низкая ставка подразумевает важность будущего, высокая им пренебрегает.

Франк Акерман. Можем ли мы позволить себе будущее?

Мораль очевидна. Нельзя доверять коду, который не полностью написал сам.

Ошибочное использование компьютера ничем не лучше вождения автомобиля в нетрезвом виде.

Кен Томсон. Размышления о доверии к доверию

Синица в руках стоит того, что может принести.

Отметил Амброз Бирс

Моя голова часто забита цифрами. Дождаясь, пока нелюдимый управляющий снимет моего «водяного клопа» со стропил лодочного эллинга, где тот оставался на ночь, я смотрел на небольшие волны, что накатывали на ворота, и думал: подчиняется ли их изменчивость формуле Блэка-Шоулза? Каналы напоминали волновой бассейн для демонстрации вечного движения на занятии по физике – интерференция волн, огибание прямых углов, прохождение через щели и прочее, – и все это наводило на мысль о применимости математической модели поведения волн к сфере финансов.

Размышлял я долго – уж очень этот управляющий медлителен. Это же парковка в Нью-Йорке – нужно запастись терпением! Наконец мне удалось взойти на борт, отплыть от пристани и выйти через большие высокие ворота эллинга на тенистую поверхность бачино Мэдисон-сквер. Приятный ясный день, свежий воздух, солнечный свет разливается по каньонам зданий с восточной стороны.

Как обычно, я пожужжал на своем «клопе» по 23-й улице на восток, к Ист-Ривер. Каналами было бы короче, но движение к югу от парка даже после заката было весьма затруднено, а в районе бачино Юнион-сквер становилось еще сложнее. К тому же мне хотелось немного полетать перед работой, полюбоваться сиянием реки.

Ист-Ривер стояла в обычной утренней пробке, но, если подняться на подводных крыльях и полететь, добраться на юг можно было быстро. Подъем, как всегда, вышел волнующим, будто взлет гидроплана. Лодка словно нашла свой волшебный коридор в воздухе, в паре метров над водой. Два обтекаемых составных крыла рассекали воду вниз, непрерывно изгибаясь, чтобы обеспечивать максимальный подъем и стабильность. Чудо, а не лодка – она гудела вниз по течению в транспортном потоке, разрывая залитые солнцем следы остальных копуш. Чух-чух-чух, здесь кое-кому кое-куда надо, все с дороги, нужно спешить на работу, зарабатывать себе на жизнь.

Если на то будет воля богов. Я мог понести убытки, опростоволоситься, лопухнуться, дать маху, попасть впросак – назовите как угодно! – но в моем случае это было маловероятно. Я хорошо страховался и не был склонен к большим рискам, по крайней мере в сравнении с другими трейдерами. Однако риски реальны, волатильность волатильна – причем эта волатильность не может быть принята в расчет в уравнениях Блэка-Шоулза с частными производными, даже если их намеренно изменить, чтобы учесть эту составляющую. В конце концов, на нее-то люди и делают ставки. Не на то, пойдет ли цена вверх или вниз – трейдеры выиграют в обоих случаях, – а насколько волатильной она будет.

Моя прогулка очень скоро, даже слишком, привела меня к Пайн-каналу. Я отключил двигатель, и «клоп» опустился на воду, не резко, по-гусиному, как делают некоторые крылатые судна, но изящно, без единого всплеска. После этого я свернул поперек кильватеров больших барж и, гудя и жужжа, направился в город примерно со скоростью пловцов, увлекающихся брассом, которые, не боясь отравленных вод, самозабвенно отдавали честь солнцу. Пайн-канал обладал странной популярностью: стайки старых пловцов в гидрокостюмах и масках надеялись, что польза водных упражнений и, собственно, самого плавания пересилит воздействие солей тяжелых металлов, которому они здесь неизбежно подвергались. Можно только восхищаться всяким, кто по своей воле погружается в воду в районе нью-йоркской бухты. Люди упорно продолжали это делать, потому что плавали в своих идеях. Отличная черта, особенно когда вам нужно с ними торговать.

Хедж-фонд, на который я работаю, «УотерПрайс», занимал весь Пайн-тауэр на углу Уотер- и Пайн-стрит. Водный ангар в здании был четырехэтажный, и большой старый атриум заполняли суда всех типов, подвешенные, будто модельки в детской спальне. Я с удовольствием наблюдал, как подводные крылья свисают под корпусом моего тримарана, водружаемого на стоянку. Это хорошая парковка, пусть и недешевая. Из ангара – в лифт на тридцатый этаж, потом в северо-западный угол, где я устроил себе гнездышко с видом на россыпь переходов в Мидтауне и загородные сверхнебоскребы, вырисовывающиеся во всей своей гериевской¹¹ красе.

День я начал, как всегда, с гигантской чашки капучино и обзора закрывающихся рынков Восточной Азии и дневных – Европы. Мировой улей никогда не спит, а лишь дремлет, пересекая Тихий океан, – полчаса между тем, как Нью-Йорк закрывается и открывается Шанхай, и эта пауза отделяет торговые дни один от другого.

На моем экране отображались все участки мирового разума, касающиеся затопленных побережий – моей области специализации. С первого взгляда на самом деле нельзя было понять все эти графики, таблицы, бегущие строки, видеоблоки, чаты, колонки и маргиналии, хотя некоторые из моих коллег делали вид, будто понимают. Если бы они попытались, то просто что-нибудь упустили бы, и многие действительно упускали, но сами считали себя великими гештальтерами. Профессиональная сверхуверенность, вот как это называется. Нет, можно, конечно, посмотреть на всю совокупность данных, но после этого важно остановиться и постичь их по частям. Для этого теперь требовалось постоянно переключаться между разными инструментами, потому что мой экран представлял собой подлинную антологию сюжетов, причем во множестве жанров. Мне приходилось переключаться между хокку и эпосом, личными эссе и математическими уравнениями, романами воспитания и оперой, статистикой и сплетнями, каждые из которых по-своему рассказывали мне о трагедиях и комедиях творческого разрушения и разрушительного творения, а также куда более распространенного, но менее заметного творческого творения и разрушительного разрушения. Временность этих жанров варьировалась от наносекунд при высокочастотной торговле до геологических эпох подъема уровня моря, делимых на интервалы в секундах, часах, днях, неделях, месяцах, кварталах и годах. Здорово было погрузиться во всю эту сложную информацию на фоне Нижнего Манхэттена за окном, а в сочетании с капучино после полета над рекой создавалось ощущение взлета на большой волне. Экономическая возвышенность!

В центре моего экрана гордо располагалась карта мира от «Плэнет Лэбс» с уровнями моря, отображающимися в режиме реального времени с точностью до миллиметра посредством спутниковой лазерной альтиметрии. Области, где уровень был выше, чем в среднем за прошлый месяц, были залиты красным, где ниже – синим, где без изменений – серым. Цвета менялись каждый день, отмечая накатывающие воды под влиянием Луны, силу преобладающих тече-

¹¹ Фрэнк Гери (р. 1929) – архитектор, один из основоположников деконструктивизма.

ний, воздействие ветров и прочее. Эти бесконечные подъемы и падения теперь измерялись до обсессивно-компульсивной степени, что было отчетливо заметно, если обратить внимание на потрясения прошлого столетия и очевидную возможность их повторения. После Второго толчка уровень моря более-менее стабилизировался, но масса антарктического льда все еще балансировала на грани, поэтому показатели прошлого не гарантировали в будущем ничего.

Следовательно, уровень моря должен был подняться, как ни крути. Он сам служил индексом, и можно было играть на его повышение или понижение, занимать длинные или короткие позиции, но сводилось все к одному – к тому, чтобы делать ставки. Поднимать, удерживать, опускать. Все просто, но это только начало. Он был связан с другими товарами и деривативами¹², которые индексировались и на которые принимались ставки, в том числе ценами на жилье – что было почти так же просто, как с уровнем моря. Индексы Кейса-Шиллера¹³, например, оценивали изменения цен по блокам от всего мира до отдельных районов, включая все, что между, и на это люди тоже делали ставки.

Совмещение индекса цен на жилье с уровнем моря было одним из способов наблюдения за затопленными побережьями, и именно это составляло основу моей работы. Мой индекс межприливной собственности являлся главным вкладом «УотерПрайса» в Чикагскую товарную биржу и использовался миллионами людей для направления инвестиций, общая сумма которых исчислялась триллионами долларов. Он же служил отличной рекламой для моих работодателей и причиной, почему я имел такой солидный фондовый запас.

Это все хорошо, но, чтобы дело спорилось, ИМС должен был работать, то есть обладать достаточной точностью, дабы люди, использующие его грамотно, могли зарабатывать деньги. Поэтому наряду с обычной охотой за маленькими спредами¹⁴, перебором путов и коллов¹⁵, решениями, хочу ли купить что-либо из предлагаемого, и проверкой курсов обмена я также искал способы повысить эту точность. Уровень моря на Филиппинах поднялся на два сантиметра – ого, люди в панике, но не замечают тайфуна, который собирается тысячей километров южнее. Воспользоваться моментом, купить их страх, а потом подстроить индекс, чтобы зафиксировать объяснение. Высокочастотное управление геофинансами, величайшая из игр!

* * *

В какой-то момент послеполуденной торговой сессии, от которой я отрывался, лишь чтобы поесть, окно чата в левом углу моего экрана мигнуло, и я увидел в нем сообщение от моего шанхайского друга-трейдера Си.

Привет, Повелитель межприливья! Видал, какой прокол был ночью, что случилось?

Не видел, – печатаю в ответ. – Где посмотреть?

ЧТБ.

Вообще-то Чикагская товарная биржа – крупнейшая биржа деривативов, это едва ли сужало поиск скачка, но, немного постучав по клавишам, я увидел, что прошлой ночью на ЧТБ здорово трянуло все цены. Примерно на секунду около полуночи – отчего казалось, что источником события был Шанхай, – каждый актив подешевел на два пункта – вполне достаточно, чтобы превратить прибыль по большинству из них в убытки. Но затем, спустя секунду, произошел столь же мгновенный подъем. Как комариный укус, замеченный лишь после, когда начался зуд.

Что за хрень? – написал я Си.

¹² Производные финансовые инструменты.

¹³ Индекс цен на жилье в двадцати крупнейших городах США.

¹⁴ Разница между лучшими ценами заявок на продажу и покупку какого-либо актива.

¹⁵ Опционы на продажу и покупку актива соответственно.

Вот-вот-вот! Землетрясение? Гравитационная волна? Ты, Повелитель межприливья, мне объясни!

Знал бы сам – сказал бы, – ответил я.

Трейдеры то и дело повторяли друг другу эту фразу, будто всерьез или извиняясь. В данном случае я и правда сказал бы, если бы мог, но я не знал, что вызвало прокол, к тому же меня на исходе занимали другие насущные вопросы. Свет в моем окне смещался справа налево, Европа уже закрылась, Азия готовилась к открытию, требовалось внести коррективы, завершить сделки. Я не относился к числу трейдеров, которые подчищали все в конце дня, но любил по возможности закрывать наиболее рискованные сделки. Поэтому сосредоточился на таковых.

Закончил я примерно через час. Пора было выходить в канал и, пока солнце еще висело над водой, вклиниваться в трафик, выбираться в Гудзон и двигать на север, выметая из головы все цифры и слухи. День прошел, в кармане доллар. Сегодня, по оценке программной панели в верхнем правом углу экрана, – около шестидесяти тысячч.

В четыре часа, когда я спустился в ангар, моя лодка уже была готова, и докмейстер улыбнулся и кивнул, когда я дал ему чаевые.

– Мой Франклин с «Франклинами»! – сказал он, как всегда. Ненавижу ждать.

* * *

Канал был перегружен. В финансовом районе плавало в основном либо водное такси, либо частные катера вроде моего, но были и старые большие вапоретто, которые рокотали от пристани к пристани, забитые освободившимися после трудового дня рабочими. Мне приходилось смотреть в оба и проскакивать в промежутках, срезать углы. Вапоретто, проходя друг мимо друга, чуть сбрасывали скорость, чтобы любезно уменьшить размер кильватерной струи, и тогда частные суда, наоборот, ускорялись. В час пик, находясь рядом, можно было промокнуть, но у моего «клопа» имелся прозрачный купол, который я при необходимости поднимал над кабиной. В этот день я направился по Малден к Чёрч, а потом по Уоррен-стрит вышел в Гудзон.

И очутился на большой реке. Темная вода помаленьку прилиwała на исходе осеннего дня, а полоска солнечного света, отражаясь, тянулась по всей ее поверхности ко мне. Высившиеся по ту сторону реки сверхнебоскребы Хобокена, черные под розовыми облаками, казались зазубренным южным продолжением Палисад¹⁶. Со стороны Манхэттена многие прибрежные бары уже заполнились людьми, которые закончили работать и приступали к отдыху. Причал 57 был востребован у моих знакомых, так что я зашел в пристань к югу от него, очень дорогую, зато удобную, привязал «клопа» и поднялся, чтобы присоединиться к веселью. Сигары, виски и вид на женщин при речном закате – в юности я видел закаты лишь в прериях, поэтому теперь пытался познать это все.

Едва я присоединился к знакомой компании, как к старому гуру дельта-хеджирования Пьеру Рембелу подошла женщина, чьи волосы в горизонтально падающем свете блестели, словно вороны крылья. Она не сводила глаз с известного инвестора и старалась его очаровать. У нее были широкие плечи, сильные руки, красивая грудь. Выглядела она чудесно. Я пробрался к бару, чтобы взять бокал белого вина – того же, что пила она. В таких случаях лучше пройтись не спеша, обогнуть зал, убедиться, что первое впечатление верно. Ведь если знаешь, куда смотреть, можно столько всего понять! Или это просто мое предположение – сам-то я не знал, куда смотреть. Хоть и пытался. Какая она – дружелюбная, стыдливая, осторожная, расслабленная? Доступна ли для кого-нибудь вроде меня? Такие вещи по возможности лучше

¹⁶ Ряд живописных утесов вдоль западного берега нижней части реки Гудзон.

выяснить заранее. Не то чтобы это оказалось для меня пустой тратой времени, если бы я заговорил с миловидной женщиной в баре, это понятно, но мне хотелось узнать как можно больше, еще не подойдя, потому что под пристальным женским взглядом мне снесет крышу быстрее. Мне куда легче дается дневная торговля, чем оценка намерений женщины, но я в курсе этого и стараюсь, чем могу, себе помочь.

Кроме того, этот медленный подход позволял понять, нравится мне, как она выглядит, или нет. Поначалу мне нравятся все женщины. То есть я хочу сказать, они все красивы по-своему, и чаще всего я, когда прохаживаюсь по нью-йоркским барам, думаю: ого... ого... ого! Надо же, целый город красивых женщин. И это правда.

А для меня смотреть человеку в лицо – значит видеть его характер. Это и страшно, ведь мы все обнажены – не только буквально, в том смысле, что не закрываем лицо одеждой, но и образно, потому что наш истинный характер отражается на лице, будто на карте. Четкая карта наших душ – и, честно говоря, мне это кажется неуместным. Словно живешь в колонии нудистов. Должно быть, это такое следствие эволюции, но, когда я смотрю в зеркало, мне хочется, чтобы лицо у меня было покрасивее. А когда смотрю по сторонам, думаю: о нет! Слишком много информации! Лучше бы мы носили хиджабы, как мусульманские женщины, и показывали только глаза!

Потому что одни глаза ничего вам не скажут. Глаза – это просто капли цветного желе, они не показывают так много, как я когда-то думал. Расхожее мнение о том, что глаза – зеркало души и сообщают нечто важное, как по мне, простая игра воображения.

У этой женщины глаза были вроде бы карие, точно не разглядеть. Я встал у барной стойки, заказал себе белого вина и осмотрелся, блуждая взглядом таким образом, чтобы снова и снова возвращаться к ней. Когда она посмотрела в мою сторону – потому что все в баре смотрят по сторонам, – я разговаривал с барменом, моим приятелем по имени Энкиду, который божился, что он чистокровный ассириец и был известен как Инки, руки у него были покрыты старыми зеленоватыми татуировками. Моряк Попай? Банка шпината? Он никогда об этом не говорил. Он заметил, что я делаю, и как ни в чем не бывало продолжил разливать выпивку, в то же время болтая со мной, дабы обеспечить блужданию моего взгляда подходящую легенду. Да, до верхней точки прилива еще три часа. Позднее я собирался улизнуть отсюда и, не включая двигатель, прошвырнуться к Статен-Айленду. Это было лучшее время суток – неясные звезды, огни на воде, убывающий прилив, освещающие ночь башни Статена, и мы едем-едем-едем и смотрим вокруг либо работаем, пьем либо общаемся. О, как же эта женщина была прекрасна! Царственная осанка, как у волейболистки, готовящейся оторваться от земли. И как бы невзначай – пронизывающий взгляд, прямо мне в лицо.

Когда она под села к компании моих товарищей, я подскочил, чтобы поздороваться со всеми, и моя подруга Аманда представила мне тех, кого я не знал: Джона и Рэя, Евгению и Паулу; а царственную особу звали Джоанна.

– Приятно познакомиться, Джоанна, – сказал я.

Она довольно кивнула, но Иви заметила:

– Ну, Аманда, ты же знаешь, Джоджо не любит, когда ее называют Джоанной!

– Приятно познакомиться, Джоджо, – проговорил я, в шутку подталкивая Аманду локтем.

Джоджо улыбнулась. У нее была милая улыбка, глаза светло-карие, радужки такие, будто несколько оттенков коричневого поместили в калейдоскоп. Я улыбнулся ей в ответ и постарался совладать с этой красотой. Попытался сохранить хладнокровие. Так, сказал я себе немного отчаянно, это и есть то, что красивые женщины презируют в мужчинах, – вот именно этот момент, когда мужчины тонут в своем восхищении. Сохраняй спокойствие!

Я попытался. Аманда помогла мне: ткнув локтем, стала ныть о каком-то колле, который я, последовав ее примеру, купил на Гонконгском рынке облигаций, а потом заработал вдесятеро

больше. Следил ли я за ней или так вышло случайно? Развивать эту тему я мог хоть весь день – мы с Амандой были знакомы несколько месяцев и уже привыкли друг к другу. Она тоже была красива, но не в моем вкусе. Мы уже попробовали все, что можно было пробовать, а именно несколько ужинов и ночь в постели, но ничего более, увы. Решил это не я, но я, по крайней мере, не остался с разбитым сердцем, когда она завела бизнес за границей и наши пути разошлись. Конечно, я всегда буду испытывать симпатию к любой женщине, которая легла со мной в постель, пусть даже мы не станем парой и будем всю жизнь друг друга ненавидеть. Но близость – забавная штука.

– Да она ЕАП, – заметила Иви Джону.

– ЕАП? – удивленно переспросил он.

– Ну ты что! Еврейско-американская принцесса, неуч ты! Ты где рос вообще?

– Лоунг-Алэн, – сострил Джон, изобразив акцент.

Мы рассмеялись.

– Да ну? – в тон ему удивилась Иви.

Джон покачал головой, ухмыляясь.

– Ларами, Вайоминг, если тебе интересно.

Все снова засмеялись.

– Это что, настоящий город? Разве это не название сериала?

– Город! И он разросся больше, чем когда-либо, когда буйволы вернулись. Мы управляем рынком фьючерсов на буйволов.

– Да ты сам как буйвол.

– Ага.

– А знаешь, в чем разница между ЕАП и спагетти?

– Нет?

– Спагетти шевелятся, когда ты их ешь!

Снова смех. Они уже изрядно напились. И это хорошо. Джоджо чуть разругалась, но не опьянела; я тем более. Я вообще не напиваюсь, разве только случайно, но если я соблюдаю осторожность, то никогда не перейду грань легкой веселости. Растягивай односолодовый виски целый час, а потом переходи на имбирный эль и биттеры, сохраняя рассудок. Джоджо вроде бы делала то же самое: после белого вина она пила какой-то тоник. Это было в некотором смысле хорошо. Женщине, пожалуй, нужно немного безумия. Я поймал ее взгляд и кивнул на бар:

– Тебе что-нибудь принести?

Она задумалась. Она нравилась мне все больше.

– Да, но не знаю что, – ответила она. – Идем посмотрим.

– Мой друг Инки что-нибудь посоветует, – сказал я. О божечки, она резала меня по живому! Мое сердечко сделало прыг-скоч.

* * *

Мы стояли у бара. Она была чуть выше меня, хотя и не на каблуках. Я чуть не обомлел, когда это заметил, и пришлось опереться локтями на стойку, чтобы остаться на ногах. Мне нравятся высокие женщины, а ее талия находилась где-то на уровне моей груди. Другим женщинам приходилось носить высокие каблуки, чтобы быть, как она. О боже.

Подошел Инки, и мы взяли что-то экзотическое по его рекомендации. Что-то непонятное. На вкус как горький фруктовый пунш. С добавлением «Крем де Кассис»¹⁷.

– Как тебя зовут? – спросила она, косясь на меня.

– Франклин Гэrrр.

¹⁷ Черносмородиновый ликер крепостью 15 %.

– Франклин? Не Фрэнк?

– Франклин.

– В честь Франклина Рузвельта?

– Бена Франклина. Это кумир моей мамы. А в моей работе, сказать по правде, нужно вести ту еще политику.

– Ты что, политик?

– Трейдер.

– Я тоже!

Мы посмотрели друг на друга и чуть заговорщически улыбнулись.

– Где?

– В «Эльдорадо».

О, одна из крупных компаний.

– А ты? – спросила она.

– В «УотерПрайс», – ответил я, довольный тем, что наша компания тоже была солидной.

Мы немного поболтали об этом, сравнили свое расположение в здании, рабочие помещения, коллег, начальников, статистику. А потом она сдвинула брови:

– Ты вчера видел ЧТБ?

– Конечно.

– Видел тот всплеск? Видел, как ненадолго всплеснуло? – Она заметила мой удивленный взгляд и догадалась: – Ты видел!

– Да, – ответил я. – А что это было, знаешь?

– Нет. Надеюсь, ты скажешь.

Мне пришлось покачать головой. Я снова об этом задумался. Произошедшее по-прежнему казалось загадкой.

– Может, взломали?

– Но как? Такое, может, и реально где-нибудь в Китае, реально у нас, но на ЧТБ?

– Знаю. – Я пожал плечами: – Странно.

Она кивнула и хлебнула своего пунша.

– Продлись это подольше, привлекло бы много внимания.

– Верно. – Как конец света; но я не стал этого говорить, потому что не хотел так скоро поднимать ее на смех. – А может, это просто был очередной прокол.

– Ну и ладно, был и нет. Может, кто-то что-то тестировал.

– Вполне, – ответил я и задумался.

После минутной паузы мы перешли на другие темы. Было слишком шумно, чтобы думать, а говорить о делах в такой обстановке казалось смешным. Пора было переходить к делу, но она уже допивала и готовилась прощаться – или просто создавалось такое впечатление. Я не хотел все запороть, здесь нельзя было торопиться, поэтому следовало быть тактичным, а я мог быть очень тактичным или хотя бы попытаться это сделать.

– Слушай, а хочешь поужинать как-нибудь в пятницу, отметить окончание недели?

– Да, а где?

– Где-нибудь на воде.

Это вызвало у нее улыбку.

– Хорошая идея.

– В эту пятницу?

– Да.

Г) Владе

*Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.*
Владимир Маяковский

Теперь каждое здание стремится быть «городом в городе».
Рем Колхас

*На иллюстрации «Сон о Нью-Йорке», нарисованной Кингом в 1908 году, город будущего представлен в виде скопища высоток, соединенных воздушными мостиками, с низко летающими дирижаблями, самолетами и воздушными шарами.
Ракурс выбран сверху и с южной стороны города.*

Во время работы в Нью-Йорке детективом Дэшиллу Хэммету однажды довелось обнаружить колесо обозрения, годом ранее украденное в Сакраменто.

Квартирка Владе располагалась за офисом лодочного эллинга, у основания широкой лестницы. Когда здание использовалось как отель, эти комнаты служили частью кухонной кладовой. Они находились ниже уровня воды даже при отливе, но Владе это не беспокоило. Защита затопленных этажей была одной из главных его задач, ею было интересно заниматься, и жильцы это ценили, пусть и принимали отсутствие проблем как само собой разумеющееся. Но этой работе не было конца, и она всегда имела критическое значение. Поэтому он даже немного гордился тем, что спит ниже уровня воды – будто в глубине корпуса огромного лайнера, на котором служил плотником.

Способы сдерживания воды непрерывно совершенствовались. Сейчас, например, Владе работал с командой местной гидроизоляционной ассоциации, устроившей кессон со стороны Мэдисон-сквер, чтобы запечатать стену здания и старый тротуар. Аквакультурные садки, покрывавшие дно бачино, следовало обходить, но новейшее голландское оборудование можно было наклонять и складывать таким образом, что освобождалось место для работы. Новые насосы, сушилки, стерилизаторы, герметики – теперь все было лучше, чем когда-либо, пусть даже оборудование обновляли четыре года назад. Этторе, управляющий Флэтайроном¹⁸, полагал, что столь частое обновление оборудования необходимо для всех зданий, что стоят в воде. И хотя Владе продолжал считать, что у них все было и так хорошо, Этторе и остальные управляющие рассмеялись, когда он об этом сказал.

«Ну ты даешь, Владе!»

Это была хорошая группа. Управляющие зданиями Нижнего Манхэттена объединились в некое подобие клуба, и все они состояли в ассоциациях взаимопомощи и кооперативных группах. Многие из управляющих любили жаловаться, например, на то, что платили им блокжерельями, которые кое-кто из них называл «гривнами». Блокжерелья, по сути, являлись формой договора на проживание, очень своеобразной его версией. И несмотря на свою склонность жаловаться по любому поводу, управляющие сохраняли жизнерадостность и охотно помогали Владе сдерживать воду.

В этот день он проснулся в почти кромешной тьме. Зеленая подсветка часов не могла ее рассеять. Владе прислушался. Никаких протечек – единственной жидкостью неподалеку была

¹⁸ 22-этажный небоскреб в Среднем Манхэттене, также известный как «здание-утюг».

его собственная кровь, что лениво циркулировала по сосудам. Внутренние течения. Сейчас, как обычно по утрам, был отлив.

Он приподнялся и включил в комнате свет. Экран с показателями здания сообщал, что все в порядке. Сухо до самого основания – лучше некуда. В Северном здании то же самое, хотя в его фундаменте образовалась не обнаруженная пока трещина. Что же, очень досадно. Ну ладно, он до нее еще доберется.

Проспал Владе, как обычно, четыре часа. Это было все, что работа и ночные кошмары оставляли ему на сон, но делать нечего – нужно вставать и действовать. Подняться в эллинг, помочь Су вывести рассветные патрули. В эллинге было шесть лифтов, и компьютер четко упорядочивал перемещение лодок при помощи специального алгоритма. Человек был необходим лишь для того, чтобы успокаивать владельцев тех лодок, чье отбытие откладывалось. Даже минутные задержки иногда доставляли хлопоты: «Да-да, очень жаль, доктор, понимаю, у вас важная встреча, но с носа «Джеймса Керда» соскользнул швартовый...» Кто хотел, выбирался в канал без лишней нервозности, но находились и такие, кто дня не мог прожить без мелких скандалов, и Владе делал так, чтобы эти люди искали их где-нибудь в другом месте.

Су был рад видеть его: Мак приняла заказ на свое водное такси и собиралась уехать. Это влекло изменения графика, и теперь требовалась альтернатива, которая уравнивала бы потребность Мак и запрос Антонио на вывод его лодки в 5:15 утра. Подобные мелочи нервировали Су – а он был парнем аккуратным.

Потом пришла инспектор Джен, знаменитая защитница даунтауна из нью-йоркской полиции. Обычно она ходила пешком по крытым переходам в участок на Двенадцатой авеню. Еще вчера Джен и не знала, кто такой Владе. Они никогда не общались, но за ужином Джен уже расспрашивала его о системе безопасности здания. Она слышала о местном кооперативе, который Владе нанял для установки системы, и в целом вроде бы разбиралась в тонкостях наблюдения за зданием. Что неудивительно.

Сейчас, едва поздоровавшись, Джен сказала:

– Я хотела бы задать вам еще несколько вопросов о пропавших.

Владе нерадостно кивнул:

– Ральф Маттшопф и Джефф Розен.

– Верно. Вы много с ними общались?

– Чуть-чуть. Судя по акценту, они вроде из Нью-Йорка. Когда я у них был, они постоянно стучали по своим клавишам. Много работали.

– Много работали и при этом жили в капсуле?

– Не знаю, с чем это связано.

– Значит, вы ничего не слышали о них ни от кого из правления?

Владе пожал плечами:

– Моя работа – поддерживать в нормальном состоянии здание. Жильцы – не моя забота.

По крайней мере, это мне дала понять Шарлотт.

– Хорошо. Но если услышите что-нибудь об этих ребятах, сообщите мне.

– Непременно.

Инспектор ушла. Владе посмотрел ей вслед – высокая темнокожая женщина, ростом не меньше его самого, довольно крупная, с острым взглядом и сдержанными манерами – и вздохнул с облегчением. Теперь можно было разобраться с отказавшими видеокамерами. В любом случае следовало вызвать представителей компании, установившей систему. Как и во многих других ситуациях, Владе требовалась техподдержка, когда он зашел уже достаточно далеко. Быть управляющим означало управлять. В бригаде у него было двадцать восемь человек. Джен должна была это понимать. У нее и самой-то наверняка примерно та же ситуация.

Владе вышел на помост, тянувшийся от высокой двери эллинга к узкой пристани Мета в бачино и все еще погруженный в утреннюю тень здания. Он ничуть не удивился, когда над краем пристани высунулась ручонка – чтобы стащить кусок брошенного там черствого хлеба.

– Эй, крысы водяные! Хватит воровать хлеб у уток!

Двое мальчишек, которых он часто видел на пристани, выглянули из-за края помоста. Они сидели в маленьком «зодиак»¹⁹, который едва пролезал в зазор между понтонами, позволяя им прятаться под настилом. Владе решил, что они жили в своей лодке. Как и многие местные воришки, прозванные здесь водными крысами, – и молодые, и старые.

– Что вы там сегодня учудили, пацаны? – спросил он.

– Здрасьте, мистер Владе, мы сегодня ничего не учудили, – выкрикнул тот, что пониже, через доски.

– Пока не учудили, – добавил второй.

Ни дать ни взять комический дуэт.

– Тогда поднимайтесь сюда и рассказывайте, – велел Владе, продолжая думать о Джен. – Я же вижу, вам что-то нужно...

Пацаны вытащили лодку из-под пристани и, нервно ухмыляясь, взобрались наверх. Низенький заявил:

– Мы подумали, что вы наверняка знаете, когда сюда вернется Амелия Блэк.

– Полагаю, что скоро, – сказал Владе. – Она уехала снимать свое облачное шоу.

– Мы знаем. А можно нам посмотреть ее шоу на вашем экране, мистер Владе? Мы слышали, что у нее там медведи гризли.

– Вы просто хотите увидеть ее голый зад, – сказал Владе.

– Разве не все этого хотят?

Владе кивнул. Трудно было не согласиться.

– Не сейчас, мелюзга. Мне надо здесь поработать. Потом как-нибудь. Ну все, давайте.

Дойдя до своего офиса, он оглянулся, увидел коробку пасты с салатом, которую принес с кухни и еще даже не открывал.

– Эй, а ну возьмите это и скормите водным крысам.

– Я думал, это мы водные крысы! – возмутился высокий.

– Это он и имел в виду, – сказал низенький и поскорей выхватил коробку у Владе, чтоб тот не успел передумать. – Спасибо, мистер.

– Так, все, живо отсюда.

¹⁹ Надувная резиновая лодка.

Д) Гражданин

Нью-Йорк находится в состоянии постоянной мутации. Если бы можно было назвать одно состояние города, то разумно было бы сказать, что Нью-Йорк жидкий – он течет.

Наблюдал Карл Ван Вехтен

В острой крыше небоскреба Крайслер-билдинг²⁰ имеются нагреватели, предназначенные для того, чтобы предотвратить образование льда и его опасное падение на Лексингтон-авеню, но после Второго толчка люди забыли о существовании этой системы. И вот.

Нью-Йорк, Нью-Йорк, ну что за бухта! Генри Гудзон²¹, проплывая мимо, заметил промежуток между двумя холмами как раз в самом глубоком месте залива, который они исследовали. Залив представлял собой углубление в береговой линии и был слишком широк, чтобы называться бухтой, и из него можно было выйти одним галсом. Если вас, конечно, интересует столь древний моряцкий факт. Проплывите вперед на страницу-другую, чтобы продолжить наблюдение за перипетиями жалких приматов, ползающих или плещущихся в этой великой бухте. Если же вы не прочь взглянуть на большую картину, поговорить о настоящей земле, то читайте дальше.

Залив Нью-Йорка образует почти прямой угол, где тянущееся с севера на юг побережье Джерси примыкает к ориентированному с запада на восток Лонг-Айленду, и точно на изгибе имеется промежуток. Всего в милю шириной, но если войти в него – желательно в момент прилива, так гораздо легче, – то вы, как Гудзон, окажетесь в просторной гавани, не похожей ни на что из виденного вами прежде. Ее называют рекой, но на самом деле это нечто большее: это фьорд, линия стока с мировой ледяной шапки времен ледникового периода, которая была так чудовищна, что весь Лонг-Айленд был лишь одним из ее отложений. Когда великое ледяное чудовище растаяло – это было десять тысяч лет назад, – уровень моря поднялся примерно на триста футов. Атлантический океан заполнил все долины восточного берега, что можно легко увидеть на любой карте, и тогда же океан впал в Гудзон, равно как и в долину между Новой Англией и отложениями Лонг-Айленда, образовав одноименный пролив, затем Ист-Ривер и всю прочую мешанину болот, ручьев и родников, наполняющих нашу бухту.

В этом огромном устье сохранились останцы хребтов из старых твердых пород, низкие длинные линии холмов, которые превратились в полуострова. Один тянется на юг по западной стороне бухты и разделяет Гудзон и Мидоулендс – это Палисад и Хобокен, что указывают на большой выступ, составляющий Статен-Айленд. Другой примыкает к Лонг-Айленду с востока – это Бруклин-Хайтс. А третий ведет на юг посередине бухты и благодаря болоту, отрезающему его с северного конца, технически является островом – со скалами, холмами, лесами, лугами, прудами – это Манхэттен.

Лесами? Да, теперь это лес небоскребов. Город, который раньше был просто речным устьем. Наводнения ему уже не грозили – местная береговая линия и так уже была затоплена. Подъем уровня моря на пятьдесят футов означал, что бухта стала больше и сложнее, Врата ада²² – более адскими, река Гарлем превратилась из судоходного канала в безумную струю приливного течения, Мидоулендс – в мелкое море, Бруклин, Куинс и Южный Бронкс – тоже, и

²⁰ 320-метровый небоскреб, построенный в 1930 г. в Нижнем Манхэттене.

²¹ Генри Гудзон (ок. 1570–1611) – английский мореплаватель, исследовавший территории современной Канады и северо-востока США.

²² Узкий пролив в Ист-Ривер.

их ядовито-вязкие воды плещутся теперь о берега. Да, в бухте царит сущий хаос: ржавые мосты, трубопроводы и прочий инфраструктурный хлам. Вместе с водой в город вернулись рыбы, птицы и моллюски. Некоторые оказались двухговыми, но это не страшно. Люди, конечно, тоже вернулись, пусть и многое потеряв, они были повсюду, как тараканы, которых невозможно вывести. Впрочем, другим животным это безразлично: они плавают, охотятся, отслеживают добычу, ощипывают растения, избегают людей, как и все прочие ньюйоркцы.

И все равно это Нью-Йорк. Люди его так просто не сдадут. Экономисты раньше называли это тиранией утраченной стоимости: если вы вложили в проект слишком много денег и времени, то уже не можете смириться с его потерей и жить дальше. Вы продолжаете сорить деньгами, становитесь одержимы, идете ва-банк, вступаете в так называемую эскалацию обязательств и превращаетесь в обезумевшего косноязычного жильца, не способного додуматься переехать. Вы упорствуете перед смертью и остаетесь маниакальным ньюйоркцем до самого конца.

Остров, что залегает под слоем всего этого человеческого дерьма, тоже упорствует. Изначально он славился своими холмами и водоемами, но люди сровняли холмы и засыпали водоемы, чтобы сделать землю максимально плоской, а также надеясь упростить транспортное сообщение. И не то чтобы у них ничего не вышло, но, как бы то ни было, теперь все исчезло, выровнялось, хотя наводнения XXI века выявили существенный факт, который прежде не играл никакой роли: Нижний Манхэттен действительно намного ниже, чем Верхний, – примерно на пятьдесят футов. И этот факт оказался решающим.

Наводнения затопили Нью-Йорк и все остальные прибрежные города мира в основном двумя большими волнами, от которых уровень океана поднялся на пятьдесят футов. При этом даунтаун ушел под воду, а аптаун остался. Даже невероятно, что такое могло случиться! Столько льда из Антарктики и Гренландии! Неужели бывает столько льда, чтобы растаять в такую массу воды? Оказывается, бывает.

Итак, Первый толчок и Второй обернулись десятилетиями подлинной драмы – историческим коллапсом, расколом в обществе, кошмаром с беженцами, экокатастрофой и полным съездом всей планеты с катушек. Антропоцид, Гидрокатастрофа, Геореволюция... А также прекрасные новые возможности для инвестирования. К сожалению, не обошлось без необходимости вводить полицейские меры, что привело к принятию драконовских законов и применению особых практик, получивших название египтофикации. К счастью, это нам сейчас уже не грозит, да и тогда это были скорее пессимистические настроения и страшилки, более уместные в мелодрамах, описывающих судьбы отдельных персонажей в период водяных десятилетий.

Но вернемся к острову, средоточию нашей общей мании. Южная его половина, примерно от 40-й улицы до Бэттери-парк, была постоянно затоплена до второго или третьего этажа зданий, которые выдержали подмыв, не рухнули и даже не просели. К северу от 42-й улицы большая часть западной стороны изрядно возвышалась над уже повывисившимся уровнем океана. На востоке вода поглотила большие многоквартирные дома в Гарлеме и Бронксе, а заодно заполнила большой провал на 125-й улице, который люди заваливали отходами. Больше сваливать мусор было некуда, потому что северная часть острова отрезана водой. Оказалось, что самые высокие точки в округе – это парки Клойстер и Инвуд Хилл, не уступавшие по высоте любой местности в районе большой гавани.

Достаточно было посмотреть на Палисад, Статен-Айленд или Бруклин-Хайтс, чтобы понять: выше северной оконечности Манхэттена нет ничего. А поскольку эта длинная полоса, формирующая северную часть острова, с большим запасом оставалась над водой, вполне естественно, что люди из затопленных районов стали искать там убежища. Район стал подобен Южному Манхэттену в XIX веке или Среднему в XX. Кластер Клойстер – столица XXII века! По крайней мере, тамошним жителям нравилось так думать. Непрерывное смещение на север

позволяет предположить, что еще через столетие-другое все действие перенесется в Йонкерс или округ Уэстчестер, так что покупайте там землю сейчас, а всякого, кто скажет, что это не так, можете засудить за клевету.

Но об этом говорили и раньше. Пока же северная оконечность Манхэттена – это столица столиц, поле для испытаний новых композитных строительных материалов для небоскребов и кабелей пока не построенного космического лифта, но отлично подходящих для трехсотэтажных небоскребов, пронзающих небеса. Таких, что, когда вы находитесь на верхних этажах, на какой-нибудь террасе, где кровь уже начинает идти носом, но вы стараетесь совладать с высотной болезнью и смотрите на юг, южная часть острова выглядит игрушечным поездом, застрявшим посреди водоема. С этих террас, кажется, можно смахнуть луну с неба.

В общем, Нью-Йорк жив. Небоскребы и люди, все как всегда. Новый Иерусалим – и в английском, и в еврейском воплощении; две народные мечты, причудливым образом столкнувшиеся друг с другом и в процессе взаимной интерференции создавшие город на холме, город на острове, новый Рим, столицу мира, столицу столиц, неоспоримый центр планеты, алмазный айсберг между рек, самый оживленный, самый шумный, самый быстрорастущий, самый передовой, самый космополитичный, крутой, желанный и фотогеничный из городов, солнце, освещающее все богатство Вселенной, сам центр Вселенной, то самое место, где произошел Большой Взрыв.

И столицу хайпа, ага? На Мэдисон-авеню вам продадут что угодно, даже этот совершенно бредовый список, который приведен выше! И да, столицу вранья, столицу туфты, а также столицу брехни, которая вечно юлит, притворяясь чем-то особенным, не меняя ничего в мире, и в конечном счете плетется, как любой другой напичканный деньгами мегаполис планеты, особенно из тех, расположенных на побережьях, что прежде были крупными торговыми центрами, а теперь пошли прахом. Однако *toujours gai*, *Achie*, *toujours gai*²³, и, подобно большинству других прибрежных городов, Нью-Йорк влачил свое существование как мог. Здесь по-прежнему жили люди, пусть и худо-бедно, а кто-то сюда еще и переезжал, несмотря на самоубийственную тупость этой идеи, по сути равной добровольному сошествию в ад. Люди как лемминги, как млекопитающие со стадным инстинктом, очень похожим на тот, что движет коровами. Или, попросту говоря, люди – болваны.

Так что не такой уж он особенный, этот наш хваленый Нью-Йорк. И все же. И все же, и все же, и все же. Может, что-то в нем и есть. Трудно поверить, тяжело признать, каким бы ни было это геморройное местечко, что кучка заносчивых недоумков без каких-либо причин случайно выбрала этот удачный рельеф, бухту и залив, пространство и время, что люди случайно возникли здесь в нужный момент, случайным образом отравив голову, внутренние органы и распухшие гениталии американской мечты. Нью-Йорк – магнит для безнадежных мечтателей, место людей из других мест, город иммигрантов, людей из других людей, очень грубых людей, часто крикливых надоедливых засранцев, но еще чаще просто забывшихся и занимающихся своими делами, не обращающих внимания на нас и на то, что делаете вы. Многочисленные незнакомцы здесь сталкиваются друг с другом, уклоняются друг от друга, кричат друг на друга, но по большей части просто друг друга игнорируют. Можно сказать, они почти любезно применяют отточенное городом умение смотреть мимо или сквозь людей или не видеть друг друга. Будто толпы людей – это лишь развешанные гобелены, на фоне которых вы разыгрываете свои жизни, мрачные задники, дающие ложное ощущение драмы, помогающие представить, что вы делаете нечто большее, чем делали бы, оставшись в какой-нибудь сонной деревушке, или в Денвере, или вообще где угодно. Нью-Йорк – огромная декорация, – да, может, что-то в нем и есть.

²³ «Всегда веселье, Арчи, всегда веселье» (*фр.*) – известная цитата из юмористической газетной колонки Дона Маркиза о таракане Арчи и кошке Мехитабель.

Как бы то ни было, вот он, заполняет собой огромную бухту, и неважно, что вы о нем думаете. Он торчит из воды, будто шипы ядовитых морских ежей, за которые цепляются мечтатели, как за не кстати колючий спасательный плот, единственное свое убежище на большой глубине, задыхаясь, будто Аквамен в невозможной для выживания, но терпимой для супергероя низшей точке погружения, все еще в горячечной галлюцинации о великолепном успехе. Если у вас получится здесь, то получится где угодно – может, даже в Денвере!

Е) Амелия

В 1924 году Хуберт Фонтлерой Джулиан, «черный орел», первый темнокожий, получивший пилотскую лицензию, прыгнул с парашютом над Гарлемом, одетый в костюм дьявола и играя на саксофоне. Позднее улетел в Европу и вызвал Германа Геринга на воздушную дуэль.

В 1906 году в секции приматов Бронкского зоопарка целый месяц выставлялся пигмей по имени Ото Бенга.

Что типично для Америки, у нас не было идеологии.
Эбби Хоффман

Один из излюбленных воздушных маршрутов Амелии Блэк пролегал от востока Монтаны, над рекой Миссури, к югу в сторону Озарка, затем на восток в Кентукки, через Делавэр Гэп и по сосновым равнинам, затем ненадолго в море и сразу в Нью-Йорк. Все это расстояние ее дирижабль «Искусственная миграция» летел по воздушным коридорам над дикими территориями, и если она достаточно снижала высоту, а она ее снижала, то почти совсем не замечала признаков людей – только редкие башни или свет огней на ночном горизонте. Конечно, в небе было и много других судов – от одиночных аэростатов до грузовых дирижаблей и вращающихся небесных деревень и много чего еще. Можно было подумать, что небо загружено, но материк, протянувшийся внизу, выглядел столь же незаселенным людьми, каким был пятьдесят тысяч лет назад.

Конечно, это было не так. Когда Амелия достигала пункта назначения, то получала наглядное напоминание о реальном положении дел, но все четыре дня пути материк казался диким. Облачное шоу Амелии было посвящено поддержке миграции исчезающих видов в экосистемах, где у них было больше шансов выжить в условиях изменившегося климата, поэтому вид почти необжитой земли, что она часами наблюдала внизу, был для нее довольно привычен, хотя от этого не менее приятен. И Амелия, и ее облачная публика не могли не понимать, что на самом деле это были всего лишь экоридоры для животных, где те могли жить, питаться, размножаться и передвигаться в любых направлениях, куда их вынудит передвигаться климат. Они могли мигрировать ради выживания. А некоторым даже повезло «ухватить билет» на «Искусственную миграцию».

Нынешнее путешествие началось в Экосистеме Большого Йеллоустоуна, одном из ее любимых мест. Ультразвук-камеры показывали зрителям стада лосей, преследуемые стаями волков, а также самку гризли и ее детеныша, уже известных как Мэйбл и Эльма. Затем появились плато, в основном заброшенные людьми даже до создания экоридоров и теперь заселенные крупными стадами буйволов и диких лошадей. Затем извилистые хребты северного Озарка, зеленые и угловатые, а после них широкие разветвленные поймы Миссисипи, забитые стаями птиц. Здесь она зависла, чтобы сфотографировать небесную деревню, которая парила над просторным яблочным садом, развернув лопатки и сети для сбора урожая, почти никогда не опускаясь к земле. Далее цепь холмов Кентукки с бескрайним ковром североамериканских лиственных лесов.

Направляясь отсюда в сторону Делавэр Гэп, Амелия сбросила высоту, чтобы поближе рассмотреть верхушки дубов, орехов и вязов. Разглядывать местность можно было с высоты не более пятисот футов. И вот привлекательная женщина спускается с аэростата на подвешенной гондоле, где потом раскачивается туда-сюда, будто девушка Гибсона²⁴ на качелях под деревом,

²⁴ Образ, созданный американским иллюстратором Чарльзом Дана Гибсоном и представляющий собой идеал женской

хотя в данном случае Амелия качалась над деревьями. Сегодня на ней было красное платье без рукавов. И наверняка среди зрителей найдутся такие, кто надеется, что Амелия войдет в раж, снимет платье и сбросит его, развевающееся, на деревья, где оно как раз будет хорошо сочетаться с осенними листьями. Она не собиралась этого делать, потому что давно завязала с этим, о чем неоднократно заявляла своему продюсеру Николь. Но в этом платье Амелия выглядела особенно эффектно, тем более что время от времени оно надувалось парашютом и задиралось вокруг талии.

Раскачивание над поверхностью было одним из фирменных приемов Амелии. Сейчас она выполняла его вновь, предоставив управление «Искусственной миграции» своему крайне умелому автопилоту Франсу. Расположившись на своем сиденье, Амелия принялась тянуть за веревки, покуда ее движения не стали напоминать колебания маятника. Внизу расстиралось бескрайнее колышущееся одеяло из осенних листьев, и она упивалась великолепием пейзажа. Но затем Франс сообщил ей, что лебедку опять заело – такое иногда случалось, когда трос натягивался до предела.

Она застряла на конце троса, о нет! Сколько можно?!

Продюсеры заверяли, что лебедку починили, но вот Амелия снова зависла в двухстах футах ниже дирижабля, над самыми кронами. В одном платье, на пронизывающем ветру. До Нью-Йорка в таком положении не дотянуть.

Но Амелию не зря прозвали Непогрешимой, у нее всегда под рукой был Франс. Ветер дул слабо, и, после краткого совещания, Франс опустил дирижабль настолько, чтобы Амелия смогла соприкоснуться с верхушками деревьев. Благодаря чему она ухватила за верхние ветви высокого вяза и сумела на них закрепиться. Ура! По бедра в листве, словно дриада, Амелия с залихватской улыбкой посмотрела вверх на «Искусственную миграцию» и дроны, с которых велась съемка.

– Смотрите все сюда, – произнесла Амелия. – Кажется, мы с Франсом нашли выход из трудной ситуации... Ой, смотрите, белка! Не знаю, то ли рыжая, то ли серая. Их не так-то легко различить...

Франс продолжал опускать дирижабль, трос скрылся где-то в глубине леса, пока судно не заслонило небо над Амелией, а гондола едва не стукнула ее по голове. Она пригнулась, велела Франсу открыть люк. Медленно раздвинув листву, раскрылись створки. Амелия ухватила за них и забралась внутрь. После чего расстегнула ремень и вручную вынула трос, несколько раз хорошенько дернув, чтобы вырвать его из веток. Когда тот оказался внутри гондолы, Амелия приказала Франсу закрыть люк и начать подъем, а сама поспешила наверх, чтобы выпить горячего шоколада.

Наблюдавшим за всеми этими эскападами зрителям понравилось такое приключение, о чем свидетельствовали многочисленные отзывы. Разумеется, нашлись и разочарованные тем, что Амелия все время оставалась в одежде. На стороне последних была и продюсер Николь, предостерегавшая, что шоу скоро начнет терять популярность. Но Амелия не обращала ни на кого внимания, тем более на Николь. «Искусственная миграция» отправилась дальше: сначала над равнинами, поросшими низкорослыми сосенками, затем над зеленым необитаемым побережьем Нью-Джерси, затопленным задолго до главных наводнений, и, наконец, вошла в синеву Атлантики.

Амелия напомнила своей аудитории, что они сейчас пролетели лишь по одному экокоридору из множества, которые делили теперь материк с его городами и садами, федеральными автострадами, железными дорогами и линиями электропередачи. Словно разные миры накладывались друг на друга, образуя случайную мегаструктуру, посткарбоновый пейзаж, где каж-

дый играет свою роль в великом танце природы, а экокоридоры создают жизненное пространство нашим «младшим братьям и сестрам», как называла их Амелия в своих передачах.

Экокоридоры приносили пользу всему живому. Они создавали впечатление совершенно дикой природы. Пролетая в пятистах футах над ними, легко было прийти в восхищение. Критики программы Амелии и искусственной миграции в целом не уставали указывать, что сама она была не более чем одним из наиболее харизматичных представителей мегафауны, подобно ее любимым зверушкам, и летала над миром лишайников, грибов, бактерий, над сложным следствием работы фотосинтеза и других процессов, не замечая их. Когда-то она тоже внесла свой вклад в создание экокоридоров, в чем мог убедиться любой, кто интересовался прошлым Амелии, но теперь для нее настало время парить.

Франс увел дирижабль далеко от берега, и тот оказался над Атлантикой, потом взял влево и двинулся на север, к Нью-Йорку. На пересечении Нью-Джерси и Лонг-Айленда оказался узкий сероватый шов – мост Верразано-Нарроус, и вскоре к северу от него быстро возник огромный город во всем своем великолепии, казавшийся лоскутным одеялом под легким слоем белых облаков. Нью-Йоркская бухта, конечно, была заселена людьми, хотя тоже считалась экологической зоной, восхитительной экосистемой Маннахатта. И все же человеческое в ней доминировало. Удивительный, величественный, даже бодрящий после монотонности восточных лесов и горных плато пейзаж. С высоты парения Амелии бухта казалась собственной моделью, с мешаниной крошечных строений и мостиков, с замысловатым скоплением однообразно серых архитектурных форм. Даунтаун подтопило, но это была лишь малая часть огромной бухты, пусть и настолько плотно усеянная небоскребами и окруженная доками, что старый контур острова теперь было легко различить. Аптаун оставался над водой и плотнее, чем прежде, был застроен зданиями, в том числе многочисленными новыми сверхнебоскребами, красочными графеновыми башнями, что высились к северу от Центрального парка и тянулись намного выше тех, что когда-либо были воздвигнуты в южной и средней частях острова. Из-за чего Нижний Манхэттен визуально казался затопленным сильнее, чем на самом деле.

Амелия рассказывала зрителям об этих видах с восхищением, свойственным всем манхэттенским экскурсоводам:

– Видите, как разросся Хобокен? Целая стена из сверхнебоскребов! Как отрог Палисада, который во время ледникового периода так и не ушел под землю. Жаль только Мидоуленд, красивое было болото, зато теперь он здорово продлевает бухту, да? А Гудзон – настоящая ледниковая впадина, заполненная морской водой. Это не просто обычное русло. Могучий Гудзон, юху! Народ, это одна из величайших святынь дикой природы на Земле! очередной образец наслаивающихся сообществ. – Она повернула камеру на восток. – А Бруклин и Куинс образуют очень необычную бухту. Как по мне, она похожа на какой-то прямоугольный коралловый риф, оказавшийся над водой при отливе.

Франс уже начал посадку «Искусственной миграции» на то, что осталось от острова Говернорс, и Амелия продолжила:

– Этот кусочек острова Говернорс, который до сих пор торчит из воды, и есть изначальный остров. Подводная часть была насыпана землей, которую нарыли, когда строили метро под Лексингтон-авеню. – Николь отправила ей сообщение: «Пора закругляться», и Амелия попрощалась: – Ладно, ребятки, рада была провести с вами время, спасибо вам всем, что путешествуете со мной. – Ее облачная аудитория была немалой: в среднем порядка тридцати двух миллионов зрителей за все время полета, причем половина из-за рубежа. Это делало Амелию одной из крупнейших облачных звезд, а среди тех, кто был связан с природой, и вовсе главной мегазвездой, настоящим черным лебедем. – Надеюсь, вы вернетесь и присоединитесь ко мне снова. А пока мы будем спускаться на Нижний Манхэттен, со стороны Гудзона над каналом 23-й улицы. Никогда не знаю, как их называть. Здесь, в Нижнем Манхэттене, улицами их больше

не называют. А если вы назовете – сразу поймут, что вы не местный. Но я и есть не местная, так что ничего страшного.

Они пролетели мимо небоскребов южной части острова и свернули на восток, к старому небоскребу МетЛайф Тауэр. Она уже видела позолоченную пирамидку его купола, высящегося над Мэдисон-сквер. Вокруг бухты стояло множество зданий и повыше, но в своем райончике оно по-прежнему доминировало.

Амелия позвонила сообщить о своем прибытии:

– Владе, я спускаюсь с запада, у тебя все готово?

– Как всегда, – ответил управляющий после короткой паузы.

Ветра над Манхэттенем бывали непостоянными, но в этот раз ей сопутствовал устойчивый восточный ветер примерно в десять узлов. Похоже, в городе был прилив: вода в больших каналах-авеню доходила почти до Центрального парка. При отливе она оставалась бы где-то в районе небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг, вырисовывающегося сейчас слева по курсу «Искусственной миграции». Амелия подумывала, не поселиться ли там – ведь причальная мачта у них гораздо выше, – но старый небоскреб снова вошел в моду, и хотя Амелия была одной из известнейших облачных звезд, позволить его себе она не могла. К тому же МетЛайф ей нравился больше.

Франс состыковался с мачтой, турбины дирижабля загудели, гондола наклонилась, и шипение выпущенной смеси гелия с воздухом примкнуло к многоголосому завыванию ветра, к плеску тысяч волн, разбивающихся о здания, а также реву лодочных моторов, пению гудков и обычному городскому шуму. О да – Нью-Йорк! Небоскребы и все такое! Амелия родилась и выросла в городке Грантс-Пасс, Орегон, и поэтому любила Нью-Йорк особенно страстно, сильнее, чем мог любить его кто-либо из здешних уроженцев. Настоящие местные жили здесь как рыбы в воде, не обращая внимания на его красоты.

Крюк «Искусственной миграции» защелкнулся на мачте, дирижабль немного качнуло, и уже вскоре труба крытого перехода протянулась к ней из-под карниза купола и присосалась к правой двери гондолы. Внутренняя дверь открылась, оттуда с резким свистом вышел воздух. Тогда Амелия, захватив сумку, спустилась по надувной лестнице на крышу здания, а потом по спиральной и, наконец, лифтом к своей квартире на сороковом этаже с окнами на юг и восток.

Дом, милый дом!

* * *

У Амелии был крошечный кухонный уголок в стенном шкафу, но, как и большинство жильцов Мета, она ужинала в столовой внизу. Вот и сейчас, приняв душ, спустилась поесть. В столовой и общей комнате, как всегда, было полно народу: сотни людей в очереди с подносами и за длинными столами – все ели и болтали. Амелии они напоминали головастика в пруду. Многие из присутствующих здоровались с ней и оставляли в покое, в точности как ей и хотелось.

Владе сидел у окна с видом на бачино, и рядом с ним была женщина, которую Амелия не знала.

Амелия подошла к ним, и Владе представил их друг другу:

– Сорок-двадцать, это Двадцать-сорок. Ха. Амелия Блэк, инспектор полиции Джен Октавиасдоттир.

– Рада знакомству, – сказала Амелия, и они обменялись рукопожатием. Инспектор сказала, что видела ее шоу. – Благодарю, – ответила Амелия. – Спасибо, что смотрите. Когда вы сюда переехали?

– Шесть лет назад, – сказала Джен. – Переехала к маме, когда она заболела. Потом она умерла, а я осталась здесь.

– Мне очень жаль.

Джен пожала плечами:

– Но теперь, я вижу, здесь все не так уж необычно.

Повара позвонили в звонок, и Амелия встала посмотреть, что еще осталось из блюд.

– Этот звонок на меня действует, как на собаку Павлова, – сказала она. – Слышу и сразу чувствую голод.

Вскоре она вернулась с тарелкой салата и остатками из нескольких почти пустых кастрюль. Когда она принялась за еду, Владе и Джен стали говорить о людях, с которыми Амелия не была знакома. Судя по всему, кто-то пропал. Доев, она проверила облачную почту на браслете и улыбнулась.

– Что такое? – спросил Владе.

– Ну, я думала, что побуду здесь какое-то время, – сказала Амелия, – но это, наверное, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Меня пригласили поучаствовать в очередной миграции.

– Ты же и так этим всегда занимаешься?

– Сейчас это миграция белых медведей.

– Высший пилотаж, – заметила Джен.

– И куда же ты их переселишь? – спросила Владе. – На Луну?

– Да, отселять их севернее некуда. Поэтому их хотят отправить в Антарктиду.

– Я думал, она тоже растаяла.

– Не вся. Там им, наверное, будет хорошо, но я не знаю. Нельзя же просто так переселить высшего хищника, ему нужно чем-то питаться. Сейчас спрошу.

Она набрала своего продюсера, и Николь сразу же ответила:

– Амелия, я ждала, что ты позвонишь! Что думаешь?

– Думаю, это бред, – ответила Амелия. – Чем они будут там питаться?

– Тюленями Уэдделла в основном. Мы провели анализы, биомассы там предостаточно. Косаток уже не так много, как раньше, поэтому тюленей стало больше. Еще один высший хищник поможет сохранить баланс. А белых медведей во всей Арктике осталось примерно две сотни, и люди обеспокоены. В природных условиях мишки не выживут.

– И сколько их планируется переселить?

– Для начала около двадцати. Если согласишься, возьмешь шестерых. Твоим зрителям понравится.

– Защитники будут против.

– Знаю, но мы думаем снять тебя и выпустить в облако потом, а место в Антарктиде, куда их переселим, останется в секрете.

– Все равно они будут клевать меня еще годами.

– Но они и так тебя клюют, разве нет?

– И то правда. Ладно, еще подумаю.

Амелия завершила разговор и посмотрела на Владе и инспектора. Она не могла сдержать улыбки.

– Защитники? – спросил Владе.

– Защитники Земли. Они против искусственной миграции.

– Типа все должно остаться как есть и погибнуть?

– Вроде того. Хотят, чтобы туземные виды обитали в своей естественной среде. Идея хорошая, но сами понимаете...

– Вымирание.

– Верно. Поэтому, как по мне, лучше спасать, кого можешь, а потом разбираться. Но с этим не все согласны. Я вообще получаю много гневных писем.

Ее собеседники кивнули.

- Не бывает такого, чтобы с чем-нибудь были согласны все, – мрачно проговорил Владе.
- Белые медведи, – сказала инспектор Джен. – Я думала, они уже вымерли.
- Две сотни особей – это уже за гранью. Судя по всему, скоро они останутся только в зоопарках. И если зоопарки сумеют сохранить белых мишек до более прохладных времен, то их гены сохранят мало разнообразия для комбинирования. Но знаете, лучше так, чем никак.
- Так что, займетесь этим?
- О да. Это же та самая харизматичная мегафауна! Юху!
- Твоя специализация, – заметил Владе.
- Вообще-то я всех люблю. Кроме пиявок и комаров. Помнишь случай, когда на меня напали пиявки? Вот это была жуть. Но самые высокие рейтинги получают шоу с крупными млекопитающими.
- А они ведь в большой беде, верно?
- Да, определенно... Вроде как... Хотя вообще-то... – Амелия вздохнула: – Еще в какой беде.

Ж) Шарлотт

Природа – это то, через что я вынуждена проходить, чтобы добраться из такси в свою квартиру.

Фран Лебовиц

Сработал будильник, и Шарлотт Армстронг стукнула по браслету. Пора домой. Удивительно, как быстро летит время, когда его в обреш. Всю вторую половину дня она пыталась разобраться с делом семьи, члены которой заявляли, что прошли пешком из Пенсильвании в Нью-Йорк через Нью-Джерси. Невзирая на многочисленные нестыковки, они настаивали, что им удалось проделать весь путь, но не могли толком объяснить, как они сумели обойти блокпосты и болота, избежали бандитов и волков. Нет, они ни с чем таким не сталкивались, шли ночами, иногда по воде, пока – ну надо же! – не очутились на Статен-Айленде, где их задержал патрульный, попросивший предъявить документы, которых у них не оказалось.

Шарлотт просидела с этими горе-нелегалами полдня в изоляторе иммиграционной службы. Напуганные, они, казалось, в самом деле не знали, где и как пересекли границу, хотя это абсурдно. Впрочем, люди вообще абсурдные создания, так что кто знает? Могли ли они просто идти и идти, ночь за ночью, шаг за шагом, как слепые? Но у них был один дешевый браслет, значит, по нему можно восстановить маршрут, на что Шарлотт им и указала. Их дело было не настолько серьезным, чтобы власти стали требовать снять показания с их браслета. Закон о защите частной жизни был жестче иммиграционного, но все перевешивали соображения государственной безопасности, требующей строжайшего соблюдения мер предосторожности. Когда Шарлотт объяснила нелегалам все это, они просто молча уставились на нее. Чтобы у них появился хоть малейший шанс, ей нужно было представлять их интересы в суде. Чаше всего в подобных случаях так оно и случалось: Шарлотт приходилось сталкиваться с тысячами таких ситуаций – в этом состояла ее работа. Раньше она этим занималась в системе городской власти, сейчас – в некоем государственно-частном гибриде, то ли в городском агентстве, то ли в общественной организации, которая помогала арендаторам, «безбумажникам», бездомным, водяным крысам и другим обездоленным. Именовался этот гибрид Союзом домовладельцев, хотя такое название было, пожалуй, слишком амбициозным.

Когда Шарлотт закончила беседу с нелегалами и собралась домой, пришла Танганьика Джон, помощник мэра, спросить, не могла бы мисс Армстронг зайти и помочь мэру разобраться с одним важным, но неясным вопросом. Шарлотт это показалось подозрительным, как и сама Джон – высокомерная женщина, стройная и модно одетая, чьей единственной обязанностью было помогать мэру. А это означало, что Танганьика была частью оборонительных укреплений, воздвигаемых Галиной Эстабан вокруг собственной персоны. В распоряжении Джон было несколько людей, пекущихся о репутации верховного мэра, в то время как город задыхался в его деспотичной власти.

Шарлотт с предельной любезностью ответила согласием и последовала за Джон в административную резиденцию, расположенную в пентхаусе. Там мисс Армстронг встретили еще три помощника мэра, которые, как и Джон, попросили ее помочь мэру написать пресс-релиз, объясняющий, почему ввести иммиграционные квоты было необходимо и что это сделано для блага людей, уже проживавших в городе.

От этого Шарлотт сразу отказалась.

– Вы нарушаете федеральный закон, – сказала она. – И вам известно, что его авторы очень ревностно относятся к своему праву устанавливать эти правила. А моя работа заключается в том, чтобы представлять тех самых людей, которых вы пытаетесь отсюда вытеснить.

«О нет, это не совсем так...» – принялись заверять помощники мэра, тут и сама Галина Эстабан появилась в офисе – прекрасная внешность, плавные движения, надменная поза и... глупые решения. Шарлотт давно уже догадывалась, что надменность и глупость – две стороны одной медали. И вот Галина лично повторила мисс Армстронг свою просьбу, будто надеялась, что та не устоит перед ее обаянием, невзирая на давнюю вражду. Видимо, мэр искренне считала, что лицемерием можно заменить дружбу, но Шарлотт сразу ее разочаровала, дав понять, что личная просьба вряд ли может иметь какой-либо вес. Галина попыталась объяснить свою просьбу тем, что предлагаемые меры необходимы для охраны границ города, который они обе любят, и так далее.

– Невозможно охранять границы там, где никаких границ не существует, – сказала Шарлотт.

Галина нахмурилась и даже надула губы. Она и в кресло мэра попала, надувая губки, когда ей что-то не нравилось, но мисс Армстронг этим было не пронять. И несмотря на притворную веселость и снисходительность Эстабан, уловила в ее глазах холодный блеск стали, с которым мэр приняла враждебный выпад. Впрочем, Шарлотт ответила таким же взглядом – это ведь Галина выбросила иммигрантские службы за борт, создав государственно-частное объединение, наихудшую из всех мыслимых форму регулирования движения народонаселения!

– Нам нужно как-нибудь решить этот вопрос, – сказала Галина, мгновенно мрачняя. – Если здесь станет слишком тесно, может случиться социальный взрыв.

– Это Нью-Йорк, – сказала Шарлотт. – Город иммигрантов. Здесь не бывает тесно.

– На численность мы можем повлиять, – парировала Галина.

– Только если превратитесь в отморозков и нарушите закон.

– Объяснять, почему нам нужны квоты, – это не значит быть отморозками.

Шарлотт пожала плечами и любезно распрошала.

– Не тратьте на это время, – посоветовала она, уходя.

Возвращаясь домой по переходам, Шарлотт разглядывала оживленные каналы внизу. После прогулки с инспектором Джен мисс Армстронг стала чаще ходить с работы пешком и теперь каждый день подмечала колебания уровня воды. Исходная Верхняя Отметка сейчас находилась под водой и проживала свою третью жизнь на уровне устричного садка. Сеть переходов ныне включала в себя как дощатые настилы чуть выше уровня прилива, так и протяженные мостики на высоте сороковых и пятидесятих этажей. Последние почти целиком состояли из прозрачных пластиковых труб, усиленных графеновыми композитными сетками, такими легкими и прочными, что могли соединить сразу четыре-пять кварталов.

Раньше Шарлотт почти всегда ездила на работу и обратно на вапоретто номер четыре, но в каналах случались такие пробки, что некоторые пешеходы передвигались по настилам быстрее, чем водный транспорт по каналам. К тому же ходить было полезнее для здоровья, по крайней мере до тех пор, пока ее ноги выдерживали такую нагрузку. Шарлотт хотелось бы совершать такие прогулки туда и обратно каждый день, но она не была уверена, что у нее получится. Пришлось бы отказываться от десерта, ведь не нести же его домой с работы.

Шарлотт пришла домой как раз вовремя, чтобы наспех переодеться и перекусить в столовой перед еженедельным заседанием правления. Участие в этом заседании было чем-то вроде внеурочной работы. От городских проблем мисс Армстронг переходила к домашним: из-за разницы в масштабе они несколько отличались, но не так чтобы слишком. Шарлотт вступила в правление в те времена, когда на него подали в суд и ему требовалась помощь. И хотя это походило на ее обычную работу, мисс Армстронг было интересно участвовать в таких делах. Ей нужно было только немного пополнить запасы сахара в крови, и тогда все хорошо.

Однако сахар было не так просто достать, потому что, когда Шарлотт добралась до столовой, лотки с едой оказались уже почти пусты. Пришлось вычерпывать остатки пищи со дна кастрюль. А еще можно было нырнуть лицом в миску с салатом и вылизать ее, как собака, –

или как те двое ребят, что стояли в очереди перед Шарлотт. Черт, они вылизывали ее дочиста! На ужин лучше приходить вовремя, все это знали, и уже за полчаса до открытия здесь выстраивалась длинная очередь. Жильцы всегда собирались толпами вокруг чего-нибудь важного, а значит, на собрание никто не должен был прийти. Стоило бы снизить число проживающих до предусмотренного реальной вместимостью здания – в этом отношении Шарлотт не раз совершала ошибки. Склонность помогать людям стала ее профессиональной привычкой, но делать это для всех подряд было неправильно. Появлялось слишком много голодных ртов, вырастали очереди в столовой, становилось шумно, люди сидели на полу, прислонившись к стенам и поставив подносы на колени, а стаканы – на пол рядом с собой. Мисс Армстронг и сама так сделала – опустившись неуклюже, устало, зная, как тяжело потом будет вставать. Это было одной из причин, почему по вечерам она носила брюки.

На тридцатый этаж, где находился офис управления зданием, Шарлотт опоздала совсем чуть-чуть. В этом не было бы ничего страшного, не будь она председателем. Остальные члены совета уже вовсю обсуждали ситуацию с двумя пропавшими. Мисс Армстронг села на свое место и осведомилась:

– Ну и что надумали?

– Мы думаем, что не следует больше позволять кому-либо жить на садовых этажах, – заявила Дана.

Остальные члены совета смотрели на председателя так, будто ожидали, что она станет возражать. Ведь именно Шарлотт настояла на том, чтобы пустить Матта и Джефа пожить на садовый этаж.

– Причина?... – уточнила она скорее ради того, чтобы соответствовать их ожиданиям.

– Как мы увидели, там нет такой системы безопасности, как на жилых этажах, – объяснил Мариолино. Он в этом году был секретарем совета.

Шарлотт пожала плечами:

– Я не против того, чтобы закрыть сады... в качестве временной меры.

Услышав это, участники заседания вздохнули с облегчением и двинулись дальше по списку, составлявшему повестку дня. Жалобы на шум, споры из-за парковочных мест в эллинге, просьба установить грузовой лифт повместительней. Владе, закатив глаза, напомнил, что не может увеличить размер шахты, но можно подумать о том, чтобы смонтировать более высокую кабину. Далее вспыхнул спор по поводу формулы расчета взносов и оплаты труда, которая не устраивала тех, кто не считал уборку коридора на этаже трудом, заслуживающим вознаграждения. Обсудили отношения с ОВНМ – Обществом взаимопомощи Нижнего Манхэттена, иногда, в зависимости от настроения, называемым также Овнóм, а на самом деле крупнейшим из местных кооперативных предприятий и ассоциаций, своеобразным зонтом для всех остальных организаций затопленной зоны. Предлагаемые им неофициальные обменные курсы между долларом и блокжерельями настолько разнились с официальным, что решено было просто отказаться от последнего и сделать курс плавающим. Теперь эту плавающую валюту нужно было сохранить как можно более твердой, если вообще существовала такая возможность.

И так далее. Так они и управляли своим маленьким городом-государством. Квартира 12-Д пустовала после смерти Маргарет Бейкер – никто из ее наследников не собирался туда въезжать, они жили в Денвере и хотели ее продать. Контракт Мардж с кооперативом был несокрушим – Шарлотт знала это, потому что сама помогала его составить, так что денверским родственникам предстояло продать квартиру кооперативу за сто процентов доли Мардж. Что было вполне справедливо. У кооператива имелся резерв для подобных выкупов, поэтому все должно было получиться как надо.

Но тут слово взяла Дана:

– Если мы выкупим у них квартиру и сдадим не члену нашего кооператива, то сможем отбить сумму примерно за десять месяцев, а потом будем получать с нее прибыль.

– Десять месяцев? – переспросила Шарлотт.

Александра и остальные участники заседания дружно кивнули. Цены на аренду в Нижнем Манхэттене взлетали вверх. Люди балдели от манхэттенской Венеции, и это приводило к росту цен. «Литоральная аэрация» – вот как это называлось.

– Аэрация, – сказала Шарлотт таким же тоном, каким Владе сказал бы «плесень». – Разве это не что-то типа инфляции или спекуляции? Я-то думала, Второй толчок нас от всего этого избавил.

Не навсегда, объяснили ей. Жизнь среди каналов выглядела достаточно привлекательно. Повседневная суэта неочевидна ни для туристов, ни для людей, которые настолько богаты, что готовы от этой суеты откупиться.

– Одна из таких богачек, желающих купить долю у нас, – это Амелия Блэк, – указал Владе. – Свою комнату и парковочное место на причальной мачте. Она сказала, это для нее будет немного напряжно, что меня удивило, но, говорит, ей всегда хотелось иметь в Нью-Йорке что-то свое, а здесь ей нравится.

– А она будет участвовать в работе кооператива? – спросила Шарлотт с недоверием. – Разве она не слишком часто разъезжает по миру?

– Сказала, что будет. Я уверен, она впряжется, просто она такой человек.

– Но она не всегда будет под рукой?

– Конечно, такая у нее работа. Но если у нас появится член кооператива, который будет работать на него, когда находится здесь, и подолгу бывать в разъездах, то это еще не самое худшее. Меньше стресса, меньше расхода воды и электричества. Больше еды в столовой.

Шарлотт кивнула. Владе всегда думал о пользе для здания, и она это ценила.

– Членский совет может это с ней обсудить, – заключила она.

– Членский совет отправил ее к нам с положительной рекомендацией.

– Тогда ладно. Пусть вступает, раз они так решили.

– Я ей передам, – сказал Владе.

– А где она сейчас?

– В Арктике. Собирается переправлять белых медведей на Южный полюс.

– Серьезно?

– Так она мне сказала.

– Ладно... Я считаю, что с ней нам будет хлопотно, но членский совет решил...

Они перешли к другим вопросам и постарались рассмотреть их как можно быстрее. Все они были довольно давно избраны в правление, чтобы получать удовольствие от заседаний. Владе хотел заменить системы катодной защиты на всех стальных балках в здании, а еще получить новый канализационный процессор, чтобы эффективнее собирать и перерабатывать дерьмо в удобрения для почвы в садах, о чем сообщалось на заседании совета по аквакультуре бачино. Также Владе хотел обновить подключение к местной электрической подстанции. Фотоэлементная краска, покрывавшая здание, генерировала большую часть потребляемой электроэнергии, но в промежутке между зданием и подстанцией ее терялось довольно много, поэтому обновление не помешало бы.

Владе подумал и добавил, что в последнюю минуту Дана включила в повестку еще один пункт: поступило предложение продать здание.

– Что?! – встрепелась Шарлотт. – От кого?

– Мы не знаем. Связались через агентство «Морнингсайд Риэлти» и предпочли остаться неизвестными.

– Но почему? – удивилась Шарлотт.

– Не говорят. – Дана посмотрела в свои записи. – Эммерих предположил, что кто-то из Клойстера, у «Морнингсайд» есть там офисы. Предлагают примерно вдвое больше, чем здание оценили в последний раз. Четыре миллиарда долларов. Если согласимся, станем богачами.

– На хрен их, – сказала Шарлотт.

Повисло молчание.

– Наверное, нам стоит вынести это на голосование, – высказался Мариолино.

Владе насупился:

– Стоит ли?

– Давайте для начала все выясним, – предложила Шарлотт.

Они встали и немного постояли у окна, размышляя. Кто-то налил себе кофе, кто-то вина.

Шарлотт пила крепкий ирландский кофе, желая одновременно и укрепить нервы, и расслабиться. Но не сработало, ее состояние даже ухудшилось: она стала еще сильнее нервничать.

«Какой-то антиирландский кофе, – подумала Шарлотт. – Должно быть, английский...»

– Я – спать, – проговорила она раздраженно.

Когда Шарлотт поднялась в свою комнату, на самом деле состоявшую из кровати и стола в одной из общих комнат и закрытую от соседей звукоизоляционным квилтом, то обнаружила на своем экране сообщение от Джен Октавиасдоттир. Шарлотт набрала ее, и Джен тут же ответила.

– Привет, это Шарлотт. В чем дело?

– Иду к вам из-за тех пропавших ребят.

– Что-нибудь нашла?

– Ничего особенного, но кое-что могу рассказать.

– Давай за завтраком?

– Да, хорошо.

Может, и не стоило договариваться о встрече перед сном, тем более с антиирландским кофе в желудке. О чем ей собирается рассказать Джен? Существовала реальная опасность, что мозг начнет крутить этот вопрос так и эдак и она проворочается в постели всю ночь, а на рассвете встанет невыспавшаяся, с тяжелой головой.

Шарлотт уснула, не успев коснуться головой подушки.

3) Стефан и Роберто

Люблю всех, кто ныряет.
Герман Мелвилл

Солнце восходило в пене кудрявых жемчужных облаков. В Нью-Йорке царила осень. Двое мальчишек вытянули из-под пристани Северного здания небольшую надувную лодку. Мотор с аккумулятором оттягивал корму вниз, и Стефан, который был повыше, взгромоздился на носу, чтобы уравновесить плавсредство. А Роберто уселся за румпель и ловко лавировал в артериях городских каналов. Мальчик правил на восток, навстречу восходящему светилу. Был прилив, соленый утренний воздух отдавал запахом водорослей. Они миновали широкий устричный садок у пристани «Скайлайн» и вошли в Ист-Ривер, после чего двинулись вдоль берега на север, держась при этом вне транспортного потока. К девяти часам мальчишки прошли Тёртл-Бей, достигли 90-й улицы и были готовы пересечь Ист-Ривер. Стефан внимательно осмотрелся. Ни одного крупного судна не было видно. Роберто добавил газу, и Стефана вместе с носом на несколько дюймов приподняло над водой.

- Была бы у нас настоящая моторка, вот было бы круто.
- Ты пока притормози, я вижу наш колокол.
- Ну и отлично.

Роберто притормозил, и Стефан натянул длинную резиновую перчатку. Затем, наклонившись к воде, ухватился за петлю из нейлоновой веревки и стащил ее с подводного буя, посаженного на мелководье, некогда бывшее южной оконечностью острова Уорд. Крепко потянул веревку вверх. Другой конец оказался привязан к ушку на вершине большого пластмассового конуса, который снизу охватывало железное кольцо. Когда Стефан подтащил колокол к поверхности, они с Роберто водрузили его на нос лодки, а потом уселись на толстые округлые борта и присмотрелись к конусу, пытаясь заметить в нем изменения. Все вроде было хорошо, и Роберто сунулся внутрь, чтобы прикрепить к липучке новые инструменты.

- Выглядит неплохо, – сказал он. – Давай поставим его на место мистера Хёкстера.

Они прожужжали мотором вдоль западного берега Врат ада и оказались на мелководье Южного Бронкса. Наконец Стефан, сверившись по навигатору на браслете, объявил, что они достигли нужного места.

– Есть! – воскликнул Роберто и выбросил за борт самодельный подводный буй: два шлакобетонных блока, привязанных краденой нейлоновой веревкой к бую таким образом, чтобы тот, даже при отливе, оставался чуть ниже поверхности.

Да, это было то самое место. Мальчики пришвартовали лодку к бую. Скоро должен был начаться прилив, но пока на реке царило спокойствие. Пора было приниматься за работу.

Ныряльщиком был Роберто, потому что единственный их гидротермокостюм Стефану был маловат. Все свое снаряжение мальчишки приобрели при довольно сомнительных обстоятельствах, поэтому были не слишком разборчивы. Когда Роберто застегнулся, надел перчатки и маску, они аккуратно опустили водолазный колокол в воду так, чтобы под ним осталось побольше воздуха. Роберто взял в одну руку конец шланга, в другую – фонарик и, сделав глубокий вдох, прыгнул в воду. Опустившись немного, забрался под край колокола и там вынырнул. Стефан едва различал его очертания. Роберто подплыл обратно к краю, а потом вынырнул на поверхность.

- Порядок? – спросил Стефан.
- Порядок. Давай спускай меня.
- Хорошо. Когда я потяну за шланг три раза, значит, кислород заканчивается. Тогда тебе надо будет всплывать. Если не сделаешь это сам – подтяну к тебе колокол.

– Знаю.

Роберто снова нырнул под колокол. Стефан понемногу отпустил нейлоновую веревку, позволив колоколу мягко погрузиться в реку и Роберто вместе с ним. Раньше они уже пару раз пробовали это проделать, но все равно было еще боязно. Когда веревка ослабла, Стефан понял, что колокол достиг дна, предположительно там, где шлакобетонные блоки обозначали их место. Навигатор на браслете показывал, что лодка все еще находилась в нужной точке. Он перевел ручку на кислородном баллоне на меньший расход – литр в минуту. Очень скоро этот воздух должен был заполнить колокол, а на поверхности вокруг лодки должны показаться пузырьки. Этот кислородный цилиндр они взяли у соседки мистера Хёкстера, пожилой женщины, которая нуждалась в таких для дыхания, их у нее в комнате была целая куча. Стефан соединил вместе два ее шланга, сделав из них один тридцатифутовый, и сейчас Роберто уже опустился на семнадцать, так что в этом отношении все было хорошо.

Стефан не мог особо разглядеть Роберто, и даже колокол, освещенный фонариком приятеля, выглядел лишь заревом в темной воде. Но Роберто теперь стоял на старом асфальте – некогда там находилась парковка, прямо у старого речного берега на южной оконечности Бронкса. Благодаря фонарику он мог видеть под колоколом вполне сносно.

Стефан потянул за кислородный шланг. Один раз означал «Все хорошо?».

Один рывок в ответ – «Хорошо».

Внизу Роберто должен был развернуть металлодетектор – сначала открепив от внутренней стенки колокола. Детектор был марки «Голфир Максимус», ребята изъяли его у другого соседа, мистера Хёкстера, канального ныряльщика, который недавно умер и, как оказалось, не имел родственников. Роберто надлежало использовать прибор для сканирования старого затопленного асфальта, чтобы выяснить, есть ли там что на месте мистера Хёкстера.

И в самом деле, когда Роберто, находясь под колоколом, включил детектор и настроил его на поиск золота, то аж подпрыгнул, когда тот сразу засигналил. Мальчик припал к стенке колокола и крикнул Стефану. Увы, приятель не слышал его. Тогда Роберто взял конец шланга и прокричал в него:

– Мы нашли! Мы нашли! Мы нашли! – Сердце едва не вырывалось из груди.

Он провел детектором по периметру колокола. С большей частотой прибор пищал возле края, как определил Роберто, с северной стороны. Чем ближе к искомому металлу он находился, тем чаще пищал. И с каждым сигналом у Роберто учащался пульс, мальчик стал даже немного задыхаться от возбуждения, бормоча:

– Божечки, божечки, божечки...

Он взял баллончик с красной краской, которую они прикрепили к внутренней стороне колокола, и пометил асфальт под собой, а потом проследил за тем, как пузырьки краски растеклись по поверхности. Она могла и не пристать как следует, но кто знает? Хотя что-нибудь, да наверняка останется.

Для Стефана время тянулось медленно. Дул легкий ветер, и он уже начал замерзать. Одной из замечательных особенностей этой охоты было то, что место, которое они исследовали, было парковкой, построенной на свалке, а значит, люди не только столетиями не думали искать там затонувший корабль, но и не нашли бы его легко, даже если бы попытались. По крайней мере до Второго толчка, который вернул эту область в ее природное состояние – если говорить так было уместно, – благодаря чему искать там останки корабля снова стало возможным. И найдя, его можно было выкопать тайно, под водой, так, чтобы никто не узнал. В этом отношении морская археология казалась классной штукой! И так уж случилось, что одно из величайших затонувших сокровищ всех времен теперь наконец-то можно найти.

Но пока было очевидным, что Роберто задерживается. Датчик баллона показывал, что кислород почти закончился. Стефан трижды потянул за шланг.

Внизу Роберто это заметил, но проигнорировал. Он поставил на шланг ногу, чтобы тот не выскочил из-под колокола. Затем потянул разок: тот держался крепко.

Стефан опять потянул три раза, на этот раз сильнее. Аккумулятор садился, кислород заканчивался, начинался отлив, и теперь ему приходилось следить еще и за напряжением в тросах и состоянием кислородного шланга. Нельзя было допускать, чтобы хоть один из них натянулся слишком сильно – особенно последний.

Он снова потянул три раза, еще сильнее. Роберто было трудно в чем-то переубедить, даже если разговаривать с ним лицом к лицу.

– Ну его к черту, я тебя вытаскиваю, – громко объявил Стефан в шланг. Буквально прокричал. К банке у них было привинчено ручное мотовило, и сейчас он набросил на него веревку и стал проворачивать рукоятку, притягивая со дна колокол, а вместе с ним и Роберто.

Внизу Роберто поспешно прикрепил краску и металлодетектор обратно к внутренней стороне колокола, прежде чем тот начал подниматься над ним. Вода уже хлынула под стенку и достигла его коленей. Пора было набрать воздуха в грудь, чтобы, проскользнув под стенкой, выплыть к поверхности, но сначала следовало закрепить инструменты.

Стефан продолжал крутить рукоятку, зная, что это единственный способ заставить Роберто подняться наверх. Он собирался все ему выговорить, как только тот выплывет и переведет дыхание, – и ничего, что голос у Стефана был слишком высокий и его гневные речи не производили должного впечатления. Довольно скоро Стефан увидел верхушку колокола, а в следующий момент, выдувая воздух, из воды вынырнул Роберто и закричал. Но это оказались не ругательства, а торжествующие крики:

– Да! Да! Я его нашел! Мы его нашли! Детектор! Он сработал! Мы его нашли! – Затем он глотнул немного воды и закашлялся.

– Бог ты мой! – Стефан быстро помог ему перелезть через борт и, пока Роберто снимал костюм, подтянул к лодке колокол. – Правда, что ли? Среагировал на золото?

– Среагировал, это точно. Запищал так быстро-быстро. Я крикнул тебе в шланг, ты не слышал?

– Нет. Шланги вряд ли передают голоса так далеко.

Роберто рассмеялся:

– Я тебе кричал. Это так здорово! Я пометил место баллончиком, но не знаю, будет ли видно. Зато у нас еще есть буй и навигатор. Мистер Хёкстер обалдеет.

Высвободившись из костюма, стоя на ветру в мокрых шортах, он прикрыл глаза, и Стефан побрызгал на него из бутылки водой, обильно разбавленной отбеливателем, после чего Роберто вытер себе лицо. Здешняя вода часто бывала такой грязной, что от нее могла появиться сыпь или что-нибудь похуже. Когда Роберто обсох и оделся, то помог Стефану затащить колокол на нос лодки, и они отплыли от своего подводного буя. Вскоре Стефан включил мотор, и они перешли к разговорам.

– У нас аккумулятор скоро сядет, – сообщил Стефан. Хорошо, что отлив играл им на руку, когда они плыли по течению. – Надеюсь, нас не вынесет через Нарроус²⁵.

– Неважно, – ответил Роберто.

Хотя выход через Нарроус, конечно, не сулил ничего хорошего. Аккумулятор у них был пусть и получше предыдущего, но довольно паршивый. Роберто оглядел Ист-Ривер: движение, как обычно, плотное. Если бы их поймали в полосе, то могли арестовать и конфисковать лодку. Водная полиция и еще кто-нибудь из властей выяснили бы, что с ними нет никаких взрослых, что у них нет документов... и вообще ничего. Различные люди из района Мэдисон-сквер, с которыми они имели дела, не были в курсе их положения и едва ли обрадовались бы, если бы Стефан и Роберто попросили их назваться опекунами. Нет, попадаться им было нельзя.

²⁵ Пролив, соединяющий Лоуэр-Нью-Йорк-Бей (нижнюю) и Аппер-Нью-Йорк-Бей (верхнюю нью-йоркскую бухту).

- Если доплывем до города, сможем найти, где подзарядиться.
- Может быть.
- Да ладно тебе, мы его нашли!

Стефан кивнул. Затем поймал взгляд Роберто и ухмыльнулся. Оба закричали и хлопнули друг друга по ладоням. А когда добрались до первого подводного буя, то, привязав к нему трос колокола, опустили последний так, чтобы под ним не осталось воздуха. Там колокол должен был ожидать их следующего визита.

После этого они двинулись на юг, к тому месту, где Врата ада переходили в Ист-Ривер. Стефан заметил промежуток в речном трафике, включил мотор на полную и, сжигая большую часть оставшегося заряда аккумулятора, попытался как можно быстрее пересечь полосу движения. Полицейских дронов над ними вроде бы не было. Только фасады сверхнебоскребов, усеивавших Вашингтон-Хайтс, взирали на них миллионами окон, но оттуда никто не смотрел. Конечно, их маневр могли записать камеры наблюдения, но их лодка ничем не отличалась от множества других. Нет, главная трудность теперь состояла в том, чтобы просто добраться домой при сильном отливе.

– Так, значит, нашли, – сказал Стефан. – «Гусар», фрегат Британского флота. Поверить не могу!

- Не то слово, черт подери!
- Как думаешь, он сильно глубоко под улицей?
- Не знаю, но детектор пищал как бешеный!
- Все равно, наверное, до него еще копать и копать.
- Ага, знаю. Нужны будут кирка и лопата, уж точно. Можем копать по очереди. Там глубина футов десять, может, больше.
- Десять футов – это прилично.
- Знаю, но это реально. Нужно просто не переставать копать.
- Точно.

Затем мотор иссяк. Они тотчас достали весла и начали грести, работая вместе так, чтобы лодка продолжала двигаться в сторону мелководья на востоке от Манхэттена. Но отливное течение становилось сильнее, неся их вниз по Ист-Ривер, которую все называли не настоящей рекой, а скорее приливным каналом, соединяющим две бухты. Они уже приближались к мосту Куинсборо²⁶. При сильном отливе в Ист-Ривер становилось неприятно – появлялись широкие пороги, и хотя он не превращался в совсем уж бурлящий поток, грести в нем было без толку. И они плыли по течению, несомые в сторону города.

- Смотри, там в воде какая-то крыша торчит. Давай за нее ухватимся и отдохнем.

Они попытались зацепиться за верхушку какого-то затопленного здания, но из-за сильного течения лишь едва задели ее веслами, и их сразу развернуло боком. Пришлось прогрести вокруг лодки, чтобы снова направить ее носом навстречу течению. Это было непросто. И течение по-прежнему усиливалось.

Такое уже с ними случалось – когда им было лет по восемь-девять, их постигла одна из первых неудач в воде. Даже целое крушение, оно хорошо запомнилось. Сейчас они отчаянно загребли, стараясь, насколько возможно, координировать свои движения. Роберто был чуточку быстрее.

- Вместе работаем, – напомнил Стефан.
- Давай быстрее!
- Ты сам лучше проворачивай!

Ничего не помогало. Течение усиливалось, а их швыряло так, будто они плыли на корабле. Какое-то время казалось, будто они могли сунуться в какой-нибудь из последних

²⁶ Также известен как Мост 59-й улицы. Самый северный мост через Ист-Ривер.

каналов, прежде чем проплывут мимо всего Манхэттена, но течение было слишком сильное: они пропустили их все.

Теперь оставалось только надеяться, что они сядут на мель у острова Говернорс и переждут там. В том месте находилась свалка, где они временами любили что-то искать, но оставаться там пережидать отлив выглядело перспективой безрадостной: можно было замерзнуть и изголодаться. К тому же непонятно, смогут ли они встать под нужным углом, чтобы туда попасть. Но попытаться стоило, и ребята живо заработали веслами.

Потом, хоть они и находились вне полосы движения, мальчики увидели небольшой моторный катер на подводных крыльях – он летел прямо на них. Он не уклонялся, не тормозил и был готов в них врезаться. Возможно, он был и достаточно высоко над водой, чтобы пролететь мимо, но крылья торчали книзу, будто косы, вполне способные разрезать их надвое – не только лодку, но и самих ребят.

– Эй! – закричали они, налегая на весла сильнее, чем когда-либо. Не помогало. Они не смогли бы спастись таким образом, казалось, даже катер поворачивает специально, чтобы их перехватить. Стефан встал, поднял весло вверх и закричал.

И в последний момент перед тем, как их ударить, судно резко свернуло вбок и село на воду с хорошим всплеском, окатив их с ног до головы, а заодно залив лодку.

Но даже при том, что в нее набралось воды, резиновые борта были такими крупными, что она не могла от этого утонуть, пусть и здорово осела, так что грести теперь было нельзя. Теперь, чтобы хоть куда-нибудь добраться, им следовало сначала все это вычерпать.

– Эй! – гневно крикнул Роберто. – Вы нас чуть не убили!

– Залили нам лодку, – добавил Стефан, указывая на залитое дно. Они оба стояли в лодке по колено в воде, промокшие и быстро замерзающие. – Помогите!

– Какого черта вы тут делаете? – резко спросил водитель катера. Похоже, он был зол от того, что испугался сам.

– У нас аккумулятор сел! – сказал Роберто. – Мы гребли. И не были даже на чертовой полосе. Это вы что тут делаете?!

Мужчина пожал плечами, увидел, что они не тонули, и сел обратно, будто решив двинуться дальше.

– Эй, возьмите нас на буксир! – яростно крикнул Роберто.

Мужчина сделал вид, будто не слышал его.

– А вы, кажется, живете в Мете у Мэдисон-сквер? – спросил вдруг Стефан.

Мужчина оглянулся, посмотрел на ребят. Очевидно, он собирался их здесь оставить, но теперь опасался, потому что они могли на него пожаловаться. Как будто они не могли просто запомнить номер лодки – ведь тот находился прямо над ними! А6492. Мужчина тяжело вздохнул и, пошарив у себя в кабине, сбросил ребятам конец веревки.

– Давайте привязывайтесь. Отвезу вас домой.

– Спасибо, мистер, – сказал Роберто. – После того как вы нас чуть не убили, будем считать, что мы квиты.

– Не заливай мне, парень. Вас-то точно здесь быть не должно. Уверен, ваши родители не в курсе, что вы тут шляется.

– Поэтому я и говорю, что мы квиты, – сказал Роберто. – Вы на нас натываетесь, мы отмораживаем себе задницы, вы нас буксируете, и мы не говорим копам, что вы превысили скорость в гавани, мистер А6492.

– Идет, – согласился мужчина. – Все честно.

Часть вторая

Профессиональная сверхуверенность

А) Франклин

Эффективность, суц.

Скорость и плавность, с которыми деньги перемещаются от бедных к богатым.

В целом передача рисков от банковского сектора к небанковским секторам, в том числе домашним хозяйствам, повысила жизнестойкость и стабильность финансовой системы – преимущественно за счет широкого распределения финансовых рисков, в том числе среди домашних хозяйств. В случае широкой неспособности домашних хозяйств управлять сложными инвестиционными рисками либо если домашние хозяйства понесут существенные убытки ввиду устойчивого спада рынка, может возникнуть политическая реакция в виде предоставления государственной поддержки в качестве «страховщика последней инстанции». Может также возникнуть потребность в перерегуляции финансовой индустрии. Таким образом, правовые и репутационные риски для отрасли финансовых услуг возрастут.

Международный валютный фонд, 2002

– Неразумный? Дальновидный? И то и другое?

Итак, я чуть не убил двоих малолеток, которые шлялись на резиновой моторной двойке по Ист-Ривер, к югу от Бэттери. Им было лет по восемь-десять, трудно сказать сколько, потому что они выглядели как заморыши, недокормленные во младенчестве, из тех племен, представителей которых считали пигмеями, пока не стали «пигмеев» нормально кормить с юных лет и потом оказалось, что они даже выше голландцев. Но этих ребят в тот эксперимент не включили. Они своими веслами едва доставали до воды, а отлив шел полным ходом, и их фактически уносило в море.

Так что им повезло, что я на них чуть не налетел, пусть это и было опасно; когда я лечу, у меня прямо впереди есть узкая слепая зона, но она тянется всего метров на пятьдесят, поэтому даже не знаю, как я их не заметил. Отвлёкся, наверное, как это часто у меня бывает. В итоге ничего страшного не произошло или почти не произошло, только я отбуксировал их обратно в город, потому что они знали, где я живу. Они сами жили по соседству, к сожалению, но точный свой адрес скрывали, хотя и знали вроде бы управляющего моего здания. В общем, я их отбуксировал и отбил от критики более мелкого и смуглого из них, сказав, что я спас их от смерти, а если они не заткнутся, я доложу об их путешествии их опекунам. Это утихомирило ребят, и мы вернулись в Мэдисон-сквер с неким пактом, который предусматривал, что ни одна из сторон не станет жаловаться на другую.

Но именно в ту пятницу мне нужно было прибыть на Причал 57 к Джоджо Берналь, поэтому я должен был подняться к себе и быстро принять душ, побриться, переодеться. Так что я привязал зуммер к пристани у Северного здания Мета и заплатил малолеткам, чтобы присмотрели за ним. Затем поспешил к лифту, добрался до квартиры, переоделся, постаравшись

принять вид повседневный, но броский, после чего спустился вниз и выдвинулся на запад, обменявшись с мелким сопляком ритуальными проклятиями на прощание.

Джоджо стояла на краю и смотрела на Гудзон, вокруг толпились люди, которые пялились в свои браслеты. Ее волосы снова блестели в свете заката, а сама она – с царственной осанкой, расслаблена, стройна. У меня екнуло сердце, и я попытался подплыть к причалу как можно грациознее, но должен признаться, вода – слишком снисходительная среда, поэтому, если хочешь показать хоть какой-нибудь стиль в управлении, требуется что-то более сложное, чем подход к причалу. Тем не менее я подплываю красиво, она мягко, насколько это возможно, ступает на борт, из-под короткой юбки показываются бедра, и я вижу ее квадрицепсы, похожие на обточенные речной водой камни, а еще впадинку между квадрицепсом и другими мышцами бедра, свидетельствующую о хорошей прокачанности ног.

– Привет, – поздоровалась она.

– Привет, – выдавил я. И добавил: – Добро пожаловать на зуммер.

Она рассмеялась.

– Это он так называется?

– Нет. Когда я его купил, он назывался «водяным клопом». А я называю зуммером. И много чем еще.

Я вывел нас на реку и направился к югу. Позднее солнце освещало ее лицо, и я увидел, что цвет ее глаз на самом деле состоял из смешения оттенков карего, цвета красного дерева, тика и темно-коричневого, почти черного; все они пестрели крапинками, расходились лучами и сходились вокруг зрачков.

– В детстве у нас дома жила кошка, которую мы так и называли кошкой, и это, кажется, вошло в привычку. Мне нравятся прозвища или типа того.

– Вот уж точно типа того. Так ты называешь его зуммером, а еще как?

– М-м, ну, гидролетом, водомеркой, клопом, жучком. В таком роде.

– Всякими уменьшительными.

– Да, так мне тоже нравится. Еще зуммер можно называть Зуминским. А Джоанну – Джоджо.

Она сморщила носик.

– Это моя сестра придумала. Она на тебя похожа, ей тоже такое нравится.

– А тебе самой больше Джоанна?

– Нет, я не парюсь. Друзья зовут меня Джоджо, но на работе называют Джоанна, это нормально. Это типа как признание профессионализма или вроде того.

– Понимаю.

– А ты как? Кто-нибудь сокращает Франклина до Фрэнка? Как по мне, было бы естественно.

– Нет.

– Нет? Почему?

– Думаю, потому что Фрэнков и так достаточно. И потому что моя мама была очень настойчива. Это на меня повлияло. И мне нравился Бен Франклин.

– Не потратил пенни – значит, заработал.

Я усмехнулся:

– Не самое цитируемое мной выражение Франклина. Да и не мой принцип работы.

– Нет? Рассчитываешь на плечи²⁷, их много, да?

– Да не больше, чем у других. Вообще, мне даже надо бы подыскать новые инвестиции, а то я немного застоялся, что ли. – Это прозвучало так, будто похвастался, и я добавил: – Хотя это, конечно, за минуту не решается.

²⁷ Заемные средства, используемые трейдерами при торговле на бирже.

– Значит, плечи есть.

– Они у всех есть, разве не так? Кредитов больше, чем активов?

– Если ты правильно все делаешь, – ответила она задумчиво.

– Значит, ты тоже приняла бы на себя риски? – предположил я, пытаюсь понять, о чем она задумалась.

– Смотря на каких условиях, – ответила она и покачала головой, будто желая сменить тему.

– Полетаем немного? – спросил я. – Когда выйдем из трафика?

– Да, я хочу. Когдамотришь, как такие катера поднимаются, кажется, это волшебство.

А как оно работает?

Я объяснил, каким образом крылья поднимали Зуминского в воздух, если набрать определенную скорость. Это всегда было легко объяснить любому, кто когда-либо высовывал руку из движущегося транспорта, наклонял ее на ветру и ощущал, как тот овеивает ее со всех сторон. Она кивнула, и я увидел, как закатные лучи освещают ее лицо. Я почувствовал себя счастливым – потому что она тоже выглядела счастливой. Мы плыли по реке, и она просто наслаждалась. Ей нравилось ощущать ветер на своем лице. Моя грудь наполнилась какой-то тревожной радостью, и я подумал про себя: мне нравится эта женщина. И еще она немного меня пугала.

– Что хочешь на ужин? – спросил я. – Можем заскочить в Дамбо²⁸, я знаю там местечко, где есть патио на крыше с видом на город, или могу пристать к буйку у острова Говернорс и пожарить стейки, все необходимое у меня с собой.

– Давай так и сделаем, – сказала она. – Ты же не против побыть кухаркой?

– Я с удовольствием, – ответил я.

– Так что, полетим туда?

– О да.

* * *

И мы полетели. Одним глазом я смотрел вперед, чтобы убедиться, что ничто не пробежится в слепую зону. Другим смотрел на нее, на то, как она наслаждается пейзажами и ощущением ветра на своем лице.

– А тебе нравится летать, – сказал я.

– А как это может не нравиться? Это же что-то сюрреалистичное, ведь обычно на воде я или хожу под парусом, или просто сижу на вапо, и это ничуть не похоже на то, что сейчас.

– Ты ходишь под парусом?

– Да, у нас есть группа, мы владеем поочередно небольшим катамараном на пристани «Скайлайн».

– Катамараны – это зуммеры с парусами. У некоторых есть крылья.

– Знаю. У нашего, правда, нет, но он классный. Мне очень нравится. Надо нам как-нибудь покататься.

– Я бы с удовольствием, – искренне ответил я. – Я мог бы стать твоим балластом с наветренной стороны, так же у вас делают?

– Да. Впередсмотрящим.

У берега Бэттери-парк я опустил «водомерку» на воду, и мы неспешно подошли к рифу острова Говернорс, где к буям уже была привязана небольшая флотилия лодок. Здания затопленной части острова были разобраны, чтоб они не вспарывали днища при отливе, и после этого устроили целую кучу устричников и рыбных садков и установили крепления для небольшой гавани в открытой воде, где можно было оставаться на ночь или постоять вечером, как

²⁸ Прибрежный район на северо-западе Бруклина.

мы. Однажды я спас от гибели парня, который не мог выплатить третий транш по слабой меж-приливной закладной, и он отплатил мне правом останавливаться здесь у его бую. Такой вот межприливной обмен.

Мы прожужжали к нему, и Джоджо с гордым видом привязала к бую нос «водомерки». Та развернулась, и перед нами открылся вид на Бэттери-парк на Манхэттене, величественный в темной пинчоновской²⁹ поэзии сумерек на воде. Остальные лодки качались на привязи, все пустые, словно какой-то призрачный флот. Мне нравилось это место, я и раньше устраивал там свидания, но думал не об этом, когда на мягкое сиденье кабины рядом со мной плюхнулась Джоджо.

– Итак, ужин, – произнес я и открыл низенькую дверь в каютку, очень уютную, но лишь едва позволяющую выровняться во весь рост. Там рядом с начиненным холодильником был стеллаж, откуда я достал бутылку зинфанделя. Откупорив ее, я передал ее Джоджо вместе с парой бокалов. Затем вынес барбекю и прикрепил его кронштейнами к кормовой банке. Выложил в нем маленькие брикеты угля, выстрелил пламенем из зажигалки, будто из длинноствольного ружья, – и в одно мгновение у нас появился огонек, отличный вид, классический запах. И все это предусмотрительно было вывешено над водой, дабы избежать типичного казуса, от которого сгорела дотла не одна прогулочная лодка.

– Как мило, – сказала она, и мое сердце забилось быстрее. Я разломал наполовину сгоревшие брикеты, равномерно распределив их по решетке, но так, чтобы один ее уголок остался прохладнее. Я смазал гриль маслом и установил его на место, а потом, пока он нагревался, нырнул в каюту. Там поставил картошку в микроволновку, достал из холодильника тарелку филе-миньон, вынес и выложил на гриль, где те приятно зашипели. Тело Джоджо блестело в слабом свете. Пока я, готовя, мотался туда-сюда по кабине, она следила за мной с довольным выражением, которое мне не удавалось точно расшифровать. У меня это никогда не получается – может, не только у меня, а вообще у всех, – но довольное – это лучше, чем скучающее, и от этого знания у меня немного поехала крыша. И она, похоже, не имела ничего против этого.

Когда я разложил еду по тарелкам и мы сели есть, она спросила:

– Помнишь тот прокол на ЧТБ, о котором мы говорили в тот вечер? Видел его кто-то еще? Как думаешь, что могло его вызвать?

Я покачал головой и сглотнул ком в горле.

– Больше ничего такого. Думаю, это был какой-то тест.

– Но тест чего? Кто-то проверял, можно ли воткнуть в трубопровод краник с сиропом, и смотрел, как это повлияет?

– Может быть. Мои друзья-кванты³⁰ говорят, что такое случается сплошь и рядом. Для них это что-то вроде городской легенды. Врежься на десять секунд – и в кусты до конца жизни.

– Думаешь, такое могло быть?

– Не знаю. Я же не квант.

– А я думала, ты из них.

– Нет. Ну, то есть я хотел бы им быть. Вообще, я их понимаю, когда они со мной разговаривают, но сам я больше трейдер.

– Иви и Аманда говорят другое. Они говорят, что ты только делаешь вид, что не квант, чтобы торговать, но на самом деле ты квант.

– Хотел бы я, чтоб так было, – ответил я честно. Зачем я был таким честным, сам не понимаю. Наверное, интуитивно подразумевал, что это могло показаться ей более забавным, чем если бы я притворился квантом. А я люблю быть забавным, когда могу.

– А скажем, ты бы мог, – продолжила она. – Стал бы это делать?

²⁹ Томас Пинчон (р. 1937) – американский писатель, один из ведущих представителей постмодернизма.

³⁰ Здесь: специалисты по количественному анализу.

- Что, врезаться в линию? Нет.
- Потому что это было бы жульничеством?
- Потому что мне это не нужно. И да. Это ведь игра, верно? А раз ты жульничаешь, значит, игрок из тебя хреновый.
- Не такая уж и игра. Просто не без азарта.
- И все же мозги тут нужны. Чтобы придумывать сделки, с которыми получится перехитрить других мозговитых трейдеров. Так что игра. Если бы такого не было, это было бы... ну, не знаю... анализ данных? Просто сидячая работа перед экраном?
- Это и есть сидячая работа перед экраном.
- Это игра. К тому же на экране ведь интересно, не находишь? Все эти разные жанры, и все одновременно движется... Лучший фильм всех времен, и каждый день в прямом эфире.
- Видишь, ты квант!
- Да это математика, это литература. Я как детектив.
- Она кивнула, обдумывая мои слова.
- И что же ты тогда не расследовал тот прокол?
- Не знаю, – ответил я. До чего же честно! – Может, расследую еще.
- Думаю, тебе стоило бы им заняться.
- Она пошевелилась на подушке рядом со мной.
- Я это заметил и спросил немного растерянно:
- Десерт?
- А что у тебя есть? – спросила она.
- Да что угодно, – ответил я. – Но вообще в баре сейчас в основном стоят разные односолодовые.
- О, здорово, – сказала она. – Давай их все и попробуем.

* * *

Как выяснилось, она обладала пугающе обширными знаниями дорогого односолодового виски и, подобно всем разумным ценителям, пришла к заключению, что главное не выявить лучшее, а создать максимальное различие, от глотка к глотку. Ей, как она выразилось, нравились баловаться.

И не только распитием спиртного. Я вышел из каюты, принес по несколько бутылок в каждой руке, и немного неожиданно для самого себя сел рядом с ней. Она воскликнула:

- О боже, это «Брукладди Октомор 27»! – И, наклонившись ко мне, поцеловала в губы.
- Ты только что попробовала «Лафройг», – ответил я, стараясь перевести дыхание.
- Она рассмеялась.
- Точно! Новая игра!
- Я усомнился, такая ли она была новая, но поиграть был рад.
- Сильно много не пей, – посоветовала она в какой-то момент.
- Я как птичка-колибри, – пробормотал я, цитируя своего отца. Я попытался показать это, «клюнув» ее в ухо, и она, хмыкнув, потянулась ко мне. Ее платье уже задралось до талии, и нижнее белье, как у большинства женщин, легко поддавалось стягиванию. От обильных поцелуев у меня перехватило дыхание.
- Ты входишь в длинную позицию, – промурлыкала она, оседлав меня и целуя еще и еще.
- Вхожу, – подтвердил я.
- И у меня начинается маленький кризис ликвидности, – продолжила она.
- Начинается.
- О-о. Как хорошо. Не сбрасывай эти активы. Давай, используй губы.
- Использую.

И так далее. В какой-то момент я поднял глаза и увидел, что ее тело сияет в свете звезд, а она смотрит на меня с тем же довольным выражением, что и раньше. Затем она все-таки положила голову на банку и, посмотрев на звезды, воскликнула:

– О! О!

И скользнула вниз ко мне... Мы повалились на пол, пытаясь заняться делом, я слышал это ее «о, о», самое сексуальное, что мне вообще доводилось слышать в жизни, и это возбуждало даже сильнее, чем приближение к оргазму, что говорило о многом.

В конце концов мы лежали, переплетаясь телами на полу, и смотрели на звезды. Ночь была теплая – для осени, но нас остужал слабый ветерок. Несколько звезд, что нам светили, были особенно крупными и размытыми. И я подумал: вот черт, мне нравится эта баба. Я ее хочу. Это было страшно.

Б) Матт и Джефф

Нью-Йорк – это на самом деле глубокий город, а не высокий.
Ролан Барт

Где есть воля, там ее и нет.
Амброз Бирс

- Что случилось?
- Не знаю. Где мы?
- Не знаю. Разве мы не...
- Мы о чем-то говорили.
- Мы всегда о чем-то говорим.
- Да, но то было что-то важное.
- Даже не верится.
- Что это было?
- Не знаю, но мы вообще где?
- В какой-то комнате, да?
- Ага... погоди. Мы живем в капсуле, на садовом этаже старого МетЛайф Тауэр. Старый отель «Эдишен», хороший был отель. Помнишь? Правильно же, правильно?
- Правильно. – Джефф тяжело качает головой, а затем обхватывает ее руками. – Что-то у меня все как в тумане.
- У меня тоже. Думаешь, нас чем-то накачали?
- Похоже на то. Как после того случая в Тихуане, когда мне вырвали зуб.
- Матт пристально смотрит на него.
- Или помнишь, как тогда после твоей колоноскопии. Ты не мог потом вспомнить, что произошло.
- Нет, не помню.
- Именно. Как тогда.
- Так у тебя то же самое? В смысле, сейчас?
- Да. Я забыл, о чем мы перед этим говорили. И еще как мы сюда попали. И вообще, что за хрень только что произошла.
- Ну и я. Что последнее помнишь? Давай выясним.
- Ну, хорошо... – Матт раздумывает. – Мы жили в капсуле на садовом этаже старого МетЛайф Тауэр. И там было очень свежо, если выйти к грядкам. И немного шумно, зато отличный вид. Верно?
- Верно, так и было. Мы там прожили пару месяцев, да? Прежнюю комнату потеряли, когда ее затопило, да?
- Да, в Питер-Купер-Виллидж, из-за сверхсильного прилива. Луна или что-то такое... Если строение стоит на мусоре, долго оно не продержится. Так что...
- Джефф кивает:
- Да, все так. Мы хотели держаться подальше от моего двоюродного брата и поэтому оказались в такой дыре. Потом поехали в Флэтайрон, где жил Джейми, а когда нас оттуда выпихнули, он рассказал нам, что можно устроиться в Мете. Он любит выручать друзей.
- И мы писали код для твоего брата, и это явно была ошибка, а потом туда-сюда... Шифрование и срезки, инь и ян. Жадные алгоритмы – наше все.
- Верно, но было что-то же! Я что-то нашел, и оно меня взволновало...
- Матт кивает:

– Ты придумал, как исправить.

– Алгоритм?

Матт качает головой и смотрит на Джеффа:

– Всё.

– Всё?

– Точно, всё. Весь мир. Всемирную систему. Неужели не помнишь?

Джефф округлил глаза:

– Да-да! Шестнадцать правок! Я же готовил их годами! Как я мог забыть?

– Потому что мы в дерьме, вот почему. Нас накачали.

Джефф кивает:

– Они нас взяли! Кто-то до нас добрался!

Матт смотрит с сомнением:

– Они что, прочитали твои мысли? Навели на нас какой-то луч? Что-то не думаю.

– Конечно, нет. Мы, наверное, попробовали что-то предпринять.

– Мы?

– Ладно, я, наверное, попробовал что-то предпринять. Наверное, этим их и навел.

– А это похоже на правду. Думаю, это могло реально случиться. Наша карьера была долгой, но пестрой, насколько я помню. Слишком хорошо складывалась.

– Да, да, но здесь было кое-что покрупнее.

– Уж наверняка.

Джефф поднимается, берется за голову обеими руками. Осматривается вокруг. Подходит к стене, проводит пальцами по герметичному уплотнению в форме двери. Нет ни ручки, ни замочной скважины, только узкий прямоугольник примерно на уровне талии для Джеффа и по колену Матту.

– Ага, а это водонепроницаемая прокладка. Понимаешь, что это значит?

– Понимаю. Так что это значит? Что мы под водой?

– Да. Возможно. – Джефф прикладывает ухо к стене. – Слушай, можно различить, как там булькает.

– Уверен, что это не кровь у тебя в ухе?

– Не знаю. Проверь сам, что ты думаешь.

Матт поднимается, тяжело вздыхает, осматривается. Комната длинная, прямоугольная. Внутри две односпальные кровати, стол и лампа, хотя освещение вроде бы исходит от белого потолка, футах в восьми над ними. В углу есть небольшая треугольная ванна, такая, какие бывают обычно в дешевых гостиницах. Унитаз, раковина и душ – все там, вода холодная и горячая. Унитаз с вакуумным смывом. На потолке два маленьких вентилятора, оба закрыты тяжелой сеткой. Матт выходит из ванной, проходит по всему периметру комнаты, измеряя ее шагами. Считая при этом, он тихонько шевелит губами.

– Двадцать футов, – подытоживает он. – И футов восемь в высоту, да? И столько же в ширину. – Он смотрит на Джеффа. – Как контейнер. Ну, знаешь, контейнерное судно. Двадцать футов в длину, восемь в ширину и восемь с половиной в высоту. – Он прикладывает ухо к стене напротив Джеффа. – Ну да. Слышу какой-то шум с той стороны.

– Я же говорил. Водяной такой, да? Словно туалетный смыв шумит или кто-то душ принимает.

– Или речка бежит.

– Что?

– Прислушайся. Как река? Да?

– Не знаю. Не знаю, как шумит река. Не знаю, как шумит, когда ты сам в ней.

Мужчины переглядываются.

– Значит, мы...

- Не знаю.
- И что это, черт возьми, значит?
- Не знаю.

В) Тот же гражданин

Корпорация, суц. Хитрое устройство для получения индивидуальной прибыли без несения индивидуальной ответственности.

Деньги, суц. Благо, не приносящее никакой пользы, за исключением случаев, когда мы от них избавляемся.

Амброз Бирс, «Словарь Сатаны»

Приватизация государственности. Последняя более не сосредоточена целиком у государства, а распределена между группой негосударственных институтов (независимые центральные банки, рынки, рейтинговые агентства, пенсионные фонды, наднациональные институты и т. п.), и государственные администрации в их числе пусть и играют немалую роль, но являются лишь одними среди множества.

Предположил Маурицио Лаццарато

Компания по страхованию жизни «Метрополитен», «МетЛайф», в 1890-х выкупила землю на юго-восточном углу площади, уже называвшейся Мэдисон-сквер, и построила там свой главный офис. На рубеже столетий был привлечен архитектор Наполеон Лебрэн, которому поручили добавить к этому новому зданию башню, и он решил взять за основу ее дизайна вид кампанилы на площади Сан-Марко в Венеции. Башня была завершена в 1909 году и на тот момент являлась самым высоким строением на Земле, затмив собой Флэтайрон-билдинг на юго-западном углу Мэдисон-сквер. Потом небоскреб Вулворт-билдинг, постройка которого завершилась в 1913-м, забрал корону себе, и после этого здание МетЛайф Тауэр было известно в основном благодаря своим большим четырем часам, которые показывали время на четыре стороны. Сами циферблаты были настолько крупными, что минутные стрелки весили по полтонны.

В 1920-х компания «МетЛайф» выкупила церковь с северной стороны башни, снесла ее и стала строить себе Северное здание. Оно должно было стать небоскребом в сто этажей – выше, чем Эмпайр-стейт-билдинг, который проектировался в то же время, – но, когда «МетЛайф» поразила Великая депрессия, планы решили свернуть, ограничив Северное здание тридцатью этажами. И сейчас видно, что его основание явно предназначалось для чего-то большего: оно похоже на гигантский пьедестал, на который так и не поставили статую. А внутри Северного здания – тридцать два лифта, и все готовы поднять людей на те семьдесят недостающих этажей. Может, когда-нибудь люди преодолеют свою истерию по поводу наводнений и, присоединив сверху шпиль из графеновых композитов, добавят еще этажей триста или еще что-нибудь. Да, эту возможность упускают двести лет кряду, но что этот срок значит для нью-йоркской недвижимости? Может, в 2230 году какой-нибудь пройдоха выйдет уже с трехвековым предположением достроить этот сверхнебоскреб. Как бы то ни было, сейчас в окрестностях Мэдисон-сквер доминирует исполинская копия венецианской кампанилы. И благодаря этому прекрасному обстоятельству от бачино, что заполняет теперь площадь, веет некой итальянской атмосферой, отчего это место становится одной из лучших иллюстраций «новой Венеции».

С Мэдисон-сквер постоянно что-то происходило. Когда-то там появилось болото, образовавшееся из пресноводного источника, который много лет служил артезианским фонтаном. Располагался он прямо перед Метом, и люди пили из жестяных чаш фонтана. Вода выталкивалась из него рывками, напоминая этим семяизвержение, но это, наверное, было лишь одним из многих признаков неумной пошлости мышления викторианской Америки.

Когда болото заполнили землей с усеченных соседних холмов, на его месте сделали плац Сухопутных войск США, а также перекресток почтовой дороги из Бостона и Бродвея. Плац

становился все меньше и меньше, а когда была намечена знаменитая сеть тянувшихся с запада на восток и с севера на юг авеню, плац ограничили до пределов прямоугольника, остающегося там и поныне: примерно шесть акров между 23-й и 26-й улицами, а также Мэдисон и Пятой авеню, плюс Бродвей примыкал под углом.

Первое время на северной стороне площади располагался большой исправительный дом, где в заключении держали несовершеннолетних преступников. Позднее на ее территории открылся ипподром Франкони, который устраивал различные зрелища, включая собачьи бега и боксерские бои.

На западной стороне площади одна швейцарская семья открыла популярный ресторан «Дельмоникос», а затем на том месте расположился отель «Пятая авеню». Стэнфорд Уайт возвел на севере площади первый Мэдисон-сквер-гарден, и народ повалил кататься на гондолах по искусственным каналам. Причем это было до того, как появилась кампания Мет, так что Лебрэн, может быть, перенял венецианский мотив у Уайта, построившего к тому времени свою башню на вершине комплекса Гарденс, – и потом площадь семнадцать лет славилась обеими башнями. Самого Уайта застрелил ревнивый муж женщины, с которой он иногда виделся, и случилось это прямо в Гарденс, во время вечернего шоу. Когда постройку снесли и возвели новый Мэдисон-сквер-гарден в районе 32-й улицы и 7-й авеню, стальной каркас старого здания сохранили, и сейчас он находится где-то на Лонг-Айленде. Возможно.

Какое-то время на площади стояло полно статуй почтенных американцев, а статуя одного генерала стояла на его могиле. В честь военных успехов Америки в той или иной войне над Парк-авеню часто возводились арки. Первого мая 1919 года полиция задержала на площади толпу левых демонстрантов, но эту победу над силами тьмы аркой не отметили. Как и подавление бунта, который поднялся в 1864 году, после объявления Линкольном военного призыва. Арки, вероятно, берегли для побед за границей.

Но лучшим из памятников, пожалуй, была рука статуи Свободы с факелом, которая простояла на Мэдисон-сквер восемь лет. В два-три раза превышающая окружающие деревья, она придавала северной оконечности площади по-настоящему сюрреалистичную нотку. Фотографии этого настолько поразительны, что, не превратись площадь сейчас в бачино пятнадцати футов глубиной, заставленный садками аквакультур, стоило бы выступить за то, чтобы старушке отпилили руку с факелом и вернули на площадь. Не то чтобы она больше не нуждалась в факеле, но этот радушный маяк для иммигрантов уже много лет как погас. Может, и случится когда-нибудь возврат к этому плану, ведь каким же приятным украшением для озелененной площади был этот факел тогда, когда на него можно было взбираться и осматриваться вокруг. Причем в те годы он был из блестящей меди!

В квартале отсюда родился Тедди Рузвельт, который в детстве ходил на уроки танцев на Мэдисон-сквер (и задира там девчонок, конечно), а потом проводил свою президентскую кампанию 1912 года прямо из Мет: вперед, прогрессивисты! А если прогрессивисты, занимающие здание сейчас, таки изменяют мир, будет ли в этом заслуга старого буяна? Определенно да. Хотя те выборы он проиграл.

У Мэдисон-сквер родилась Эдит Уортон³¹ и позже там жила. Герман Мелвилл жил кварталом восточнее и каждый будний день прогуливался по Мэдисон-сквер, шагая на работу, в том числе на протяжении всех восьми лет, что там находился факел статуи Свободы. Останавливался ли он иногда, чтобы оценить его диковинность, или, может даже, воспринимал его как знак собственной странной судьбы? Вы знаете, да. Однажды он привел на Мэдисон-сквер свою четырехлетнюю внучку, чтобы та поиграла в парке, сел на скамью и так пристально всмотрелся в тот факел, что забыл о девочке, бегавшей где-то по тюльпановым клумбам, и вернулся домой

³¹ Эдит Уортон (1862–1937) – американская писательница, обладательница Пулитцеровской премии за роман «Эпоха невинности».

без нее. Она нашла обратную дорогу сама, ровно в тот момент, когда горничная уже отправляла Мелвилла назад за внучкой. Да, наш старик любил повитать в облаках.

Мэдисон-сквер – первое место в Америке, где была открыто выставлена обнаженная статуя – Диана. Ее установили на верхушке башни Стэнфорда Уайта, то есть двумястами пятьюдесятью футами выше любопытных глаз ценителей, но все же. И люди приносили телескопы. Наверное, отсюда и пошла веселая нью-йоркская традиция подглядывать за голыми соседями. Сейчас статуя находится в одном из музеев Филадельфии. В те же годы в баре отеля «Парк-авеню» висело одно из наиболее вопиющих изображений обнаженных тел, созданных в Прекрасную эпоху³², – группа горяченьких нимф, собирающихся воспользоваться встревоженным на вид сатиром; сейчас эта картина³³ находится в музее в Уильямстауне, Массачусетс. Да, в отношении секса Мэдисон-сквер в те годы явно занимала передовое место!

Также на Мэдисон-сквер впервые всем на радость поставили рождественскую елку и зажгли на ней огоньки. В годы Второй мировой войны елки не украшали горящими лампочками, и площадь, как отмечалось, будто бы вернулась обратно, в состояние первобытного леса. В Нью-Йорке это не так уж сложно.

Эта площадь стала первым местом, где повесили электрический рекламный знак – он размещался на носовой стороне Флэтайрона и рекламировал сначала океанский курорт, а позднее газету «Нью-Йорк таймс», хвастая тем, что в ней всегда пишут обо всех новостях, что годятся для печати.

Флэтайрон-билдинг – первый в городе небоскреб «флэтайронской» формы и на протяжении года-двух самое высокое здание в мире. Также он создавал самое ветреное место в городе, на северной своей стороне, и там любили собираться мужчины, чтобы... да, смотреть, как дамские платья задираются, словно у Мэрилин Монро над решеткой метро. Двоих копов даже поставили патрулировать этот похотливый перекресток и разгонять таких мужчин. То еще творение, этот Флэтайрон: прекрасная форма, достойная фотографий Алфреда Стиглица³⁴, почти столь же прекрасная, как Джорджия О'Кифф³⁵. На северной стороне площади Стиглиц и О'Кифф держали свою студию.

Даже бейсбол изобрели именно в общественном парке Мэдисон-сквер! Так что да, священная земля. Поэтому давай отсюда, Вифлеем!

Первая выставка французских экспрессионистов в Америке? Конечно. Первые газовые уличные фонари? А то. Первые электрические уличные фонари? Аналогично. Причем последние сначала представляли собой «солнечные башни», каждая яркостью в 6000 свечей и различимая даже в шестнадцати милях в горах Орандж. Чтобы стоять под ними и не ослепнуть, нужно было надевать солнечные очки, а еще кто-то жаловался, что в их свете человеческая кожа выглядит совсем мертвой. В итоге пришлось пригласить самого Эдисона, чтобы разобрался, как их притушить.

Первый бачино с садками аквакультуры? Конечно, прямо здесь, первый был установлен в 2121 году. И первый многоэтажный лодочный эллинг построен в старом здании Мета, когда его сделали жилым после Первого толчка. Идея возымела успех и была перенята по всей затопленной зоне.

Сейчас очевидно, что Мэдисон-сквер – самая удивительная площадь в самом удивительном городе, верно? Некий волшебный Пуп Земли, место, где пересекаются и откуда исходят все лей-линии мировой культуры, место силы всех мест силы! Но нет. Ничуть. На самом деле это вполне себе типичная нью-йоркская площадь, заурядная во всех отношениях. Причем дру-

³² Период европейской истории, датируемый приблизительно 1871–1914 гг.

³³ Речь идет о картине французского художника Адольфа Бугро «Нимфы и Сатир», написанной в 1873 г.

³⁴ Алфред Стиглиц (1864–1946) – американский фотограф, теоретик фотоискусства.

³⁵ Джорджия О'Кифф (1887–1986) – американская художница.

гие площади даже гораздо более знамениты и могут набрать столь же внушительный список своих «первенств», известных выдающихся жителей и любопытных происшествий. Юнион-сквер, Вашингтон-сквер, Томпкинс-сквер, Бэттери-парк – да они все разрываются от обилия замечательных, но забытых исторических мелочей. Помимо того факта, что здесь зародился бейсбол – а это священное событие сопоставимо разве что с Большим Взрывом, – исключительность Мэдисон-сквер объясняется лишь тем, что Нью-Йорк таков везде. Ткните пальцем в туристическую карту, и окажется, что в этом месте происходило что-нибудь удивительное. Призраки вылезут сквозь канализационные люки, будто пар в холодное утро, и станут рассказывать вам байки с тем же маниакальным усердием старых моряков, что и любой ньюйоркец, который заговорит об истории. Не заводите их! Потому что любой ньюйоркец, интересующийся историей Нью-Йорка, – по определению безумец, плывущий против течения, вплавь или на веслах, но, вопреки своим горожанам, каждому из которых плевать на все, что касается прошлого. Ну и что? История – это чушь, как съязвил знаменитый болван-антисемит Генри Форд, и хотя многие ньюйоркцы, зная историю, плюнули бы на его могилу, но они тоже историю не знают. В знании истории они не отличаются от самого болвана. Следите за мячом, что летит из будущего. Не забывайте о том обмане, что есть, и о том, что будет, не то вам крышка, мой друг, и ваш обед достанется городу.

Г) Инспектор Джен

*В ситуации, когда человек живет своей жизнью среди незнакомых
ему людей, нет ничего удивительного.*

Лин Лофланд

– Да ладно?

Обычно Джен Октавиасдоттир встает на рассвете. Окна ее квартиры на двадцатом этаже выходили на восточную сторону, и она часто просыпалась от ослепительной вспышки света над Бруклином. Это всегда выглядело так, будто там происходило нечто знаменательное.

И в этом смысле каждый день приносил некоторое разочарование. Не такими уж они выходили и знаменательными. Но этим утром, как и в большинстве случаев, ей не терпелось предпринять новую попытку. «Держи строй!» – как призывала ее надпись на открытке в честь дня рождения, прикрепленной к зеркалу у нее в ванной рядом с другими сообщениями и картинками, оставленными ее родителями: «Carpe Diem/Carpe Noctum»³⁶. «Биг-Блю»³⁷. Рисунок тигра с тигрицей. Еще одни Микки и Минни-Маус. Фотография статуи фараона и его то ли сестры, то ли жены, которых отец Джен считал похожими на него с матерью. Это почти так и было.

Джен все собиралась убрать эти вещи, и они уже покрылись пылью, но никак не могла выкроить для этого время. У ее родителей был прекрасный брак, но у самой Джен одна юношеская попытка выйти замуж потерпела неудачу, и после этого она решила посвятить себя службе в полиции. После смерти отца она стала заботиться о матери, пока и та не умерла. Теперь она жила здесь, и дни тянулись за днями. А когда-то она и подумать бы не могла, что все так сложится.

В столовой завтрак с Шарлотт Армстронг. Даже забавно, как можно годами жить в одном здании и никогда не видеть друг друга. Это, конечно, особенность Нью-Йорка. Поговоришь с одним, потом с другим и узнаешь, есть ли о чем с ними поговорить. Вот что Джен нравилось в ее работе. Столько историй. Пусть даже большинство из них описывали преступления, всегда можно было сделать так, чтобы кому-нибудь стало лучше. Для тех, кто эти преступления пережил. В любом случае это вызывало интерес. Загадки за загадками...

Она спустилась в столовую одновременно с Шарлотт – обе точно в назначенное время. Обсудили это, пока стояли в очереди за яичницей с хлебом, потом взяли кофе и уселись за стол. Шарлотт пила кофе с молоком. Люди становились похожими на свои привычки.

– Так что ваш помощник выяснил по поводу пропавших ребят? – спросила Шарлотт, когда они сели. Пустая болтовня была не в ее стиле.

Джен кивнула и достала планшет.

– Он мне кое-что прислал. Это интересно, пожалуй, – сказала она и открыла сообщение от Олмстида. – Как ты говорила, они работают в сфере финансов. Возможно, они те, кого в той среде называют квантами, потому что они писали коды и проектировали системы.

– Они были математиками?

– Как мне объяснили, финансы требуют очень глубоких познаний в математике. Один парень мне сказал, что, если создашь просто пустой индикатор данных, это уже всех впечатлит. То есть это, наверное, больше, чем продвинутое программирование. Ральф Маттшопф получил степень магистра компьютерных наук. Джеффри Розен имел степень по философии

³⁶ Лови день/Лови ночь (лат.).

³⁷ Прозвище клуба по американскому футболу «Нью-Йорк Джайентс».

и работал в аппарате комитета Сената по финансам лет пятнадцать назад. То есть они не были обычными квантами.

– А может, и были, если это все чистая математика.

– Верно. Как бы то ни было, мой сержант обнаружил кое-что насчет Розена. Когда он работал в Сенате, он взял самоотвод во время расследования какой-то системной инсайдерской торговли. И штука в том, что его двоюродный брат руководил одной из фирм с Уолл-стрит, которая была замешана в этом деле.

– Какой фирмой?

– «Адирондак».

– Да ладно! Серьезно?

– Да, а что тебя так удивляет?

– Это Ларри Джекман его двоюродный брат?

– Нет, Генри Винсон. Он сейчас руководит собственным фондом, «Олбан Олбани». Но в то время был гендиректором «Адирондака». А почему ты спросила про Ларри Джекмана?

Шарлотт закатила глаза и качнула головой, показав тем самым, что спросила она не случайно.

– Потому что Ларри Джекман был финансовым директором в «Адирондаке». А еще он мой бывший.

– Бывший муж?

– Да. – Шарлотт пожала плечами: – Давно это было. Мы тогда собирались поступать в Нью-Йоркский университет. И поженились, чтобы это помогло нам остаться вместе.

– Отличная идея, – заметила Джен и испытала облегчение, увидев, что Шарлотт рассмеялась.

– Ага, – признала Шарлотт, – отличная – не то слово. В общем, брак продержался пару лет, а потом мы расстались, и я долго его не видела. Потом мы пару раз пересекались и сейчас порой контактируем, иногда выбираемся выпить вместе кофе.

– Он сейчас где-то в правительстве, если я правильно помню?

– Председатель Федерального резерва.

– Ого, – удивилась Джен.

Шарлотт пожала плечами:

– В общем, он мало распространяется о своей родне, поэтому я просто подумала, что этот Джефф Розен мог оказаться одним из его двоюродных братьев.

– У многих людей есть много двоюродных братьев.

– Ага. И у Ларри много дядюшек и тетюшек по обеим линиям. Но ладно, давай дальше. Что там этот Винсон? Почему ты решила, что его связь с Джеффом Розеном так интересна?

– Это только начало, – ответила Джен. – Ребята пропали, не оставив следов – ни физических, ни электронных. Они не пользовались карточками, не выходили в облако, что не так-то просто на протяжении такого долгого времени. Конечно, это может означать дурное. И еще оставляет нас без информации. Когда такое случается, мы проверяем все что можно. Эта связь – не то чтобы что-то серьезное, но расследование Сената касалось «Адирондака», а Розен ушел по собственному.

– И теперь Джекман руководит Федрезервом, – добавила Шарлотт, немного помрачнев. – Я вспоминаю, как он уходил из «Адирондака». Совет директоров избрал Винсона гендиректором вместо него, и довольно скоро он ушел и начал что-то свое. Он никогда мне много об этом не рассказывал, но у меня сложилось впечатление, что это было для него болезненно.

– Может, и так. Мой сержант говорит, что «Адирондак», похоже, накрылся. Потом, относительно недавно, Розен и Маттшопф делали какой-то заказ для хедж-фонда Винсона, «Олбан Олбани», и достаточно крупный, чтобы заполнить декларации за прошлый год. Вот тебе еще одна связь.

– Но она та же самая.

– Зато проявляется дважды. Я не утверждаю, что это что-то значит, но дает нам хоть что-то. У Винсона куча коллег и знакомых, и у Маттшопфа с Розеном тоже. А сам «Адирондак» – одна из крупнейших в мире инвестиционных компаний. Вот у нас и появляется больше нитей. Посмотрим, куда они приведут.

– Ну да.

Затем Джен пристально посмотрела на Шарлотт и сказала:

– Пожалуйста, не рассказывай об этом Ларри Джекману.

Поймет ли она, что эта просьба означает? Она означает, что в этом следствии могут оказаться линии, которые приведут к самой Шарлотт!

Шарлотт поняла. Сделала свои выводы, но виду не подала.

– Не буду, разумеется, – заверила она. – Ну, мы же очень редко видимся, я уже говорила.

– Хорошо. Значит, это будет нетрудно.

– Да, именно.

– Тогда расскажи мне, как эти ребята появились здесь?

– У них был друг из Флэтайрон-билдинг, и они жили в палатке в садах на крыше, через сквер от нас, и когда правление Флэтайрона приказало им уйти, они попросились к нам.

– Так они обращались в правление?

– Они спросили Владе, а Владе спросил меня, и я с ними встретила и решила, что они нормальные, поэтому попросила правление позволить им остаться временно. Я думала, они могли бы нам помочь сделать анализ резервного фонда здания, там у нас дела не так хороши.

– Я этого не знала.

– Это отмечали в протоколах.

Джен пожала плечами:

– Я обычно их не читаю.

– Как и большинство.

Джен задумалась.

– И часто ты так влияешь на правление?

Теперь Шарлотт определенно поняла, что ее спрашивают целенаправленно. И, кивнув, будто мирясь с этим, ответила:

– Периодически, если вижу ситуацию, где я могу этим помочь людям и нашему зданию. Правлению это, думаю, не нравится, поскольку здание переполнено. Поэтому им хватает и обычного списка ожидающих очереди. А еще у них бывают свои особые случаи.

– Но места все же появляются.

– Конечно. Съезжать почти никто не съезжает, но многие прожили здесь уже долго и иногда умирают.

– В этом смысле люди довольно стабильны.

– Ага.

– По этой причине и я живу здесь, вообще-то. Я переехала сюда присматривать за мамой, когда умер папа, а когда и она умерла, ее членство в кооперативе перешло мне.

– А-а... когда это было?

– Три года назад.

– Поэтому, наверное, и получилось, что ты состоишь в кооперативе, но не следишь за делами здания.

Джен пожала плечами:

– Ты же вроде говорила, что чуть ли не все так делают.

– Ну, резервные финансы – тема и вправду не для всех. Но это же кооператив. И на самом деле многие так или иначе в чем-то участвуют.

– И мне, наверное, стоило бы, – признала Джен.

Шарлотт кивнула и тут же вспомнила:

– Очень скоро все узнают о том, что стало известно на последнем заседании. Нам предложили выкупить здание.

– Кто-то хочет купить его целиком?

– Именно.

– Кто?

– Мы не знаем. Они вышли на нас через брокера.

Джен имела склонность видеть закономерности. Несомненно, это было следствием ее работы, она это понимала, но ничего поделать не могла. Вот и сейчас: в здании пропадает кто-то, у кого есть влиятельные родственники и коллеги, и здание тут же предлагают выкупить. Джен не может не задуматься о том, есть ли здесь связь.

– Мы ведь можем отказаться от предложения, верно?

– Конечно, но, вероятнее всего, вопрос придется вынести на голосование. Узнать мнение членов, а то и позволить им самим решить. Предлагают примерно вдвое больше стоимости здания, так что для многих это будет соблазн. Это почти как враждебное поглощение.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказала Джен. – Я бы не хотела съезжать, и наверняка многие жильцы тоже. Потому что куда нам податься?

Шарлотт пожала плечами:

– Некоторые думают, что все можно решить с помощью денег.

– Откуда ты знаешь, что предложение в два раза больше стоимости здания? – спросила Джен. – Как вообще в последнее время можно утверждать что-либо о стоимости?

– По сравнению с похожими сделками, – пояснила Шарлотт.

– А такие сделки вообще бывают?

– И немало. Я общаюсь с людьми из советов других зданий, а ОВНМ проводит ежемесячные заседания, и там многие сообщают о поступивших предложениях, иногда и о продажах. И мне страшно не нравится то, что из этого следует.

– А что из этого следует?

– Ну, как мне кажется, то, что уровень моря сейчас стабилизировался и люди пережили критические годы, а это стоило больших усилий. Вспомни «мокрые вложения».

– Величайшее из поколений, – процитировала Джен.

– Людям нравится так думать.

– Особенно людям того поколения.

– Именно. Возвращенцам, водяным крысам, кому хочешь.

– Нашим родителям.

– Точно. Они правда многое сделали. Не знаю, как было у тебя, но истории, которые мне рассказывала мама... да и папа рассказывал...

Джен кивнула:

– Я коп в четвертом поколении, и следить за порядком во время потопа было тяжело. Им приходилось держать строй.

– Не сомневаюсь. Но сейчас, знаешь, Нижний Манхэттен стал привлекательным местом. Вот люди и заговорили о возможностях для инвестиций и реновации. Нью-Йорк – по-прежнему Нью-Йорк. А северная часть острова – это чудовище. Миллионеры отовсюду с удовольствием вкладывают туда деньги. А если вложишься, то можешь иногда заезжать и устраивать ночные гулянки.

– Это всегда так было.

– Понятно, но мне такое не по душе. Я это ненавижу.

Не сводя глаз с Шарлотт, Джен кивнула. Она искала каких-либо признаков скрытности – ведь Шарлотт была связана с пропавшими, а значит, нужно быть начеку. К тому же это была

женщина с твердым мнением. Джен начинала понимать, почему ее собственный брак, заключенный в юности, распался: заходят как-то в бар финансист и соцработник...

Однако никаких намеков на то, что Шарлотт могла что-то скрывать, Джен не заметила. Напротив, та казалась очень открытой и искренней. С другой стороны, открытость в одном может служить для утаивания чего-то другого. Поэтому быть уверенной Джен не могла.

– Значит, ты хотела бы отказаться от этой сделки?

– Еще бы. Как я сказала, мне не нравится то, что из этого следует. И мне здесь нравится. Не хочу переезжать.

– Думаю, так посчитает большинство, – постаралась ее успокоить Джен. А потом резко переключилась, такая у нее была привычка: спросить что-то неожиданное и посмотреть, вызовет ли это испуг. – А что наш управляющий? Он может быть в этом замешан?

– В пропаже? – Шарлотт явно удивилась. – С чего бы ему быть замешанным?

– Не знаю. Но у него же есть доступ к системам безопасности, а камеры вышли из строя как раз в тот момент. Сомневаюсь, что это просто совпадение. Так что вот. И еще, если этим враждебным поглотителям нужна помощь изнутри, они могли сделать некоторым людям еще лучшее предложение на случай, если сделка состоится.

Шарлотт качала головой почти все время, что говорила Джен.

– Владе с этим зданием – одно целое. Не думаю, что он хорошо отнесся бы к тем, кто попытался бы втянуть его в мошенничество.

– Ну допустим. Но деньги иногда заставляют людей думать, будто они делают благо, хотя на самом деле это не так. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю. Но сдается мне, он расценил бы подобное не иначе как попытку его подкупить, а в таком случае этим дельцам очень повезло бы, если б они успели убратъся восвояси, не будучи выброшенными в канал. Нет, Владе любит это место, я знаю.

– А он давно здесь?

– Да. Появился лет пятнадцать назад, после каких-то неприятностей.

– Проблемы с законом?

– Нет. Он был женат, но у них ребенок погиб от несчастного случая, и потом брак распался. Примерно в это время мы его и наняли.

– Ты уже тогда была в совете?

– Да, – ответила Шарлотт со вздохом. – Уже тогда.

– Значит, ты считаешь, он не может иметь к этому отношения.

– Именно.

Они уже закончили с едой, выпили кофе, и кофейники, они знали, теперь тоже были пусты. Кофе в Мете никогда не хватало. А Джен видела, что ей не раз удалось вызвать у Шарлотт раздражение. Она делала это преднамеренно, но нужно и меру знать. По крайней мере, пока хватит экспериментов.

– Знаешь, что я тебе скажу, – она повысила голос, – я буду продолжать их искать. А что касается здания, то начну ходить на членские собрания и поговорю с теми, кого здесь знаю, о том, как нам сохранить то, что у нас есть.

Это услышали некоторые из сидящих рядом, но Джен надеялась, что ее слова лишь помогут снять напряжение.

– Спасибо, – ответила Шарлотт. – Собрания непременно будут.

Д) Владе

Самая большая загруженность наблюдалась в Нью-Йорке в 1904 году. Или в 2104-м.

Город расположен на 40 градусах северной широты, как Мадрид, Анкара и Пекин.

*Как в Нью-Йорке зарабатывали все большие состояния? Астор, Вандербилт, Фиш... Конечно, на недвижимости.
Это отметил Джон Дос Пассос*

Я прибываю по каналу. Я ничего не знаю. Благо о том, что нужно, можно спросить.

Уильям Бронк, потомок Бронков из Бронкса

- Требуется помощь, – сообщил Мет женским голосом из настенного монитора Владе. Управляющий сел на кровати и потянулся сначала к выключателю, потом к одежде.
- В чем дело? – спросил Владе. – Выкладывай.
- В нижнем подвале вода.
- Черт! – Он вскочил и набросил свою кархартовскую куртку. – Как давно, как быстро и где?
- Я сообщила при первом обнаружении влаги. Скорость притока не определена. Комната Б-201.
- Ладно, сообщи скорость притока, когда вычислишь.
- Будет сделано.

Владе стал спускаться в подвал – и пока он шел, свет сам зажигался у него на пути. Подвал находился не просто ниже уровня воды, но и ниже дна. Когда строилось здание, в начале XX века, его основание было врезано в коренную породу. В 1999 году все части здания, кроме башни, были восстановлены, а фундамент был заложен еще глубже. О гидроизоляции тогда никто не беспокоился, а в коренной породе, как и во всех породах, образовывались трещины. Когда остров был частью суши, это не имело значения, но не теперь: вода из каналов медленно, но неумолимо просачивалась по этим трещинам. Поэтому загерметизировать бетонную облицовку стен подвала было труднее, чем на верхних этажах – ведь до тех можно было добраться, нырнув или установив кессон. Доступ решал все, и при его отсутствии загерметизировать подвал можно было только с внутренней стороны стен. Это было неприемлемо, так как оставляло незащищенными бетонные стены и пол подвала, из-за чего те подвергались обычным бедам: коррозии, распылу, разрыхлению, разложению. Но поделаться с этим было нечего.

Из-за этой неразрешимой проблемы Владе держал подвал пустым, так, чтобы пол и стены ничто не загоразивало. Кто-то из совета жаловался на то, что площадь не используется, но управляющий был непреклонен. Он должен был иметь возможность видеть все, что там происходит. Это была одна из самых опасных уязвимостей во всем здании.

И когда он прибежал в комнату Б-201, то почти сразу все понял. Широкое и яркое пространство, отовсюду кажущееся сырым из-за света, отражающегося от так называемого алмазного покрытия, бывшего здесь на всех поверхностях. На самом деле это был графеновый композит, но такой прозрачный и блестящий, что Владе, как и все остальные, называл его алмазным. Материал был не таким твердым, как алмаз, зато более упругим и наносился как спрей. Вообще новые композиты просто удивительны с точки зрения силы, упругости, массы

и всего того, чего можно желать от строительных материалов. Они сделали подводную жизнь реальностью.

Пол немного бугристый, чтобы удобнее ходить; стены, более гладкие и шлифованные, напоминали матовый алюминий и снижали яркость отраженного света. Поэтому поверхности не ослепляли, а просто блестели – так, будто все отсырело и искрилось росой. Для Владе этого оказалось достаточно, чтобы впасть в беспокойство, пусть такое здесь можно было наблюдать всегда.

Требовалось найти место протечки. Здание действительно сообщило о первом признаке сырости – он сумел обнаружить ее только с помощью своего датчика влажности. Мокрое пятно нашлось в дальнем углу, где сходились северная и восточная стены и пол. Это было странно, потому что в таких местах слой покрытия был толще обычного. Тем не менее датчик сработал именно там. Он сел на прохладный бугристый пол, провел по нему рукой. Точно, сырой. Понюхал – ничего не ощутил. Снял с пояса фонарик, направил его на угол. Пришлось поводить головой, чтобы наилучшим образом сфокусировать свои немолодые глаза, и все-таки увидел: трещина. Микротрещина.

Но это не противоречило логике. Он достал из кармана линзу, наклонился и, выставив фонарик под углом, поводил линзой перед ним. В углу виднелся крупный размытый сгусток алмазного спрея. Трещина, это точно. Вода собиралась в ней до тех пор, пока поверхностное натяжение не вынуждало ее скатываться на пол, точно так же, как это происходило бы и с большим объемом. Но, черт, отверстие выглядело так, будто его просверлили!

Он протер угол и сделал с помощью браслета его макрофото. Трещина действительно выглядела круглой – точнее, было даже два круглых отверстия, и вода собиралась в них полусферами, как кровь в паре булавочных уколов. Как чистая кровь.

– Черт!

Он снова протер угол, затем капнул туда герметик. Позже он собирался сделать там что-нибудь более существенное, например нанести толстый слой спрея, но пока и этого должно было хватить.

– Владе, – проговорила Мет ему в наушник, – требуется помощь. Вода в среднем подвале, юго-западный угол, комната Б-104.

– Сколько?

– Первое обнаружение влаги. Скорость притока не определена.

Он поспешил вверх по широкой лестнице, а потом к комнате 104, с трудом ступая – ходить мешало больное левое колено. На этом этаже комнаты были меньше, чем этажом ниже. Возле стен здесь было так же пусто, а посередине штабелями стояли ящики, которые он составлял сам. Пол выполнен из обычного цемента, стены, как и в подвале ниже, покрыты спреем. На этом уровне все здание снаружи находилось в воде даже при отливе, равно как и этажом выше, который когда-то был цокольным. Этаж над ним пребывал в приливно-отливной зоне. Прямо сейчас был прилив, значит, в любых подводных протечках давление было повышенным. Но появление двух протечек почти одновременно показалось Владе крайне подозрительным, особенно учитывая особенности первой, которая находилась в углу и выглядела так, будто текло через просверленные отверстия.

И снова датчик влажности быстро привел Владе к протечке – та оказалась на стене над самым полом. Стена в том месте была покрыта спреем и изнутри, и снаружи, отчего протечка казалась еще невероятнее той, что он нашел внизу. С виду она была похожа больше на трещину, чем на булавочный укол. Как усталостный перелом. Вода сочилась со дна трещины – она тянулась почти вертикально. Капли собирались вместе и стекали по стене.

– Вот черт!

Он снова щедро залепил трещину герметиком, немного подумал, а потом, обогнув шахту лифта, вернулся в свою комнату. Там он снял куртку и, проклиная все на свете, натянул плавки.

Нижнюю протечку точно кто-то просверлил изнутри. Владе не хотелось давать зданию никаких устных команд, касающихся камер безопасности, так как вопрос с ними до сих пор не был решен, а вся система могла быть скомпрометирована. А посему следовало дожидаться, пока их проверят. Пока же задача номер один – осмотреть здание снаружи и проверить, является ли верхняя трещина сквозной. Если да, то это проще, чем если бы она имела сложную форму, в которой наружный и внутренний выходы не совпадали. Но вообще и то и другое плохо!

Гидрокостюмы и кислородные баллоны со снаряжением хранились в эллинге, на складе рядом с его офисом. Люди выплывали на своих судах, как казалось, без лишнего стресса, и Су беспокоило ему кивнул: мол, все хорошо.

– Я поныряю немного, – предупредил его Владе, отчего Су нахмурился.

Никто не должен был нырять в одиночку, но Владе нырял вокруг здания постоянно, имея при себе только маленькую тележку и ничего более.

– Если что, я буду на телефоне, – сказал Су, и Владе, кивнув, начал непростой процесс надевания гидрокостюма. Для осмотра зданий можно было использовать самый маленький баллон, и на голову в этом случае надевалось нечто похожее на плавательную маску. То есть он был закрыт не полностью, но для недолгой работы близ поверхности хватало и этого. Главное – хорошенько вымыться после.

Внутри эллинга имелись ступеньки, уходящие в воду. Сейчас было видно только три из них, то есть прилив был почти максимальным. Он спустился вниз, ощущая себя болотной тварью из одноименного фильма³⁸, самого страшного фильма всех времен, по его мнению. К счастью, он не уносил с собой вниз какую-нибудь несчастную, мгновенно стареющую деву. Даже салазок у него не было – для подобных нырков они были не нужны.

Вода была, как всегда, холодной, это ощущалось даже в гидрокостюме, но он разогревался так быстро, что прохлада казалась приятной. Погружение, быстрая проверка снаряжения, потом выход через дверь эллинга в бачино, проплыв. Гидрокостюм снабдил ноги лишь небольшими перепонками на пальцах и маленькими плавниками, и это тоже создавало приятное ощущение. Головной фонарь излучал мощный свет, но лучи, как всегда, ловили в основном лишь различные частицы в богомерзкой городской воде, хотя ее и пытались очистить десятки миллионов моллюсков в аквакультурных садках. Владе сейчас видел всего на два-три метра перед собой. Нужно было держаться на достаточной глубине, чтобы не получить по голове килем лодки, но не настолько глубоко, чтобы залезть в какой-нибудь садок. В самых верхних из них содержалось немало рыбы – лосось, тилапия, сом, целые подвижные стайки, снующие вдоль стенок клеток.

Обогнув северо-западный угол здания, Владе завис над старой дорожкой, будто призрак. Тротуар, бордюр, улица – всегда жутковато видеть следы того Нью-Йорка, каким он некогда был. 24-я улица.

За угол, потом к той точке на стене снаружи комнаты Б-104. Свериться с навигатором, чтобы убедиться, что это то самое место. Приблизившись к стене, он осмотрел каждый дюйм блестящего алмазного покрытия, провел по нему руками. Ничего слишком заметного... и да, прямо напротив внутренней трещины вроде бы оказалась наружная. Какого хрена?

Владе проработал десять лет в городском водном отряде, где чинил канализационные трубы, технологические сети, подводные тоннели, аквафермы и прочее. Поэтому плавать под водой в одном из каналов было для него столь же обыденно, сколь ходить по улицам на Верхнем Манхэттене, а то и привычнее – ведь в верхней части острова он практически не бывал. Взглянул вверх – поверхность то чуть вздымалась, то приопускалась, будто дышала. На востоке, где между зданиями восходило солнце, разливался опаловый свет. Волны сплетались друг с другом, ударяли о Мет и его Северное здание, отскакивали и разбивались, образуя пузыри,

³⁸ Фильм ужасов Уэса Крейвена «Болотная тварь», вышедший в 1982 г.

которые тут же лопались. Когда он смотрел на восток, в сторону 24-й улицы, там уже было видно солнце. Все как обычно – но что-то будило в нем страх. Что-то было не так.

На всякий случай Владе подплыл к северо-восточному углу здания, посветил фонарем на нижнюю часть цоколя, проверил ее, всего метров пять-шесть с обеих сторон. Низ цоколя всегда выглядел странно: герметик, скреплявший стык между зданием и старинным тротуаром, походил на застывшую серую лаву, а сам тротуар, как и часть улицы, был покрыт алмазным спреем. Это была слабость всех зданий, что еще стояли в мелководье Нижнего Манхэттена: загерметизировать поверхности можно было только так, а в местах, где покрытие отсутствовало, вода свободно проникала. У городских служб был, однако, план установить кессоны и выкачать воду со всех затопленных улиц общей протяженностью двести миль, нанести алмазное покрытие до максимального уровня прилива и только потом пустить воду обратно. Это могло иметь успех лишь отчасти, поскольку вода, конечно, уже была повсюду и ниже уровня улиц, она давно впиталась в старый бетон, асфальт и почву, поэтому загерметизировать улицы получилось бы только вместе с ней. И Владе не был уверен, что это принесло бы какую-либо пользу. Это все равно что запереть конюшню, когда лошади уже оттуда сбежали, считал он вместе со многими другими, но гидрологи заверяли, что это спасет ситуацию, и потихоньку приступали к работе. Будто не было более важных дел. Ну и ладно. Глядя на место, где заканчивались герметик и алмазное покрытие и начинался голый бетон и где сейчас находилось дно канала, Владе нутром чуял, что гидрологи хотели просто сделать здесь хоть что-то. Лишь бы не сидеть сложа руки.

Закончив осмотр, он не спеша вернулся к эллингу и, истекая водой, затопал по ступенькам. На этот раз он напоминал себе Создание из Черной лагуны³⁹.

Выбравшись из гидрокостюма, он обрызгал лицо и шею отбеливателем, смыл его, вытерся и переоделся в обычную одежду. Затем позвонил своему старому другу Армандо из подводной службы Овна:

– Слушай, Армандо, а ты не мог бы заскочить и взглянуть на мое здание? У меня тут пара протечек.

Армандо согласился включить его в свое расписание.

– Спасибо.

Он взглянул на фотографии у себя на планшете, повернулся к своим экранам и вывел на них сведения о протечках. Затем, немного поколебавшись, изучил записи с камер безопасности.

Ничего явного. Потом сверился со своим журналом: подвальные камеры не записали ничего – даже в те дни, когда, судя по его журналу, туда точно кто-то заходил.

После ныряния его часто подташнивало, как и всех время от времени. Говорили, это то ли из-за скоплений азота, то ли аноксии, то ли токсичной воды, кишасей всякими органическими удобрениями, выбросами, микрофлорой, фауной и чистыми ядами, – боже, чего только не было в этом химическом винегрете, замешанном на городских стоках! От него просто не могло не тошнить. Но в этот день Владе почувствовал себя еще хуже обычного.

Он позвонил Шарлотт Армстронг:

– Шарлотт, ты где?

– Иду к себе в офис, уже почти на месте. Всю дорогу пешком. – Судя по голосу, она была довольна собой.

– Хорошо. Слушай, не хочу тебя расстраивать, но, похоже, кто-то пытается повредить наше здание.

³⁹ Жаброчеловек из классической серии фильмов ужасов студии «Юнивёрсал», впервые появившийся в картине «Создание из Черной лагуны» 1954 г.

Е) Амелия

Алфред Стиглиц и Джорджия О'Кифф были первыми художниками Америки, которые жили и работали в небоскребе. Скорее всего.

*Любовь на Манхэттене? Сомневаюсь.
Кэндес Бушнелл. «Секс в большом городе»*

Ла Гуардия⁴⁰: Я варю пиво.

Патрульный Меннелла: Хорошо.

Ла Гуардия: Почему вы меня не арестуете?

Патрульный Меннелла: Полагаю, если кто и должен этим заниматься, то агент бюро Сухого закона.

Ла Гуардия: Что ж, тогда я окажу вам неповиновение. Я думал, вы предоставите мне жильё.

Дирижабль Амелии «Искусственная миграция» был модели «Фридрихсхафен Делюкс Миди», и она его обожала. Автопилота она сначала называла полковником Блимпом⁴¹, но его голос был дружелюбным, доброжелательным и будто бы принадлежал немцу, и она прозвала его Франсом. Когда она сталкивалась с той или иной проблемой – а эту часть ее передачи зрители любили больше всего, особенно если она при этом теряла что-нибудь из одежды, – она говорила:

– О, Франс, юху, дай, пожалуйста, поворот на триста шестьдесят и вытащи нас отсюда!

Тогда Франс брал управление на себя и выполнял все необходимые маневры, отмачивая при этом неудачную шутку, почти всегда одну и ту же – что-то о том, что поворот на триста шестьдесят градусов только направит вас туда, куда вы уже направлялись. Эту шутку знали уже все, она стала в своем роде дежурной, но главное, проблемы обычно этим и решались. Франс был умен. Конечно, принимать некоторые решения он предоставлял ей, считая их лежащими вне его компетенции. Однако он был на удивление изобретателен, даже в тех областях, которые были скорее человеческими.

Ее аэростат, точнее дирижабль – то есть с полужестким внутренним корпусом, который изготовлен из аэрогеля и ненамного тяжелее газа в баллонетах, – достигал сорока метров в длину и имел просторную гондолу, которая крепилась к его нижней стороне, будто толстый киль. «Фридрихсхафен» построила его перед самым началом века, и с тех пор он преодолел много миль, развезжая, как трамповое судно конца XIX века. Такой долговечности он достигал благодаря своей гибкости и легкости, а также фотовольтаической наружной оболочке корпуса, которая делала его совершенно автономным. Конечно, когда полет был долгим, его повреждали солнечные лучи. К тому же требовалось регулярно пополнять запасы, но зачастую это удавалось сделать в воздухе – во встречающихся по пути небесных деревьях. В них же производили и мелкий ремонт. Таким образом, их дирижаблю, как и миллионам аналогичных воздушных судов, по сути, не было нужды совершать посадки. А Амелии, подобно миллионам других воздушных пассажиров, не было нужды сходить на землю – можно странствовать хоть годами.

Дирижабль стал для нее необходимым убежищем. За все эти годы у нее редко бывало, когда она не видела где-нибудь вдалеке других дирижаблей, но это ее не огорчало. Даже

⁴⁰ Фьорелло Ла Гуардия (1882–1947) – американский политик, мэр Нью-Йорка в 1934–1945 гг.

⁴¹ Британский мультипликационный персонаж, придуманный мультипликатором Дэвидом Лоу в 1934 г. Характеризуется как высокомерный и вспыльчивый стереотипный британец. Слово blimp также переводится как «дирижабль».

наоборот: успокаивало, внушало, что люди присутствуют где-то рядом, создавало ощущение, что атмосфера – это тоже пространство для людей, непрерывно меняющийся кальвиноград⁴². Будто после подъема воды люди взметнулись в небо, будто семена одуванчиков, и рассеялись по облакам.

Хотя сейчас она снова видела, что в полярных широтах небеса были безлюднее. В двухстах милях к северу от Квебека она замечала лишь немного воздушных судов. В основном это были грузовые – они летели на гораздо большей высоте и, пользуясь отсутствием на борту людей, поднимались к струйным течениям в атмосфере и таким образом ускорялись, следуя к очередным пунктам назначения.

Когда они приблизились к Гудзонову заливу, Франс резко изменил уклон дирижабля, выпустив гелий в баллонеты и повернув закрылки позади мощных турбин, что располагались в двух больших цилиндрах, прикрепленных к корпусу по бокам. Вместе эти действия привели к тому, что у судна опустился нос, и оно направилось к земле.

Октябрьские ночи здесь становились длиннее, и холодный пейзаж простирался во все стороны погруженной во тьму белизной, сияя студеным блеском сотен озер, что наглядно показывали, насколько ледяная шапка последнего Ледникового периода накрыла и сдвинула Канадский щит. Земля внизу казалась скорее архипелагом, чем материком. Предраусветное сияние на севере вырисовывало городок, куда они направлялись, – Черчилл, Манитоба. Когда они снизились над городком и устремились к взлетному полю, то увидели, что все поселение представляло собой изолированную кучку строений. Располагалось оно так далеко от Западного побережья Гудзонова залива, что из загруженного движением Северо-Западного прохода сюда не заглядывал почти никто. Изредка появлялись здесь лишь круизные лайнеры, их пассажиры надеялись увидеть хоть каких-нибудь белых медведей.

Однако те едва ли еще здесь были. Главным образом потому, что медведи теперь каждый год застревали на суше из-за весенних расколов льда и оставались на ней до осени, когда тот замерзал снова, а значит, не могли добраться до тюленей, служивших им основной пищей. В результате они так голодали, что никогда не рожали тройни, да и двойни случались редко. Когда же они проходили через Черчилл, чтобы проверить, пора ли уже выходить на новое море, то заодно искали, чем поживиться в городке. Так продолжалось уже больше ста лет, и городская программа оповещения о белых медведях давно выработала алгоритм, позволяющий справляться с октябрьской миграцией медведей, направляющихся к новообразованному льду. Программа эта предусматривала транквилизацию нарушителей и их транспортировку дирижаблями к местам, где появлялся ранний лед и собирались тюлени. В этом году сотрудники программы, вместо того чтобы вывозить нарушителей из города, содержали их в специальных резервуарах, дабы затем выбрать из них самых несносных, которые будут высланы гораздо южнее.

После того как Франс пристыковался к мачте на окраине города и местная бригада притянула судно к земле, Амелия выбралась и поприветствовала людей. Как ей сообщили, встретить ее собралось чуть ли не все население городка. Амелия пожала каждому руку и поблагодарила за прием. Все это непрерывно снимал рой летающих камер. Затем она проследовала за местными к резервуару с медведями.

– Мы в Черчилле, приближаемся к медвежьему изолятору, – комментировала Амелия для передачи, хотя в этом и не было необходимости. Запись не транслировалась в прямом эфире, и она чувствовала себя более расслабленной, чем обычно, но вместе с тем пыталась вести себя более осознанно. – Этот изолятор и его сотрудники спасли от неминуемой смерти буквально тысячи белых медведей. До внедрения программы здесь ежегодно убивали порядка

⁴² Отсылка к Итало Кальвино (1923–1985) – итальянскому писателю, автору романа «Незримые города», в котором описаны фантастические путешествия.

двадцати медведей, чтобы те не растерзали местных. Сейчас их убивают даже далеко не каждый год. Когда сезон заканчивается без убийств, горожане лепят гигантскую снежную статую медведя.

Она снимала пикапы, которые должны были перевезти ее трансполярных мигрантов из изолятора на борт «Искусственной миграции». Это были здоровенные машины с шипованными шинами выше ее роста. Медведи, как ей сказали, не спали, поэтому во время перелета на юг их следовало держать в больших вольерах в отдельном блоке, расположенном в кормовой части гондолы. По-видимому, было решено, что им удастся легче перенести путешествие, если они будут размещены вместе. Для самой Амелии продюсеры заготовили помещение еще до отправления, а холодильники и морозилки заполнили тюленьим мясом, чтобы кормить медведей в пути.

Пока сотрудники программы с помощью подъемного крана перемещали транквилизированных медведей в пикапы и отвозили их к дирижаблю, Амелия все снимала и комментировала, хотя и знала, что при монтаже звук отредактируют.

– Некоторые люди, похоже, не понимают проблему вымирания животных! Это трудно представить, но это так, и мы не могли заставить всех согласиться с тем, что переселение белых медведей в настоящую полярную среду – их последний шанс на выживание в естественных условиях. Всего будет переселено двадцать медведей – это около десяти процентов всех оставшихся медведей. Я беру с собой шестерых. Если мы это сделаем, то поможем пережить этот момент и обрести реальное будущее. И пусть бутылочное горлышко их генетического разнообразия будет тонким, как соломинка, но это же лучше, чем если бы они вымерли, верно? Тут либо так, либо совсем конец, так что я говорю: грузим их и увозим!

Медведи, накачанные транквилизаторами и помещенные в сетки, выглядели взъерошенными и желтыми. Огромные пикапы собрались у створки кормового отсека ее гондолы, где небольшой подъемный кран поднимал их по одному и укладывал на погрузчики, которые казались совсем маленькими по сравнению со своими грузами, но были достаточно мощными, чтобы провозить их по пандусу. При перелете в помещении с медведями должна была поддерживаться арктическая температура, и на борту находилось все, чего звери могли пожелать осенью. Предполагалось, что путь на юг, если позволит погода, займет две недели.

Вскоре после того как медведи оказались на борту, Франс отстегнул дирижабль от мачты, и начался подъем. Теперь это было медленнее, чем обычно, ведь они стали на пять тонн тяжелее.

* * *

Неделю спустя они столкнулись с тропическим циклоном, перемещающимся на север из Тринидада и Тобаго, и Амелия попросила Франса сместить курс к западной границе циклона, что дало бы зрителям впечатляющий вид на природное явление, которое могло превратиться в ураган, а заодно вытолкнуло бы судно на юг после прохождения в воздушном потоке против часовой стрелки. Циклон получил имя Гарольд – так звали младшего брата Амелии, поэтому она стала называть его Братиком. В целом он смещался на север со скоростью около 20 километров в час, но его западная граница бурлила так, что скорость ветров, устремлявшихся на юг, достигала примерно 200 километров в час.

– Это прибавит нам около 180 километров в час, – сообщила Амелия будущим зрителям, – что здорово, пусть и продлится всего несколько часов. Потому что местные, как мне кажется, начинают немного волноваться.

Последнее она проговорила с привычной гримасой, выражавшей терпимое огорчение: изогнув брови и вытаращив глаза, как Люсиль Болл⁴³. Это всегда хорошо смотрелось. Летающие камеры, что сновали вокруг, добавляли к этому эффект «рыбьего глаза».

Медведи должны были перейти в зимний режим – не гибернацию, а скорее состояние, в котором они становились своего рода зомби-медведями, как выразился один из сотрудников программы в Черчилле. Но, судя по звукам, что слышала Амелия, никуда они не переходили. С кормы доносился глухой, будоражащий рев, похожий на львиный, и вой, словно издаваемый собакой Баскервилей.

– Медведи недовольны? – спросила она. – Они видят бурю из окна? Может, голодные? Кажется, они сильно расстроены!

Затем их затянул Гарольд, и почти десять минут стоял такой шум, что расслышать что-либо было невозможно. Их хорошенько затрясло, и жаловались ли на это медведи, сказать было нельзя, потому что ничего не было слышно. Но у Амелии внутри все завибрировало так, будто она была барабанной тарелкой, висевшей рядом с другой, по которой отчаянно стучали. Поэтому и медведям, скорее всего, это не нравилось.

– Держитесь, ребята! – громко объявила Амелия. – Потерпите, пока мы не наберем скорость, будет громко. Конечно, вряд ли нашему ускорению что-то препятствует – мы же не на корабле в океане. Я сама не сразу к этому привыкла, но здесь мы, по сути, летим со скоростью ветра – он не проносится мимо, как было бы с кораблем или даже с самолетом. Если мы выключим турбины, нас просто унесет туда, куда он будет дуть. Так что мы можем безопасно заходить в ураганы. Просто летим по течению, медленно или быстро – нам без разницы. Верно, Франс?

Хотя на этот раз их трясло неслабо. Когда вихрь взаимодействовал с более медленным воздухом, окружающим его, образовывалась турбулентность. Как только они войдут в ураган чуть дальше, как уже не в первый раз объясняла Амелия, станет полегче. Но и тогда тряска не прекратилась бы; в урагане их окружали облака, и плотные, а облака были как расплывчатое озеро, с некоторой зыбью, создаваемой переменным распределением капель воды. Поэтому, когда их уносило с ветром, они находились в глубине облаков, а мелкое дрожание вместе с резкими нырками и толчками придавало ощущение скорости даже при том, что увидеть они ничего не могли.

– Эта тряска происходит из-за ламинарного потока, – рассказывала Амелия. – Само облако дребезжит!

Хотя нельзя было исключать, что это дребезжит дирижабль – что у него изгибался аэрогелевый каркас. Амелия точно знала, что обычно внутри облаков, даже при урагане, трясло меньше. Они не сопротивлялись ветру, не пытались выбраться из циклона – они оседлали течение, и Франс снизил частоту скачущих вверх-вниз внутренних волн. Но все равно их сильно и неравномерно качало вверх и вниз, из стороны в сторону.

– Не знаю, – объявила Амелия, – это звучит нелепо, но, может, это качание происходит из-за медведей?

Вероятность этого была невелика, но вероятнее этого предположить было нечего. Наверняка же медведи не стали бы организованно бросаться из стороны в сторону – во всяком случае, она на это надеялась. Они весили восемьсот фунтов каждый, поэтому даже без координации движений им достаточно было просто биться о стены, бороться или швырять друг дружку, как сумоисты, – и да, это определенно раскачало бы судно. Дирижабль, всего лишь полужесткий, был очень чувствителен к внутренним смещениям масс. Поэтому, если груз у них на борту был разъярен...

– Медведи, медведи, медведи, о боже!

⁴³ Люсиль Болл (1911–1989) – американская актриса, звезда комедийного телесериала «Я люблю Люси».

Амелия спустилась в центральный проход, чтобы проверить. Там в двери имелось окно на ту половину гондолы, где размещались звери, и она, взяв камеру в виде заколки, прикрепила ее к волосам и заглянула к медведям.

Первый, кого она увидела, был в крови.

– О нет! – Окровавленные стены, где-то следы когтей. – Франс, что здесь творится?!

– Все системы в норме, – доложил Франс.

– Да о чем ты?! Посмотри сюда!

– Посмотреть куда?

– На медведей!

Амелия подошла к шкафчику в проходе, открыла его и сняла с крепления на его задней стенке пистолет с транквилизатором. Вернувшись к двери прохода и посмотрев в окно, не увидела там ничего и отперла дверь, но тотчас была отброшена назад, потому что дверь резко подалась на нее. Окровавленные белые гиганты пронеслись мимо нее, будто собаки, будто громадные лабрадоры-альбиносы или люди в не подходящих по размеру меховых шубах, бегающие на четвереньках. Она лежала, растянувшись у стены напротив, притворяясь мертвой, и, к счастью, не привлекала внимания животных. Одному она выстрелила в бедро, когда тот бежал по проходу в сторону мостика, а когда звери скрылись из виду, она поднялась на ноги и ринулась к шкафчику. Затем залезла в него, потянула на себя дверь, повернула защелку изнутри, а уже в следующее мгновение услышала, как по двери крепко ударили с той стороны. Ударили огромной лапищей! Причем сильно!

Ну нет! Она заперта в шкафчике, по дирижаблю носятся как минимум три медведя, а то и все шесть, сам дирижабль кружится в урагане. Каким-то образом ей удалось опять вляпаться!

– Франс?

Ж) Стефан и Роберто

Я за то искусство, которое сообщает вам, который час или где находится такая-то улица. Я за то искусство, которое помогает старушкам переходить через дорогу.

Сказал Клас Олденбург

Ширина улиц – шестьдесят футов, авеню – сто футов. Поперек авеню можно вмести́ть теннисный корт. Улицы, как говорили, рассчитывались на то, чтобы здания вдоль них имели по четыре-пять этажей.

Свинцовый сумрак тяжело ложится на худые плечи пожилого человека, идущего по направлению к Бродвею. На углу у киоска его взгляд на что-то натывается. Сломанная кукла среди раскрашенных говорящих кукол! Он бредет дальше, уронив голову в кипение и гул, в жерло униженного бусами букв зарева.

– Я помню, тут были луга, – ворчит он, обращаясь к маленькому мальчику⁴⁴.

Джон Дос Пассос. Манхэттен

Стефан и Роберто не нашли возможности зарядить аккумулятор, питавший их лодку, поэтому пошли по крытым переходам на запад и на Шестой авеню сели в вапо, ехавший на север, где они собирались увидеться со своим другом мистером Хэкстером. Лил дождь, поверхность канала бушевала от крупных капель и разлетающихся брызг. Маленькие кружки расходились на воде, становясь большими, и все это накладывалось на следы лодок и бесконечных гребешков от сильного южного ветра. Непокойная серая вода под беснующимся серым небом, все в непрерывном движении. Люди ждали на пристанях, забившись в укрытия, если удалось их найти, или мужественно стоя под зонтами. Сами мальчишки стояли на носу вапо, промокая, несмотря на свои большие целлофановые куртки. Им было на это наплевать.

При отливе на каждом здании района показались темно-зеленые сливные отверстия. Одиннадцать футов разницы, как говорили. Ребята намеревались сперва воспользоваться приливом, который надвигался в этот день, а потом навестить мистера Хэкстера, жившего на улице Фанди, то есть на Шестой авеню, между 31-й улицей и Центральным парком.

Они сошли с вапо на пристани рядом с ларьком Эрнесто на 31-й и одолжили у него пару досок для серфинга и гидрокостюмы. Оттуда они поднялись по западному помосту Шестой авеню, что тянулся, будто плоский настил, к протяженному треугольному бачино, где Шестая сходилась с Бродвеем в районе 31-й, чуть севернее отметки уровня отлива. Здесь начиналась улица Фанди, как в очередной раз переименовали этот участок Шестой, и это название было уж точно лучше, чем авеню Америки, придуманное глубоким политиком и больше подходящее Мэдисон-авеню или Денверу. Теперь же название казалось весьма уместным, потому что и приливы, и отливы в этом районе нередко повергали в шок⁴⁵.

Этот отрезок Среднего Манхэттена соответствовал самой широкой приливно-отливной зоне. По большей части здесь царил хаос, и район славился как зона незаконных поселенцев, мошенников и бродяг, но представлял интерес и для обычных людей, приходивших развлечься. Людей вроде Стефана и Роберто, которые любили тусоваться с серфингистами, соби-

⁴⁴ Перевод Валентина Стенича.

⁴⁵ Реально существующий залив Фанди, в честь которого, очевидно, названа улица, славится своими рекордными приливами.

равшимися здесь, когда прилив, поднимающийся одновременно по Бродвею и Шестой авеню, усиливался легким уклоном Шестой, и каждый раз продвижение белой пены на север оказывалось поразительно стремительным, особенно если его поддерживал южный ветер. Если при максимальном приливе встать на 40-й улице и посмотреть на юг, то в зелени мелководья можно разглядеть шлюз, где поверх мягкого коврика из водорослей накатывает белая пена и занимает улицу задолго до того, как прежняя вода успевает вернуться, а потом сталкивается со следующей, поднимая низкую белую стенку, которая быстро разрушается и сливается со следующим натиском.

Все это вместе означало, что, если вы катались здесь на доске, как уже вскоре делали Стефан и Роберто, вы могли устраивать заносы, петлять по улицам от тротуара к тротуару, резко разворачиваться на обочинах или перепрыгивать их и влетать в проемы, а иногда даже ловить волны, отскакивающие от зданий, и спрыгивать с них через тротуар обратно на улицу.

Стефан и Роберто, улюлюканьем объявляя о своем приходе, присоединились к группе серферов. Возражения тех были приняты к сведению и отвергнуты, и дальше уже все вместе проходили квартал за кварталом, маневрируя и вращаясь вокруг своей оси, отклоняясь в сторону, если необходимо, и порой даже падая. Иногда это бывало больно, потому что глубина никогда не была слишком велика, чтобы не стукнуться об асфальт, хотя даже четыре дюйма могли смягчить удар, особенно если вы так доверились воде, что решили на ней полностью расслабиться.

Шестая авеню была достаточно ровной по всей межприливной зоне, особенно между 37-й и 41-й улицами, благодаря чему последние волны прилива могли донести вас аж до максимальной отметки, где асфальт, пусть и потрескавшийся, был уже больше черным, чем позеленевшим. Межприливье же всегда было склонно зеленеть. Жизнь! Жизнь любила межприливье.

Это была фантастика – чувствовать, как сопротивление воды сминается между вашей доской и улицей. Идеально четкое ощущение, настолько, что достаточно было лишь чуть-чуть сместить вес – и доска скакнет вперед по воде, над самым асфальтом, но так его и не коснется. Десятая часть дюйма от асфальта – и вы летите плавно, безо всякого трения! И весь мир словно удивительный водоворот! Если же вы задели дно, то просто можете соскочить с доски, поймать ее, прежде чем она ударит вас по ногам, а потом бросить перед собой, запрыгнуть и вновь влиться в движение!

Еще очень круто было остаться до начала отлива и увидеть, как вода возвращается по улице обратно. Прокатиться на нем было нельзя – нормально не получалось, хотя упрямы постоянно пытались. Зато было здорово просто сидеть на улице, истощенным и раскрасневшимся в своем гидрокостюме, и наблюдать за тем, как уходит солнце, высасывая воду, будто Великий океан делает глубокий вдох или готовит какое-нибудь страшное цунами. В подобные моменты казалось, будто весь мир может осушиться прямо у вас на глазах. Но нет, это лишь обычный отлив, который, как всегда, стабилизируется где-то в районе 31-й улицы, у минимальной отметки, за которой лежит Нижний Манхэттен, затопленная зона, их родные воды. Их район.

Как же здесь весело! После всего этого они стянули с себя костюмы, побрызгали друг друга сначала отбеливателем, затем омылись водой, очищенной фильтром, и вытерлись полотенцами. При этом они морщились, когда задевали раны, куда почти наверняка попала какая-нибудь мелкая инфекция. Потом ребята вернули вещи Эрнесто, поблагодарив его и пообещав потом доставить что-нибудь по его заданию. Потом поболтали с заядлыми серферами, которые прятались у Эрнесто. Таких было немного, потому что падения порой бывали слишком жесткими. Так что это была сплоченная группа, одна из многих субкультур в этом самом компанейском из городов.

* * *

Обсохнув, одевшись и заглотив несколько вчерашних булок, которые швырнул им Эрнесто, мальчишки направились на запад по дощато-бетонным тротуарам в сторону Восьмой улицы, в лабиринт затопленного Челси.

Здесь почти каждое здание, что еще не обрушилось, было признано непригодным, и небезосновательно. Когда Гудзон разошелся и затопил этот район, выяснилось, что фундаменты были положены не на коренную породу. Бетон же за долгие годы раскрошился, а сталь, которой он обычно армировался, хоть и была прочна, также не спасла положения, поскольку ей теперь не на чем было держаться. После того как был принят закон штата о признании района непригодным для жизни, люди, как рассказывал мистер Хёкстер, естественным образом его проигнорировали и стали селиться здесь незаконно, так же как и где угодно еще. Хотя закон, пожалуй, в этом случае был справедлив.

Вот почему здесь было так тихо. Мальчики прошагали по дощатому настилу, выложенному поверх шлакоблоков, к грубой пристани, собранной из досок, прибитых к старым пенополистироловым блокам, и привязанной перед низеньким домиком из песчаника на 29-й улице. Вокруг никого не было видно, и это казалось непривычным. Ребята, сами того не осознавая, стали говорить тише. Во всех зданиях, что стояли вокруг, зияли разбитые окна, и лишь немногие из них были заделаны досками; остальные просто зияли дырами – явный признак заброшенности. Куда ни посмотри – ни одного целого окна. И так тихо, что можно было различить, как волны бьются о стены и шипят пузырьками, и это было так удивительно приятно слышать после обычных гудков и воплей, наполнявших город.

Ребята осмотрелись – не следил ли за ними кто? По-прежнему пусто. Тогда они нырнули в открытую дверь дома у причала и направились вверх по заплесневелой и просевшей лестнице.

Пешком на пятый этаж. Скрипучие половицы под ногами. Запах плесени и грязных горшков.

– Сама суть Нью-Йорка, – заметил Роберто, пока они шаркали по темному коридору навстречу двери.

Дойдя, они простучали код, который предназначался для друзей, и замерли в ожидании. Затем здание затрещало и пахнуло смрадом.

Дверь открылась, и на мальчиков уставилось морщинистое лицо их друга.

– А, джентльмены, – проговорил мужчина. – Заходите. Молодцы, что заглянули.

* * *

Они вошли в квартиру – внутри воняло слабее, чем в коридоре, но все равно запах ощущался. И неслабо. Но старик давно к нему привык, решили они. Его комната была совсем убогой: вся заставлена книгами и ящиками, заполненными одеждой и всякой ерундой, но так явно было задумано. Стопки книг возвышались повсюду – порой с человеческий рост, а то и выше, зато они все выглядели надежно: самые большие книги располагались внизу, и для удобства поиска все книги лежали корешками к проходам. Сверху этих штабелей находилось несколько масляных фонарей и электрических фонариков. В шкафах имелись ящики, которые, знали ребята, были забиты свернутыми и сложенными картами, а центральное место во всей комнате занимал большой кубический комод по грудь высотой. В углу размещалась раковина, где вода вытекала через фильтр и собиралась в миску.

Старик точно знал, что где находится, и всегда мог без колебаний пойти, куда хотел. Иногда он просил их перенести книги, чтобы добраться до какого-нибудь большого тома на дне

стопки, и ребята были только рады помочь. Книг у старика было больше, чем у любого другого, кого они знали, и даже больше, чем у всех их знакомых, вместе взятых. Стефан и Роберто не любили в этом признаваться, но ни один из них не умел читать. Поэтому им больше нравились карты.

– Присаживайтесь, джентльмены. Не желаете чаю? Что вас привело ко мне сегодня?

– Мы его нашли, – объявил Роберто.

Старик распрямился и посмотрел на них:

– Правда?

– Мы думаем, что да, – ответил Стефан. – Металлодетектор сработал четко, прямо на том месте по навигатору, что вы сказали. Потом нам пришлось отплыть, но мы его обозначили и сможем найти снова.

– Чудесно, – проговорил старик. – Сильный был сигнал?

– Он запищал как бешеный, – сказал Роберто. – А детектор был настроен на золото.

– Прямо на том месте?

– Прямо на том.

– Чудесно. Великолепно.

– Но вопрос в том, насколько он может быть глубоко, – сказал Стефан. – Сколько до него надо копать?

Старик пожал плечами и нахмурился. Так его лицо стало походить на лицо ребенка, страдающего какой-то изнуряющей болезнью.

– А до какой глубины достает металлодетектор?

– Говорят, на десять метров, но это зависит от количества металла, влажности грунта и всего в этом роде.

Старик кивнул:

– Ну, такая глубина возможна. – Он прохромал к комоду и достал из него сложенную карту. – Вот, посмотрите сюда.

Они подсели к старику с обеих сторон. Это была топографическая карта Манхэттена и близлежащей территории, составленная до наводнений Геологической службой США. На ней были отмечены как изолинии рельефа, так и улицы со зданиями – это была очень плотная карта, на которой старик еще и сам прочертил исходные береговые линии зеленым, а нынешние – красным. А в Южном Бронксе, помещенном картографами Геологической службы вдали от берега, но, судя по красным и зеленым линиям, погруженном под воду, стоял черный крестик. Хёкстер постучал по нему указательным пальцем, как делал это всегда, – середина креста уже даже немного истерлась.

– Так вот, вы помните, что я вам рассказывал, – начал он со своего обычного вступления. – Я вам рассказывал, «Гусар» отплывает с британской пристани в районе Бэттери-парк 23 ноября 1780 года. 114 футов в длину, 34 в ширину, корабль шестого ранга, 28-пушечный фрегат, около ста человек на борту. И возможно, также семьдесят американских военнопленных. Капитан Морис Поул намерен пройти через Врата ада, потом через пролив Лонг-Айленд, несмотря на то, что его лоцман, черный раб по имени мистер Суон, не рекомендует этого делать, потому что слишком опасно. В общем, они прошли большую часть Врат ада, но врезались в скалу Горшок – по сути, выступ, торчащий из Астории. Капитан Поул спускается посмотреть и видит гигантскую дыру на носу. А вернувшись, говорит, что корабль нужно затопить, а всех людей переместить на берег. Течение уносит их на север, поэтому они нацеливаются либо на порт Моррис на побережье Бронкса, либо на остров Норт-Бротер, тогда называвшийся остров Монтрессора, но – бульк! Они тонут. Все происходит слишком быстро. «Гусар» тонет на мелководье, и только мачты остаются торчать, даже когда он достигает дна. Большинство моряков невредимыми добираются до берега на лодках, хотя ходят слухи, что те семьдесят американских пленных утонули, потому что все были закованы в кандалы.

– Так это хорошо, да? – спросил Роберто.

– Что пленные утонули?

– Нет, что там, где он затонул, неглубоко.

– Я понял, о чем ты. Да, это хорошо. Но вскоре после этого британцы попытались его поднять: продели под корпусом цепи и потянули. Но он разломился, и золота они так и не увидели. Четыре миллиона долларов золотыми монетами, которыми собирались заплатить британским солдатам. В двух деревянных сундуках, обвязанных железными обручами. Четыре миллиона по меркам 1780 года. Монеты – скорее всего, гинеи или вроде того, я не знаю, почему их всегда оценивают в долларах.

– Много золота.

– О да. Сейчас такое количество должно стоить сикстиллиард.

– А на самом деле?

– Не знаю. Может, пару миллиардов.

– И на мелководье.

– Верно. Только там мутно, и река быстро движется в обе стороны. Спокойная она только при максимальном приливе и отливе, примерно по часу времени, как вы, ребята, знаете. Плюс они разломали корабль, когда пытались достать, так что его, наверное, растащило по всему руслу. Это почти наверняка. Хотя сундуки не могло слишком далеко унести. Так что лежат где-то там. Но река меняет берега, разрушает их, наращивает обратно. И в 1910-х на берегу Бронкса в том районе насыпали несколько новых причалов и погрузочную площадку за ними. Мне понадобилось несколько лет, чтобы найти в библиотеках карты, составленные до и после этой засыпки. Кроме того, я нашел карту 1820-х годов, где было показано, куда подались британцы, когда пришли и попытались вытащить корабль. Они-то знали, где он, и пытались достать его даже два раза. Ясное дело, они хотели спасти свое золото. В общем, мне удалось сложить все это и определить место. Позднее я подобрал координаты по навигатору. Туда-то вы и отправились. И вот оно.

Мальчики кивнули.

– Но какая глубина? – спросил Роберто, когда уже показалось, что Хёкстер начал дремать. Хёкстер вздрогнул и посмотрел на ребят.

– Корабль был построен в 1763 году и имел двадцать восемь пушек. Одну из которых вытащили и выставили в Центральном парке. И только потом заметили, что в ней было ржавое ядро и порох. Пришлось обезвреживать ее с помощью отряда техников! Так вот, у шестиранговых кораблей, как этот, была одна палуба, и она не сильно возвышалась над водой. Футов на десять. А раз мачты оставались торчать из воды, это значит, что затонул он где-то между пятнадцатью и, скажем, сорока футами, но у берега такой глубины нет, поэтому будем считать – двадцатью футами. Потом эту часть реки засыпали, но она стала всего на несколько футов выше максимального уровня прилива – не более чем на восемь. Сейчас уровень воды поднялся, как говорят, на пятьдесят футов по сравнению с тогдашним, а у вас тогда, значит, глубина получилась сколько, футов сорок?

– Скорее двадцать, – ответил Стефан.

– Ладно, значит, тогда, наверное, присыпали больше, чем я думал. В любом случае выходит, что сундуки должны быть футами в тридцати-сорока ниже нынешнего дна.

– Но их же обнаружил металлодетектор! – указал Стефан.

– Правильно. Из этого следует, что до него порядка тридцати футов.

– Короче, это достижимо, – заявил Роберто.

Стефан не был так уверен.

– Достижимо, конечно, если сделать достаточно ходок. Только не знаю, хватит ли у нас под колоколом места для такого количества ила. Точнее, знаю: не хватит.

– Надо будет окружить чем-то дыру и выносить ил в разные стороны, – сказал Роберто. – Или собирать ведрами.

Стефан неуверенно кивнул.

– Лучше бы нам достать акваланг и нырять с ним. Наш колокол слишком мал.

Старик внимательно посмотрел на него и задумчиво кивнул.

– Я мог бы...

Комнату сильно трянуло, стопки книг попадали со всех сторон. Мальчишки стряхнули их с себя, но старика прибило к полу стопкой атласов. Они сбросили их с него и помогли подняться, потом нашли его очки. Старик все это время постанывал.

– Что случилось, что случилось?

– Смотрите на стены! – воскликнул Стефан потрясенно.

Теперь сама комната накренилась, как одна из устоявших стопок, и сквозь одну из полок показались дневной свет и соседнее здание.

– Нужно выбираться! – крикнул Роберто мистеру Хэкстеру, поднимая его.

– Дайте очки! – вскричал старик. – Я без них не вижу.

– Хорошо, но надо торопиться!

Ребята склонились над полом и стали быстро, но аккуратно разбрасывать книги в стороны, пока Роберто не нашел очки: те были еще целы.

Хэкстер надел их и осмотрелся.

– О нет, – сказал он. – Это все здание, вот в чем дело.

– Да, здание. Давайте поскорее выбираться. Мы поможем вам спуститься.

Стоявшие в воде здания рушились постоянно, это было в порядке вещей. Мальчишки обычно посмеивались над печальными историями о подобных обрушениях, но сейчас вспомнили, что Владе всегда называл межприливье мертвой зоной. Не гуляйте слишком долго по мертвой зоне, говорил он, добавляя, что так альпинисты называют горы выше двадцати тысяч футов. Но поскольку мальчишки много гуляли по межприливью, а теперь еще и ныряли в реку, обычно просто соглашались с управляющим и не думали о последствиях, наверное, считая себя чем-то похожими на альпинистов. Рисковые ребята. Но сейчас они взяли старика под руки и вели его по накренившемуся набок коридору, потом по лестнице, шагком за шагом, чтобы тот не упал – иначе это заняло бы еще больше времени, – а иногда даже беря его за лодыжки и переставляя ему ноги. Лестничная клетка была вся разбита: перила отвалились, трещины в стенах открывали вид на соседний дом. Стоял запах водорослей и ядовитая вонь высвободившейся грязи – хуже, чем в любом горшке. Снаружи доносился гул вперемешку с криками, ударами и прочими звуками. Темноту лестницы прорезали лучи света, падавшие под тревожно странными углами, а многие из ступенек сдвигались с места, когда на них наступали. Здание явно могло рухнуть в любой момент. Воздух наполнял болотный смрад, будто у дома развонялся кишечник или вроде того.

Когда они спустились к выходу на уровне канала – проем уже превратился в уродливый параллелограмм, – то оказались у пристани-крыльца и увидели, что канал был засыпан кирпичами, раскрошенным бетоном, сломанной мебелью и прочей рухлядью. Очевидно, обрушилась одна из двадцатипятиэтажек в соседнем квартале и то ли ударной волной, то ли всплеском канальной воды, то ли прямым воздействием своих обломков, то ли сочетанием всего перечисленного повалила за собой несколько строений поменьше. Выше и ниже по каналу здания либо накренились, либо разрушились. Из них еще выходили люди и ошарашенно пялились на груды обломков. Некоторые тянулись за ними, но большинство просто стояло и потрясенно осматривалось по сторонам. Мутная канальная вода пузырилась и плескалась – в ней уплывали крысы. Мистер Хэкстер присмотрелся и, увидев это, воскликнул:

– Охренеть, крысы бегут с тонущего корабля! Думал, никогда этого не увижу.

– Серьезно? – удивился Роберто. – Мы постоянно это видим.

Стефан закатил глаза, выражая нетерпение, и сказал, что им нужно куда-то отсюда отойти.

А потом и сам дом Хёкстера громко застонал позади них, и Стефан с Роберто подхватили старика под руки и, насколько могли быстро, потащили его к обломкам в канале. Над препятствиями они поднимали его в воздух, тяжело дыша из-за его неожиданно большого веса, и помогали преодолеть участки воды, иногда заходя в нее по бедра, но каждый раз находя нужный путь. Здание позади стонало и трещало, и это придавало им сил. Когда они добрались до места, где канал пересекался с 8-й улицей, то оглянулись и увидели, что дом мистера Хёкстера все еще стоял – если это можно было так назвать. Он наклонился набок еще сильнее, чем когда они из него выбежали, и остановился лишь потому, что его подпирало соседнее здание. Дом давил на здание, но оно пока держалось.

Хёкстер на какое-то время остановил взгляд на своем недавнем жилище.

– А сейчас я будто оглядываюсь на Содом и Гоморру, – проговорил он. – Вот уж чего тоже, думал, не увижу.

Ребята подхватили его под руки.

– Вы в порядке? – снова спросил его Стефан.

– Полагаю, вот так промокнуть – это для нас не очень хорошо.

– У нас в лодке есть бутылка отбеливателя, мы вас побрызгаем. Давайте поймаем вапо на 33-ю и поедem. Нужно отсюда уходить.

– Отведем его в Мет? – спросил Стефан у Роберто.

– А что мы еще можем сделать?

Они объяснили мистеру Хёкстеру, что собирались сделать. Он был в смятении и совсем не обрадовался.

– Ладно вам, – сказал Роберто. – Все будет хорошо.

– Мои карты! – вскричал Хёкстер. – Вы забрали мои карты?

– Нет, – ответил Роберто. – Но у нас на планшете есть отметка в навигаторе.

– Но мои карты!

– Мы можем вернуться позже и их забрать.

Это старика не утешило. Но больше не оставалось ничего, кроме как ждать вапоретто и стараться не попадать под дождь, который, к счастью, теперь только слегка моросил. Хотя все равно они уже успели хорошенько намокнуть. С одной стороны причала для вапо была видна громадная куча обломков – там раньше стояла та высотка; казалось, в ней расплющило нижние этажи, а остальные завалились на юг, разнеся верхние этажи по двум или трем близлежащим каналам. Люди, ехавшие в лодках по 8-й, останавливались прямо посреди дороги и, создав пробку, наблюдали за обрушением. Теперь было очевидно, что вапо доберется до них не так быстро. Вдали завывали сирены, но неясно было, имели ли они отношение к произошедшему. Скорее всего, обломками придавило людей, и кто-то погиб при крушении, но об этом можно было лишь догадываться.

– Надеюсь, в соляные столпы мы не превратимся⁴⁶, – заметил мистер Хёкстер.

⁴⁶ По Библии, в соляной столп превратилась жена Лота при бегстве из Содома, когда, нарушив запрет, оглянулась назад.

3) Франклин

*Нью-йоркские небоскребы слишком малы.
Предположил Ле Корбюзье*

*Финансокопы обнаружили богатые денежные жилы, залегающие
под скалами и каньонами южной оконечности Манхэттена.
Сказал Шон О'Коннелл*

Мы с Джоджо установили себе на экраны чат, в котором мало говорили о делах, хотя мы читали одни и те же каналы, необходимые всем, кто торговал прибрежными фьючерсами. Прежде всего чат был нужен, чтобы оставаться на связи, и у меня на душе теплело, когда в правом верхнем углу экрана что-то появлялось. Еще мы иногда обсуждали там какие-нибудь интересные движения на бирже. Например, пишем:

- Почему твой ИМС так падает?
- В Челси только что упала высотка.
- Он что, так сильно реагирует?
- Мой индекс к твоим услугам.
- Хвастунишка. Ты сейчас шортишь?
- Решила подстраховаться, да?
- Думаешь, упадет еще?
- Чуть-чуть. По крайней мере, пока Шанхай его не поднимет. А сейчас лови волну.
- Ты сам в лонге по межприливному?
- Не особо.
- Я думала, с правами владения там сейчас понятнее.
- Межприливный индекс зависит не только от этого.
- Еще от физического состояния?
- Именно. Если владение закрепляется за разрушенной собственностью, то что с того?
- А-а. И индекс это учитывает?
- Да. Это чувствительный инструмент.
- Как и его автор.
- Спасибо. Выпьем после работы?
- Ага.
- Заскочу за тобой на «клопе».
- Как мило.

* * *

Дальше я работал, то и дело отвлекаясь на мысли о предстоящем вечером свидании и яркие воспоминания о ее «О! О!». Этого было достаточно, чтобы я раз за разом смотрел на часы и гадал, как пройдет эта ночь, проверял расписание приливов и размышлял о том, каково будет на реке после заката в мелвилловской атмосфере ночи, в атмосфере загадочности среди лунного света.

Мой ИМС для Нью-Йорка действительно немного опустился после новостей об обрушении в Челси, но вскоре стабилизировался и уже даже карабкался вверх. Вот уж в самом деле чувствительный инструмент. И сам индекс, и его производные, которые мы придумали в «УотерПрайс», росли самым приятным образом. Нашему успеху способствовало то, что непрерывное количественное смягчение, которое наблюдалось со времен Второго толчка и

имело панический характер, влило туда больше денег, чем на рынке было хороших бумаг. По сути, это означало, что инвесторы были, давайте называть вещи своими именами, чересчур богаты. Следовательно, нужно было придумать новые возможности для инвестирования, и их придумали. Спрос рождает предложение.

Как мы выяснили, изобретать новые производные было несложно – наводнения в самом деле оказались примером созидательного разрушения, а это неотъемлемое понятие для капитализма. Я утверждаю, будто наводнения, крупнейшая катастрофа в истории человечества, по своей разрушительной силе не уступающая войнам XX века, на самом деле были полезны для капитализма. Да, я это утверждаю.

Таким образом, с межприливной зоной разобраться было сложнее, чем с полностью затопленной, каким бы контринтуитивным это высказывание ни казалось жителю Денвера, который мог бы предположить, что чем глубже вас затопило, тем вы стали мертвее. Как бы не так! Межприливье – ни рыба ни мясо, оно дважды в день бывает сухим и дважды мокрым, порождает проблемы со здоровьем и безопасностью, которые зачастую несут катастрофические, а то и смертельные последствия. И что еще хуже, здесь возникают правовые трудности.

Устоявшееся право, восходящее к Римскому, вернее к Юстиниановскому кодексу, оказалось удивительно четким в отношении статуса межприливья. Это даже дико читать, будто предсказание из Древнего Рима:

Предметы, пользование которыми доступно всем, следующие: воздух и проточная вода, море и морские берега. Поэтому никому не возбраняется подойти к морскому берегу. Морской берег считается до того места, до которого достигает наибольший осенний разлив. Общее пользование морскими берегами основывается на законах общеправового права, равно как и пользование самими морями. Посему всякий вправе построить на морском берегу хижину, где он может укрыться. Морские берега не составляют ничьей частной собственности и рассматриваются как объекты того права, какого будут и море, и все то, что находится под водой и сушией⁴⁷.

Большинство стран Европы и Америки до сих пор следуют римскому праву в этом отношении и своими ранними решениями после Первого толчка постановили, что новая межприливная зона – это земли общего пользования. И под этим подразумевалось не совсем то, что она государственная, а что принадлежит «неорганизованной общественности», что бы это ни значило. Будто общественность вообще бывает организованной, но, как бы то ни было, межприливье перешло во владение неорганизованной общественности. Юристы тут же принялись это оспаривать, взимая, конечно, почасовую оплату, и с тех пор этот пережиток римского права в современном мире вносит смуту в дела всех, кто заинтересован в работе – то есть в инвестировании в межприливье. Кто им владеет? Никто! Или все! Это ни частная собственность, ни государственная и, следовательно, как осмеливались предположить некоторые теоретики права, было неким возвращением общин. О которых в римском праве тоже много чего было написано, что служило приличной добавкой к нагрузке юристов с почасовой оплатой. Но исторически общины были вопросом общего права, что казалось логичным, однако с юридической точки зрения получалось крайне неоднозначно, из-за чего эта аналогия между межприливьем и общинами была мало полезна всякому, кто был заинтересован в ясности, в том числе финансовой.

И как вы будете строить что-либо в межприливье, как будете спасать имущество, восстанавливать его – как вкладываться в изуродованную неоднозначную зону, все еще страдающую от буйств и ударов приливных волн? Если люди заявляют о правах на разрушенные здания, которыми владели они сами или их законные правопреемники, но не владеют землей, на которой те стоят, то чего теперь стоят эти здания?

⁴⁷ В переводе Д. Расснера под редакцией Л. Кофанова, В. Томсинова.

Это был один из тех вопросов, на которые отвечал ИМС. Он представлял собой специализированный индекс Кейса-Шиллера для межприливных активов. Людям нравилось знать его величину – это помогало им оценивать всевозможные инвестиции, включая ставки на производительность самого индекса.

Но что, пожалуй, еще важнее, он помогал рассчитать, сколько владельцы или бывшие владельцы межприливной собственности потеряли и на какую компенсацию могли претендовать. «Суисс Ре», одна из крупнейших перестраховочных компаний, страховавшая всех остальных страховщиков, оценивала общую сумму по всему миру примерно в 1300 триллионов долларов. Это 1,3 квадриллиона долларов, но, как по мне, 1300 триллионов звучит внушительнее. \$1 300 000 000 000.

Но на самом деле это чрезвычайно низкая оценка, как для попытки точно сказать, чего реально стоят береговые линии для человечества. Если не делать скидки на будущее – что в финансовой сфере делается постоянно, – то межприливье будет стоить приблизительно дохреналион сикстиллиардов долларов. Почему так? Да потому что будущее человечества как мировой цивилизации всецело зависит от наличия береговой линии – вот почему.

Таким образом, нынешняя зона разрушений оценивается в равную сумму по потерям. И все равно никто не знал, кто чем владел или на какой стороне бухгалтерской книги находится тот или иной актив. Например, если вы владелец актива, застрявшего в полосе, которой никто не может владеть, то кто вы – должник или богач? Кто мог такое знать?

Мой индекс мог.

И это было здорово, потому что если межприливье и имело какую-нибудь ценность, пусть даже всего сикстиллиард-другой, то кто-то обязательно хотел им владеть. А кто-то другой – выжать из него в пятьдесят раз больше, чем можно было. Пятьдесят сикстиллиардов долларов в выжатых возможностях, если бы кто-то подставил сюда правдоподобное число или (что, по сути, одно и то же) позволил людям делать ставки на то, каким это число будет, тем самым создав эту ценность.

Это и делал мой индекс.

Все просто. Ну, или не так уж просто, раз на то, чтобы его разработать, понадобились все кванты, что были у меня в распоряжении, и все мое собственное понимание, чтобы хотя бы знать, что мне нужно от квантов. Но основная идея была проста, и она принадлежала мне.

Я судил о том, насколько разные кусочки пазла влияли друг на друга и всю ситуацию в целом, и смешивал их в один общий индекс, уверяя всех, что это – точная оценка ситуации. Чтобы его можно было проверить, я перечислял все входившие в оценку элементы и основные данные для расчета, в котором применялись классические механизмы Блэка-Шоулза ценообразования производных, но полного алгоритма я не выдавал никому, даже «УотерПрайсу». Я раскрыл, что исходную отметку я взял такую, как Кейс и Шиллер, следовательно, оба индекса имело смысл сравнивать, а разрыв между ними наверняка был в числе тех показателей, на который делались ставки. Кейс и Шиллер обозначили среднюю цену на жилье в 1890-х годах как нормативные 100 пунктов и с тех пор устанавливали цены относительно этой отметки. Шиллер впоследствии часто указывал, что, несмотря на все подъемы и спады, цены, если учесть инфляцию, никогда не отклонялись слишком сильно от того уровня, что был в 1890 году; даже самые большие пузыри не раздувались много больше, чем 140, а обвалы редко снижали индекс ниже 95.

Итак, в ИМС брались цены на жилье и, собственно, сам уровень моря. Затем к этим двум основным составляющим добавлялись оценка совершенствования методов межприливно-го строительства; оценка скорости разрушения нынешних построек; фактор «изменений экстремальной погоды», выведенный по данным Национального управления океанических и атмосферных исследований; курсы валют; рейтинг правового статуса межприливья и амальгама индексов потребительского доверия, которые здесь были ключевыми, а такого не было в

других сферах экономики, хотя добавить их в ИМС было с моей стороны свежим и спорным решением, поскольку в индексе Кейса-Шиллера этот фактор не учитывался. Используя такую смесь исходных данных, ИМС показывал, что в первые годы после Второго толчка стоимость затопленного и межприливного имущества «скейшиллеровала» почти до нуля, что и было единственно верным: период тогда шел безутешный. Но это ретроактивная оценка, и к тому времени, когда мы ее ввели, в 2136 году, мы посчитали, что он составлял уже 47 пунктов. И с тех пор продолжал расти неровно, но неумолимо. Это, конечно, был еще один ключ к его успеху: долгосрочный бычий тренд обогащает всех гениев, что к нему причастны.

Еще один ключевой момент заключался в самом названии: индекс межприливной собственности. Собственности, улавливаете? Само название утверждало то, что прежде подвергалось сомнениям, да и до сих пор было сомнительно. Но теперь собственность по всему миру уже стала как бы немного сжиженной. Собственностью стала просто претензия на доход. В общем, название оказалось революционным. И это было здорово. Обнадеживающе. Успокаивающе.

Так вот. Сейчас мировой ИМС составлял 104 пункта, нью-йоркский – 116, и оба росли быстрее, чем неприбрежный индекс Кейса-Шиллера, который сейчас был 135. А в конечном счете именно рост, сравнительная ценность и отличительное преимущество определяют, насколько индекс хорош. Так что ура ИМС!

Что же до инструментов, используемых для торговли по ИМС, то здесь все сводилось к размещению и предложению бондов, которые игроки могли лонговать или шортить. Мы были далеко не единственными, кто так делал; это был распространенный вариант инвестирования с несколькими переменными, что делало его волатильным и рискованным высокодоходным инструментом, чем он и привлекал тех, кому такое было интересно. Каждую неделю происходил «всплеск и треск», как мы это называли, а потом объявляли о каком-нибудь новом методе аэрации затопленной территории, и случался так называемый «взлет и доход». При этом у каждого было свое мнение по поводу текущей ситуации и того, что ожидалось в будущем. А инвесторы так истосковались по возможностям, что у ИМС очень неплохо шли дела, если судить по количеству ставок на него. Так хорошо, что даже лучше, чем надо; он, по сути, двигал рынком, а заодно, возможно, и нашими мозгами.

Конечно, определенные предположения, которые я заложил в ИМС, должны были оставаться верными, иначе он стал бы неточным. Одно из них заключалось в том, что межприливая зона должна была сохранять свою правовую неопределенность и «джарндисить»⁴⁸ по судам с зеноновской⁴⁹ скоростью. Другое – в том, что большинство этих «постоянных» свойств не исчезнут слишком быстро. Если скорость обвалов не взлетит по экспоненте, а останется более-менее на прежнем уровне и не превратится на графике в хоккейную клюшку, то можно будет следить за трендом и надеяться предсказать будущее, и да – можно делать на это ставки. Даже если упадут реальные активы, сам ИМС от этого не просядет.

Таким образом, мой индекс содержал и скрывал ряд предположений и аналогий, ряд округлений и догадок. Никто не знал этого лучше, чем я, потому что я сам принимал решения, когда кванты представляли мне варианты расчета тех или иных качеств. Я просто выбирал их, и все! Именно это делало его экономической величиной, а не физической. В итоге ИМС позволил другим (и «УотерПрайсу» в том числе) выдумывать свои производные инструменты, которые можно было предлагать и покупать. А потом их можно было включать в более крупные бонды и продавать снова. Люди любили индекс и его значения и не слишком-то вникали в его внутреннюю логику. Новые бумаги имели ценность сами по себе, особенно если высоко

⁴⁸ Отсылка к фантазмагорической судебной тяжбе «Джарндисы против Джарндисов» из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом».

⁴⁹ Один из парадоксов древнегреческого философа Зенона «Ахиллес и черепаха» описывает бесконечный процесс, в котором быстроногий Ахиллес не может догнать медлительную черепаху.

оценивались рейтинговыми агентствами, у которых, к счастью, была короткая память, как и у всех в сфере финансов, когда дело касалось их собственных нелепых суждений. Поэтому рейтинги по-прежнему имели значение как штамп законности, как бы глупо это ни было, учитывая, что этим агентством владели те же люди, кого оно оценивало. Поэтому сейчас, как и всегда, можно было получить рейтинг AAA не за субстандартную ипотеку, очевидно плохую, но за подводную, явно гораздо лучшую! А о том, что вся подводная собственность была в некотором смысле крайне субстандартной, не упоминалось вовсе – говорилось лишь, что это один из аспектов очень прибыльных рисков.

Очередной пузырь, скажете вы, и будете правы. Но люди слепы, когда находятся внутри пузыря, – просто не видят его. И это очень круто, если вы знаете угол обзора, который позволит вам замечать сам пузырь. Страшновато, конечно, но и круто – ведь вы можете хеджировать, исходя из этого знания. Можете открывать короткие позиции. Можете, как я выяснил, сделав это, изобрести пузырьковый инвестиционный инструмент, основанный более-менее на случайности, продавать его людям и смотреть, как он приобретает значимость. Все это время понимая, что он превращается в пузырь, шортить его, готовясь к моменту, когда он лопнет.

Мошенничество? Нет. Пирамида? Ничуть! Только финансы. Все как есть законно.

* * *

Так предыдущие полгода я изучал статистику с береговых линий мира, пытался просчитать все тренды, гадал по чайным листьям, читал технические журналы, изучал многое, даже городские легенды. И пришел к убеждению, что момент, когда пузырь должен был лопнуть, уже близился. В некоторых регионах, таких как старый добрый Манхэттен, наблюдался огромный приток технологических инноваций, человеческого капитала и денежных ресурсов, и мы уже готовились освоить межприливье и выжать из него все что можно. Но большая часть мира была далека от этих совершенств, и в результате там межприливье разрушалось быстрее, чем его восстанавливали. С начала Второго толчка прошло примерно пятьдесят пять лет, с окончания – сорок, и по всему миру строения испускали дух и рушились навсегда. Маленькие строения, крупные, небоскребы – последние падали с мощным всплеском, так, что рынок содрогался от последствий. Однако мы успевали подогнать ИМС, обыграть получившийся толчок и получить еще немного очков на свой счет – и после этого пузырь продолжал раздуваться дальше. Только казалось, будто всему миру грозило катастрофически накрыться крышкой. И чем больше я шортил, тем больше помогал пузырю лопнуть.

Что могло быть тревожнее и круче этого?

И я собирался на пятничные посиделки с Джоджо, а потом, возможно, мы с ней побудем на реке, в полуночный прилив, при полной луне, идеально! «О! О!»

* * *

Я вышел с работы и пожужжал к «Эльдорадо Эквити» на перекрестке. Повернув на Канал-канал, как его любили называть туристы, я обнаружил его загруженным обычным дневным трафиком: моторные лодки стояли корма к носу, борт к борту, так что за ними и воду было тяжело разглядеть. Можно было перейти канал по лодкам, даже без необходимости куда-то перепрыгивать, и некоторые продавцы цветов так и поступали.

Джоджо ждала на пристани своего здания – я почувствовал, что мое сердце забилося быстрее. Я «поцеловал» пристань правым бортом и поздоровался:

– Привет.

– Привет, – сказала она, бросив быстрый взгляд на запястье, но я прибыл вовремя, и она кивнула, будто признавая это. Затем грациозно прошла по палубе к кабине, и мне, глядевшему на нее из-за руля, казалось, будто ее ноги тянулись бесконечно.

– Как насчет устричного бара на 40-м рифе?

– Звучит неплохо, – сказала она. – А у тебя есть шампанское на этом прекрасном судне?

– Конечно, – ответил я. – А что празднуем?

– Пятницу, – ответила она. – А еще я сделала маленькую меценатскую инвестицию в жилье в Монтане, и, кажется, очень удачно.

– Молодчина! – похвалил я. – Уверен, народ там очень обрадуется.

– Это точно, обрадуется.

– Шампанское в холодильнике, – сказал я, – или хочешь сама порулить?

– Конечно.

Я нырнул вниз и вернулся с четвертью⁵⁰.

– Боюсь, у меня только четвертинки есть.

– Ничего страшного, все равно скоро будем на 40-й.

– И то правда.

Мы оба работали, как обычно, допоздна, и до заката оставалось всего полчаса. Я прожужжал по Западному Бродвею к 14-й, а потом повернул на запад. Пока мы пробирались по залитому солнцем каналу в плотном транспортном потоке, я открыл бутылочку шампанского.

– Очень приятное, – сказала она, сделав глоток.

Вечернее солнце сверкало на беспокойной воде, переливаясь мириадами оранжевых отблесков на черном покрывале. Очередной штрих «новой Венеции», и мы выпили за это, пока тащились со скоростью транспортного потока. Отражающийся от воды свет заливал Джоджо лицо, и создавалось ощущение, будто мы стоим на грандиозной сцене и играем пьесу перед богами. И вновь я испытал то неизведанное чувство, что поднималось у меня из глубины горла; казалось, будто сердце разбухало в груди; пришлось проглотить вставший в горле ком. Это был словно какой-то страх – неужели кто-то может настолько меня привлечь? Что, если в самом деле я с кем-то сумею по-настоящему сблизиться?

Затем мой браслет издал первые три ноты «Фанфар обыкновенному человеку», и я недовольно проверил, что случилось, и только после этого понял, что надо было сразу его отключить. Но уже успел увидеть: в той высотке, что упала в Челси, погибли десятки человек, а может, и сотни.

– О нет! – воскликнул я, не сдержавшись.

– Что?

– Это же то здание в Челси, которое обрушилось. Там находят тела.

– Ой, и правда ужас. – Она отхлебнула еще. – Твой ИМС еще не отрос обратно?

– Почти.

– Хочешь поехать посмотреть?

Кажется, я секунду простоял с разинутым ртом. Посмотреть я вроде и хотел, но в то же время и нет. Вообще-то мне было важно оставаться в курсе свежих событий межприливья, поскольку следовало вылезти из пузыря до того, как он лопнет. Но неужели он лопнет только из-за того, что эта высотка повторила номер с Маргарет Хэмилтон?⁵¹ К тому же я ехал в устричный бар с Джоджо Берналь и не хотел, чтобы она думала, будто сейчас для меня существовало что-то более важное.

Но пока я обо всем этом размышлял, она рассмеялась надо мной.

⁵⁰ Маленькая бутылка шампанского, соответствующая 1/4 стандартной и имеющая объем 187,5 мл.

⁵¹ Маргарет Хэмилтон (1902–1985) – американская актриса, наиболее известная исполнением роли Злой ведьмы, раздавленной домиком, в фильме «Волшебник страны Оз» (1939).

– Давай, поехали, – сказала она. – Это почти по пути.

– Действительно.

– Или ты думаешь, что, если это ключевое событие, тебе одному надо нажать на кнопку, чтобы выйти?.. Ты готов двигаться быстро?

– У меня счет на наносекунды, – ответил я гордо и повернул на Западный Бродвей.

Когда мы поднялись к 27-й, на «водомерке» стало не очень удобно, потому что из-за крыльев ее сносило в сторону чуть ли не на пять футов. К счастью, прошла всего пара часов после максимального прилива, и это позволило мне выдержать курс на север, прежде чем повернуть на запад.

Когда мы подоברались ближе к месту крушения, к привычной аммиачной вони приливной зоны добавился другой запах, возможно, креозота, с нотками асбеста, треснувшей древесины, разломанных кирпичей, раскрошенного бетона, покореженной ржавой стали и затхлого воздуха заплесневелых комнат, разбившихся, будто тухлые яйца. Да, упавшее межприливное здание. У них всегда такой характерный запах.

Я замедлил ход. Закат разливал повсюду свой горизонтальный свет, придавая каналам и зданиям глянцевый вид. На каждом здании виднелось узкое сливное отверстие. Да, межприливье – зона неопределенности и сомнения, область риска и наград, побережье, принадлежавшее неорганизованной общественности. Продолжение океана, в котором каждое здание было как пригвожденный к своему месту корабль, который, как все надеялись, не разломится.

Но одно из них все-таки обвалилось. Не чудовищный небоскреб – всего одна из двадцатитэтажек к югу от старого почтового отделения. Теперь потребительская стоимость трех других, которая рухнула в момент падения этой, зависела от того, удастся ли определить причину, почему это произошло. Сделать это всегда было непросто, и такие обрушения здорово олицетворяли сам рынок. Они нередко случались просто так, в ответ на какие-то невидимые потрясения. Я рассказал все это Джоджо, и она, поморщившись, кивнула.

Мы медленно пожужжали вверх по 7-й, оглядывая разгромленные улицы. Проходить так близко было опасно – в каналах теперь валялись груды хлама, который можно было задеть. Это было отчетливо видно там, где он аж торчал над поверхностью, и почти явно – где черную воду беспокоили ряби и воронки, тогда как по всему району отлив уносил воды на юг. Остальные же участки канала выглядели пригодными для прохождения и едва ли могли повредить корпус. Так что я осмотрел разрушения с нескольких каналов по очереди, проплывая издали, где, как считал, было безопасно, а потом повернул обратно.

Было ясно, что высотка упала жестко, смяв, наверное, половину своих этажей, а потом рассыпавшись на юг и на восток. Остатки плоской крыши так покосились, что мы видели все водные резервуары и зелень, что росла в ее садах. Наверное, все это слишком много весило, хотя такое становилось очевидным лишь после. Спасатели в характерных едко-желтых и оранжевых одеждах осторожно осматривали то, что осталось от пожарных катеров, патрульных лодок и тому подобного.

Множество более мелких зданий оказались либо раздавленными обломками высотки, либо опасно покосились. Там, где обрушились наружные стены, стали видны комнаты, пустые или обставленные мебелью, но в любом случае производящие жалкое впечатление.

– Да тут весь район разнесло! – воскликнула Джоджо.

Я сумел лишь кивнуть в ответ.

– Много там, наверное, погибших.

– Говорят, да. Хотя кажется, многие дома были пусты. – Я повернул и направился обратно к 7-й. – Давай подумаем над этим в 40-м рифе. Я хочу выпить.

– И поесть устриц.

– Точно.

Я рулил к 7-й, но, когда мы проходили мимо 31-й, я услышал крик:

– Эй, мистер! Эй, мистер!

– Помогите!

Это были те двое мальчишек, в которых я чуть не врезался к югу от Бэттери.

– О нет, – проговорил я и не стал сбавлять ход.

– Стойте! Помогите, помогите!

Вот засада. Нужно было не обращать внимания и жужжать мимо, но Джоджо посмотрела на меня изумленно, явно не понимая, почему я рулил дальше, игнорируя такую прямую просьбу. А мальчишки держали под руки старика – меньше их ростом и на вид совершенно разбитого. Как будто ему отказали ноги. Они все промокли, лицо у одного из парней было все в грязи.

Я выключил мотор.

– Эй, вы что там делаете, пацаны?

– Попали под крушение!

– У мистера Хёкстера обрушился дом!

– А-а.

– У нас браслеты промокли и отключились, – продолжил высокий, – и мы шли к вапо.

Можно нам позвонить с вашего?

– Можете подвезти нас? – предположил более мелкий и наглый.

Старик между ними просто смотрел через плечо на свой район и казался совсем опустошенным.

– С вашим другом все хорошо? – спросила Джоджо.

– Со мной нехорошо! – воскликнул старик, не оборачиваясь на нее. – Я все потерял.

Остался без своих карт.

– Каких карт? – спросил я.

– У него была коллекция, – ответил мелкий. – Все виды карт США и чего угодно. И в основном Нью-Йорка. Но сейчас его нужно куда-то отвезти.

– Вы ранены? – спросила Джоджо.

Старик не ответил.

– Он устал, – ответил высокий парень. – Мы много прошли.

Я заглянул Джоджо в лицо и сказал:

– Ладно, залезайте на борт.

* * *

Они устроили у меня в кабине такой же беспорядок, как и в моих планах. Я предложил отвезти их обратно к дому старика, думая, что, раз вечер уже перегажен, я могу уже совсем удариться в благотворительность, но все трое разом покачали головами.

– Мы попробуем вернуться туда позже, – сказал мелкий. – Но пока нам нужно отвезти мистера Хёкстера туда, где он сможет высохнуть и все такое.

– Это куда?

Они пожали плечами.

– Может, в Мет? Владе знает, что нужно делать.

– Вы живете в Мете на Мэдисон-сквер? – спросила Джоджо удивленно.

– В том районе, – сказал мелкий, глядя на нее. – А вы живете во Флэтайроне, да?

– Да.

– Правда? – переспросил я.

– Да, – повторила она.

– Так мы соседи! – воскликнул я. – Разве я об этом знал?

– Я думала, да.

К этому времени я совсем запутался и пытался это осмыслить, и, конечно, это было видно. Наверное, я просто не упоминал, где жил, мы больше говорили о работе, и я не знал, где жила она. После той ночи у острова Говернорс я отвез ее в офис, как она просила, и подумал, что она жила в том же здании. А сам потом поплыл домой.

– Так можно мне ваш браслет? – спросил мелкий у Джоджо. Она кивнула и протянула руку, а он набрал на нем нужный номер и сказал вслух: – Владе, у нас промоет браслет, но, может, разрешишь нам обсушиться у тебя в офисе? С нами еще друг, сегодня обрушилось здание, где он жил.

– Я как раз думал, не туда ли вы направились, – донесся голос управляющего из браслета Джоджо. – Вы сейчас где?

– На перекрестке 31-й и 7-й, нас подобрал мужчина на зуммере, который живет в вашем здании.

– Это еще кто?

Ребята посмотрели на нас.

– Франклин Гэрт, – назвал я.

– Ах да, привет. Я тебя знаю. Так что, привезешь их в здание?

Я посмотрел на Джоджо и сказал в свой браслет:

– Да, можем привезти. С ними друг, которому нужна помощь. У него обрушился дом, когда упала та высотка в Челси.

– Жалко. Я его знаю?

– Мистер Хэкстер, – сказал мелкий. – Мы были у него в гостях, когда это случилось.

– Так, ладно, приезжайте, и посмотрим, что можно сделать.

– Хорошо, – ответил я. – До встречи.

* * *

Я направил «клопа» к Бродвею, а потом по широкому каналу сквозь вечерний трафик в сторону Метта, против своего желания, но не подавая вида. Это была жалкая замена тому, что я задумал на этот вечер, но что тут поделаешь? Пока с наших потерпевших на пол кабины падали черные капли, лодка двигалась низко над водой, сильно наклоняясь набок. Я вел ее через плотный вечерний поток. Для малых лодок существовало правило: три корпуса – три человека. Но не в этот вечер.

Наконец мы пересекли бачино Мэдисон-сквер и добрались до входа в эллинг Метта. Там остановились, дожидаясь, пока управляющий даст знак заходить внутрь. У меня не было ни малейшего желания бесить его с этим зверинцем на борту.

Он высунул наружу голову и кивнул:

– Заходите. Вы, ребята, выглядите, как мокрые крысы.

– А мы видели, как крысы оттуда уплывали!

– Когда большое здание рядом с домом мистера Хэкстера обрушилось, нас окатило водой!

Управляющий мрачно покачал головой – он часто так делал.

– Роберто и Стефан, разносчики хаоса.

Им понравилась эта шутка!

– Вы можете впустить мистера Хэкстера в какую-нибудь времянку? – спросил один из мальчиков. – Ему нужно согреться и помыться. Хотите поесть и отдохнуть, мистер Хэкстер?

Старик кивнул. Он все еще был как в тумане. Оно и понятно: люди, которые ютились в межприливье, обычно не имели других квартир.

Управляющий с сомнением покачал головой:

– У нас нет места, вы знаете. Это надо с Шарлотт разговаривать.

– Как всегда, – сказал мелкий.

Джоджо, казалось, все это приносило удовольствие, но я не понимал почему.

– Она придет примерно через час, – сказал управляющий. – А пока идите в ванне возле столовой, помыться можно там. Я узнаю, получится ли у Хелоиз найти, где ему поселиться... на случай, если Шарлотт разрешит.

Я прожужжал в эллинг, и все сошли с лодки. Мальчишки повели своего престарелого друга вверх по лестнице, где была столовая, а я посмотрел на Джоджо.

– Ну что, поедем? – предложил я.

– Раз уж мы здесь, – отозвалась она, – я бы сходила во Флэтайрон переодеться. Да и, может, здесь поедим? Что-то я устала.

– Хорошо, – согласился я скрепя сердце. Она была уже не в том настроении, в каком я забрал ее с работы, и я не знал почему. Может, это как-то связано с мальчишками или стариком? Или со мной? Это было странно. Мне хотелось, чтобы она вела себя так, как в тот раз. Но оставалось только согласиться с ней и надеяться на лучшее.

* * *

Я оставил лодку управляющему, чтобы он убрал ее из прохода, но попросил поставить так, чтобы я мог вскоре быстро на ней выйти – на случай, если Джоджо передумает. Тот поджал губы и подцепил «клопа» краном, ничего не ответив. Не знаю, что в нем находили другие жильцы. Если бы решал я, я бы его уволил. Но решал подобные вопросы не я – потому что я не мог тратить время на многочисленные советы и комитеты, что существовали у нас в здании. Мне хватало и своей работы. И мне просто нравилось снимать квартиру в красивом здании, которое было не очень далеко от работы и откуда я мог каждый день летать на своем «клопе». Я легко мог позволить себе доплату для не состоящих в кооперативе, пусть та и была бесстыдно чрезмерной и предназначалась для того, чтобы обдирать временных жильцов вроде меня. Я надеялся, что кто-нибудь все-таки оспорит в суде эту систему с удвоением цены, которая казалась мне крайне вредной и, возможно, незаконной, но никто на это не шел.

И пока я, негодуя из-за сорванного вечера, ждал, когда Джоджо вернется из Флэтайрона, мне пришло в голову, что ни у кого из тех, кто мог бы потратить свое время на разбирательство с этим несправедливым правилом, не хватало денег даже на оплату аренды в этом здании. Правление устанавливало расценки, не считаясь с арендаторами, не состоявшими в кооперативе, и это было умно – наверняка с подачи той женщины, председателя, известного борца за социальную справедливость. Здесь, в кооперативе, была ее основная работа. Помешанная на контроле не меньше управляющего, эта женщина председательствовала не знаю сколько лет, но много – она уже была во главе кооператива, когда я сюда переехал. Ясно, что они с управляющим на короткой ноге.

И – о чудо! вот она, собственной персоной! Разговаривает с мальчишками и стариком. Шарлотт Армстронг, безвкусно одетая и изможденная, напряженная и недовольная. Это довершило мой день. Я проследовал за ними в столовую, держась поодаль, чтобы не пришлось присоединиться к ним раньше, чем это станет необходимым. Но затем у входа в общую комнату появилась Джоджо – пройдя по крытым переходам, соединявшим Мет с Уан-Мэдисоном⁵² и Флэтайроном, по крайней мере я так подумал. Еще не заметив меня, она направилась к ребятам, поэтому у меня не осталось выбора: пришлось идти к ним.

Я поздоровался, и председатель отнеслась ко мне очень мило, и Джоджо обратила на это внимание. Я был вынужден невинно поднять брови, а потом признать, что все было правдой: я снова спас «портовых крыс» от мрачной участи.

⁵² 50-этажный элитный жилой комплекс, расположенный рядом с Мэдисон-сквер.

– Может, поедим? – предложил я, уже изнывая от голода, и часть присутствующих кивнула. Остальные продолжили расспрашивать обездоленного старика из Челси, как тот себя чувствовал. Шарлотт и Джоджо прошли за мной в столовую, и, слушая, как они общались, я показал служащему свою мясную карту. Разговор у них выходил довольно натянутый и неловкий: соцработник и финансист – не лучшая пара. В очереди вокруг нас я видел много знакомых лиц и много незнакомых тоже. В здании жило слишком много людей, чтобы знать всех, пусть даже их лица зачастую казались знакомыми.

Служащий считал мою карту, и я укатил поднос с карнитас и тортильями. Чтобы получить в этой столовой хоть какое-нибудь мясо, за него нужно было поработать – это был способ склонить побольше людей к вегетарианству и сохранить достаточно мяса для остальных, потому что лишь немногим было по силам раскормить поросенка, а потом убить его, пусть даже нашими супергуманными пистолетиками, обеспечивающими им мгновенную смерть. Многие люди становились донельзя человеческими и решали, что проще есть искусственное мясо, либо вообще стать вегетарианцами, либо есть где-нибудь в другом месте, когда хочется мяса.

Я сам путем прямого эксперимента выяснил, что, хоть свиньи, выращенные на ферме, всегда кажутся очеловеченными – особенно тем, кто их вырастил, – это ничуть не останавливало моей убийственной руки. Потому что если вы принимаете свинью за человека, то этот человек должен быть чрезвычайно уродливым и наверняка окажется благодарен, если вы избавите его от страданий. Обычно я представлял вместо свиней управляющего или своего дядю, а потом, на неделе, наслаждался их вкусом. И никаких угрызений совести – ведь, перенеся их с фермы на тарелку, я лишь сделал им благо. Без меня и других плотоядных вокруг они даже не существовали бы, а так прожили прекрасные два года, и их жизнь была лучше, чем у многих людей в этом городе.

– Опять мясо ешь? – спросила Джоджо, когда мы встретились у стойки с салатами.

– Да, опять.

– А ты выполняешь все требования на мясном этаже?

– Выполняю. И поэтому оно кажется мне более настоящим, более заслуженным. Прямо как работа трейдером, не находишь?

– Не нахожу.

– Да шучу я.

Конечно, с моей стороны было довольно глупо шутить о работе, учитывая обстоятельства этого вечера, но я частенько говорил не думая, особенно после долгих часов перед экраном. Когда я заканчиваю эти сессии, мой самоконтроль ослабляется, и тогда с губ может сорваться что-нибудь странное. Я не раз замечал это по вечерам. И сейчас я приказал себе немного остыть и проследовал за Джоджо к нашему столику, вновь очарованный ее плечами и струящимися по спине волосами. Черт бы побрал тех пацанов!

* * *

Мы все собрались за одним столом: мальчишки со своим престарелым другом, Джоджо, Шарлотт, я и управляющий, которого звали Владе, что казалось мне очень подходящим именем – как Влад Колосажатель, тот душегуб, средневековый князь Валахии. Нас было многовато, чтобы вести за столом общий разговор, особенно при том, что в большой столовой находились еще сотни человек и поэтому стоял шум. И при том, что группа играла в углу «Музыку для восемнадцати музыкантов» Райха, выстукивая ложками разного размера и напевая что-то бессловесное. Тем не менее все принялись расспрашивать старика, как тот себя чувствовал, и Шарлотт, выслушав его историю и недовольно сощурившись – несомненно, размышляя о нулевом или даже отрицательном количестве вакансий в нашем здании, – предложила ему

остаться временно, до тех пор, пока он «не сможет вернуться к себе или не подыщет что-нибудь более подходящее».

– А он не может просто остаться здесь? – спросил у нее мелкий.

– У нас все занято, вот в чем беда, – ответила Шарлотт. – И ожидающих целая очередь. Поэтому я могу предложить только что-нибудь из временных помещений. Хотя и они забиты, и жить долгое время там не очень удобно.

– Лучше, чем ничего, – сказал мелкий. Его звали вроде бы Роберто. Либо Роберто, либо Стефан.

– А старый его дом совсем плох? – спросил я, проявляя интерес к разговору.

Старик поморщился. Высокий мальчик, вроде бы Стефан, ответил:

– Он наклонился очень конкретно.

Старик, все еще не оправившийся от потрясения, издал стон.

– Давайте-ка я принесу вам выпить? – спросил его я.

Джоджо этого будто не заметила, но Шарлотт посмотрела на меня с признательностью, когда я поднялся из-за стола. Я собирался заодно налить что-нибудь и себе. Старик кивнул, когда я взял его стакан.

– Красного вина, спасибо, – сказал он.

Ему предстояло научиться избегать красного вина, если он собирался пробыть здесь больше двух дней, и разве что обходиться только его вяжущими таннинами. Но я кивнул и отошел наполнить его стакан красным вином и свой – виню-верде. И тот и другой напитки производились в маленьком винограднике Флэтайрона, который живописно свисал с обеих длинных сторон здания. Но верде там было гораздо приятнее, чем их же шасла. Вернувшись с двумя стаканами, я спросил:

– Еще кому-нибудь набрать, пока я не сел?

Но все слушали, как старик описывал крушение своего дома, и лишь отрицательно покачали головами.

– Самое главное – забрать мои карты, – сообщил он, глядя на сидевших по бокам от него мальчиков. – Они в шкафах у меня в гостиной. У меня есть карта командования и куча других. Нельзя, чтобы они промокли, поэтому чем быстрее, тем лучше.

– Мы пойдем туда завтра, – заверил его Роберто, слегка кивнув престарелому другу, будто бы говоря: «Сейчас об этом не надо говорить».

Я задумался: с чего бы это? Может, они просто не хотели, чтобы Владе думал, что они решили вернуться в межприливье? И в самом деле, управляющий насупился, но высокий, увидев это, сказал:

– Да ладно вам, Владе, мы там каждый день бываем.

– Сейчас, когда здание рухнуло, это совсем другое, – ответил тот.

– Мы знаем, поэтому будем осторожны.

Пока они успокаивали управляющего и старика, Шарлотт и Джоджо решили познакомиться поближе.

– И чем вы занимаетесь? – спросила Джоджо.

Шарлотт нахмурилась:

– Работаю в Союзе домовладельцев.

– Значит, занимаетесь тем же, что сейчас сделали для мистера Хэкстера.

– Более-менее. А вы?

– Я работаю в «Эльдорадо Эквити».

– Это хедж-фонд?

– Верно.

Шарлотт не удивилась. Она провела быстро переоценку Джоджо, посмотрела на ее тарелку.

– И как, интересно?

– Да, пожалуй. Я занимаюсь финансами в проекте восстановления Сохо, и дела идут очень неплохо. Не удивлюсь, если кто-нибудь из ваших жильцов поселится там, ведь там есть сектор для людей с низкими доходами. Еще год назад там стоял только каркас, как и во всем том районе. Нужны немалые вложения, чтобы вернуть затопленный район к жизни.

– Действительно, – отозвалась Шарлотт, слегка сощурившись. Она будто бы готова была согласиться, особенно учитывая то, чем занималась сама. Городу всегда требовалось больше жилья, чем у него было, и в первую очередь это касалось затопленной зоны.

– Погодите, я слышу, вы положительно отзываетесь об инвестиционном финансировании, – вмешался я. – Мне нужно записать это себе в браслет.

Шарлотт сверкнула на меня недобрым взглядом, Джоджо посмотрела неодобрительно. Тогда я переключился на старика.

– Вы выглядите уставшим, – заметил я ему. – Может, вам помочь добраться до вашей комнаты?

– Мы насчет этого еще не определились, – сказала Шарлотт.

– Так, может, пора? – предположил я.

Она взглянула на меня так, что стало ясно: удержаться от закатывания глаз ей удалось только благодаря недюжинному контролю над мышцами.

Я улыбнулся.

– В капсулу в садах? – предложил я.

– А это уже не «место происхождения»? – спросил Владе.

Шарлотт отрицательно качнула головой.

– Они там уже сделали все, что им было надо. Джен сказала, можно снова ею пользоваться. Но там разве тепло?

– У меня в комнате был мороз, – сказал старик. – Мне все равно.

– Тогда ладно, – согласилась Шарлотт. – По крайней мере, этот вариант самый простой.

Мальчики беспокойно переглянулись. Возможно, они не хотели, чтобы на них возложили обязанность жить вместе с их другом. Шарлотт словно не замечала их беспокойства. Возможно, они жили в этом здании или где-то поблизости без ее ведома. Сейчас было не время их спрашивать. У меня возникло ощущение, что любое мое замечание за этим столом не будет воспринято хорошо, и лучшей для меня перспективой было доесть и сбежать – разумеется, найдя тому достойное оправдание.

Моя тарелка была пуста, старика – тоже. Вид у него был убитый.

– Я помогу вам туда подняться, – проговорил я, вставая из-за стола. – Идемте, пацаны. – У тех тарелки опустели уже в считанные секунды после того, как они сели. – Завершите начатое.

Владе кивнул им, а потом присоединился к нам, когда мы направились к лифтам, оставив двух женщин.

Но прежде чем идти к лифтам, я неуверенно задержался возле Джоджо и спросил ее:

– Увидимся позже?

Она сдвинула брови:

– Я устала, скоро, наверное, пойду домой.

– Хорошо, – ответил я. – Я зайду, когда мы закончим. Может, еще тебя застану.

– Я скоро поднимусь к вам, – сообщила Шарлотт. – Хочу посмотреть, как вы там устроитесь.

В общем, вечер был испорчен. Более того, все шло плохо почти все это время, судя по лицу Джоджо, и меня это тревожило не на шутку. Требовалось внести коррективы, но какие именно? И из-за чего?

Часть третья

Ликвидная ловушка

А) Гражданин

*Утонуть, промокнуть, погостить у Дейви Джонса⁵³ в шести сажнях под водой, пропитаться, пропитаться полностью, заплесневеть, завонять, перепачкаться, поплескаться, побултыхаться, посерфить, пободисерфить, понырять, попить, напиться, нырнуть с аквалангом, погрузиться, позаниматься хай-дайвингом, окатиться водой, напиться, облиться, увлажниться, попасть под струю, подышать с трубкой, поплавать на байдарках, поплавать на спине, подвергнуться пытке водой, взять в рот кляп, задержать дыхание, побывать в трубе, погрузиться на батискафе, принять ванну, помыться в душе, поплавать, поплавать с рыбами, порезвиться с акулами, поболтать с моллюсками, поваляться с лобстерами, побеседовать с Ионей, побывать в животе у кита, поругаться с рыбой-лоцманом, полевиафанишь, отрастить плавники, наклюкаться, окунуться, облепиться моллюсками, отлепить от себя моллюсков, засолиться, залезть в рассол, шлепнуться о воду животом, потралить, порыскать на дне, подышать водой, съесть воду, спустить воду, постираться в машинке, сесть в субмарину, уйти на глубину, опуститься на дно океана, всосать его, всосать воду, подышать водой, подышать H₂O, сжигаться, раствориться, расплющиться, облиться, пролиться, обрызгаться, описаться, описать, попасть под «золотой дождь», углубиться, превратиться в эмульсию, закрыться раковиной, стать устрицей, соскребнуться ракем, растопиться, растаять, стать бескрайним, отложиться глубинной бомбой, подорваться торпедой, насытиться, принять ванну, ороситься, впасть в реку, впасть в ручей, наводниться, побыть Ноем, погрузиться на подводной лодке, универсально раствориться —
*ad aqua infinitum*⁵⁴.*

То, что Первый толчок проигнорировало целое поколение людей с унцией мозга, – это миф. Впрочем, как и большинство мифов, он имеет под собой некоторые реальные основания, которые затем были преувеличены. Заключаются они в том, что Первый толчок поверг людей в глубокий шок – а как могло быть иначе, если уровень моря за десять лет поднялся на десять футов? Этого уже было достаточно, чтобы исказить береговые линии по всему миру, а также доставить серьезные неудобства всем крупнейшим дерьмовым портам и их дерьмовой торговле. Торговле контейнерами, которые миллионами циркулировали на дизельных кораблях и грузовиках, перемещавших все, что нужно было людям, что производилось на одном материке и потреблялось на другом. Торговцы искали наивысшей прибыли, только прибыль заботила людей того времени. Таким образом, само игнорирование последствий горения углерода высвободило лед, что привело к повышению уровня моря. А это повышение и нарушило мировую систему сбыта и вызвало упадок, нанесший еще больший ущерб тому поколению, что столкнулось с миграционным кризисом. А кризис тот, если выразить его в популярной

⁵³ Морской дьявол, капитан «Летучего голландца» из фильмов серии «Пираты Карибского моря».

⁵⁴ В бесконечной воде (лат.).

в то время единице, оценивался в пятьдесят ураганов «Катрина». Приятного было мало, но еще меньше приятного в полном разладе мировой торговли. Так что да, Первый толчок стал катастрофой высшего порядка, привлек внимание и, разумеется, повлек перемены. Люди перестали сжигать углерод, хотя до толчка считали, что, конечно, откажутся сжигать его, но не сейчас, когда-нибудь. Они, образно говоря, закрыли дверь в конюшню в ту же секунду, когда из нее сбежали лошади. Четыре лошади, если точнее.

Но было, конечно, поздно. Глобальное потепление, начавшееся задолго до Первого толчка, к тому времени уже было не остановить никакими силами. Поэтому, несмотря на «изменение всего», несмотря на обезуглероживание ускоренными темпами, какими его следовало провести пятьдесятю годами ранее, их все равно поджаривало, как жуков на сковородке. Даже забрасывание в атмосферу миллиардов тонн диоксида серы (имитация извержения вулкана, чтобы преломить немалую долю солнечного света и снизить температуру на один-два десятка лет), что было проделано в 2060-х – к большой радости и/или со скрежетом зубов, – оказалось недостаточным, чтобы остановить потепление. Тепло уже достигло глубин океана и за короткий срок никуда бы не делось – как бы настойчиво люди ни пытались играть в глобальный термостат, воображая, что наделены божественной силой.

Именно океанское тепло растолкало Первый толчок, а позднее привело и ко второму. Сейчас некоторые говорят, что не знали, не ожидали этого, но нет – всё они знали. Палеоклиматологи посмотрели на ситуацию и увидели, что уровень CO₂ взлетел с 280 до 450 частей на миллион менее чем за 300 лет – быстрее, чем когда-либо за пять миллиардов земной истории (можем мы тут сказать «антропоцен», ребята?). Тогда они изучили геологическую летопись на предмет ближайших аналогов столь беспрецедентного события и сказали: «Ого! Срань господня! Народ, уровень моря поднимается! В эемский период⁵⁵ температура выросла вдвое меньше, чем у нас сейчас, и это сразу же вызвало быстрый и значительный подъем уровня моря!» А потом вместили это во фразу, которую уместно было бы наклеить на бампер: «Рекордный выпуск CO₂ вызовет существенный подъем уровня моря!» Они публиковали статьи, кричали и размахивали руками; особенно практичные и рассудительные писатели-фантасты выпустили несколько мрачных книг о возможных последствиях, а остальная часть цивилизации продолжала поджигать планету, как «Горящего человека»⁵⁶. Правда. Вот насколько тех болванов заботили их внуки, вот насколько они верили своим ученым, при том, что при малейшем проявлении простуды тут же бежали за помощью к ближайшему из них, то есть доктору.

Что ж, ладно, ведь нельзя же как следует представить катастрофу, пока она не случится. У людей для этого просто неподходящий склад ума. Если бы можно было, вас бы постоянно парализовало от страха – ведь бывают и гарантированные катастрофы, нависающие над людьми и неотвратимые (например, смерть). Поэтому эволюция любезно создала вам расположенное в стратегическом месте слепое пятно в сознании – неспособность вообразить будущие несчастья в правдоподобном ключе. Благодаря ему ваш организм может продолжать функционировать, каким бы бесцельным это функционирование ни было. Это апория, как сказали бы греки и находящиеся среди нас интеллектуалы, – «не-видение». Так что это хорошо. Полезно. Только катастрофически ужасно.

В общем, в 2060-х вслед за Первым толчком люди столкнулись с большим упадком, и, конечно, в том поколении встречались такие, примерно один процент от общего населения, которые по чистой случайности перенесли трудности довольно неплохо. Они считали все это актом созидательного разрушения, равно как и все дурное, что их не касалось. Чтобы справиться с бедой, всем людям, по их мнению, требовалось просто взять с них пример и смириться

⁵⁵ Межледниковый период, начавшийся около 130 тыс. лет назад и завершившийся около 115 тыс. лет назад.

⁵⁶ Огромная деревянная статуя человека, ежегодно сжигаемая на одноименном фестивале (Burning Man) в пустыне в штате Невада, США.

с необходимостью жесткой экономии – чтобы бедные стали еще беднее, – и признать полицейское государство с широкой свободой слова и сумасбродным укладом, где мягко стелют, да жестко спят, – и вуаля! И шоу будет продолжаться! Людей так просто не возьмешь!

Но притормозите немного – и те из вас, кому не терпится вернуться к повествованию о похождениях отдельных людей, могут перелистнуть сразу к следующей главе, – притормозите, читатели с более широким кругозором и большей гибкостью ума, и задумайтесь, почему вообще Первый толчок случился. Диоксид углерода захватывает тепло в атмосфере вследствие хорошо изученного парникового эффекта; он закрывает промежуток в спектре, где отраженный свет возвращался в космос, и преобразует его в тепло. Это как продержат окна в машине закрытыми весь жаркий день, вместо того чтобы чуть припустить их. Наверное, этого достаточно для объяснения, если вы еще не уловили суть. Так вот, это захваченное в атмосфере тепло легко преобразуется и естественным образом попадает в океан, нагревая воду. Та циркулирует, и со временем нагретая поверхностная вода опускается глубже. Не на самое дно, вовсе нет, просто глубже поверхности. Само тепло слегка расширяет воду в океане, чуть-чуть поднимая уровень моря, но это не самое главное. Самое главное – эти более теплые течения циркулируют повсюду, в том числе вокруг Антарктиды, которая представляет собой, по сути, большой ледяной торт. Очень большой ледяной торт. Если этот лед растопить и наполнить получившейся водой океан (хотя она так и так туда попадет), уровень моря поднимется на 270 футов выше, чем был в начале голоценовой эпохи.

Растопить весь лед Антарктики – это большое дело, и быстро это не произойдет, даже в антропоцен. Но всякий антарктический лед, соскальзывающий в океан, уплывает прочь и оставляет за собой еще больше места для соскальзывания. А в XXI веке, как и за три-четыре миллиона лет до этого, много льда в Антарктиде было нагромождено на склонах бассейнов, то есть в гигантских долинах, что клонились прямо в океан. Лед скатывается вниз так же плавно, как вода, только медленнее; хотя если он скатывается по верху слоя жидкой воды – то не так уж и медленнее. Так вот, весь этот лед, нависавший над краем океана, оставался на месте и не соскальзывал слишком быстро, потому что на уровне воды или сразу под ним находились ледяные опоры, которые фактически его удерживали. Они лежат прямо на земле, придавленные собственным весом, образуя, по сути, длинные дамбы, опоясывающие всю Антарктиду, – дамбы, удерживающие огромные бассейны от нависающих сверху льдов. Однако эти опоры на границах огромных ледяных бассейнов держались главным образом благодаря своим передним кромкам, закрепленным под водой у самого берега, и собственному весу, но еще и потому, что цеплялись за скальные шельфы, низко вздымавшиеся в воде. Такие шельфы считались результатом воздействия льда в предыдущие эпохи. Эти внешние края дамб ученые прозвали «опорой опор». Красиво, правда?

Так вот, эти опоры опор были невелики по сравнению с теми массами льда, что они сдерживали, и не были укреплены, а просто лежали себе на мелководье у берегов Антарктиды, этого материка – ледяного торта в десять тысяч футов толщиной и полторы тысячи миль в диаметре. Вот и посчитайте, если среди вас есть любители арифметики, хотя для остальных ответ уже дан выше – уровень океана поднимется на 270 футов. И те быстро нагревающиеся приполярные течения, что упоминались ранее, проходили примерно в километре-двух ниже поверхности, то есть представьте себе, как раз на том уровне, где находились опоры опор. И хотя лед находился на суше или на мелководье, но, когда под него попадает вода, он начинает плавать на поверхности. Как всем нам хорошо известно. Если хотите подтверждения этого феномена, проверьте на своем коктейле.

Итак, первая опора опор отплыла в устье ледника Кука – она сдерживала бассейн Земли Виктории и Земли Уилкса на востоке Антарктиды. В том бассейне одном было достаточно льда, чтобы поднять уровень моря на двенадцать футов, и хотя сразу он съехал не весь, за сле-

дующие двадцать лет он соскальзывал быстрее ожидаемого, пока в воде не оказалось больше половины. Лед сходил и просто плыл по течению, быстро тая в соленой воде.

Гренландия, кстати, сыгравшая во всем этом немаловажную роль, тоже таяла все быстрее и быстрее. Ее ледяная шапка была аномалией – она осталась от крупнейшей полярной ледяной шапки времен последнего ледникового периода, но находилась гораздо южнее, что можно было объяснить лишь ее возрастом. По сути, она запоздала со своим таянием примерно на десять тысяч лет, но лежала в огромной ванне из горных хребтов, которые сохраняли ее форму и охлаждались сами. Однако лед таял на поверхности и падал вдоль трещин на дно ледников, где в береговых грядах, как в дырявых ваннах, прорезались крупные каньоны, и в итоге таяли и гряды – примерно в то же время, когда бассейны Виктории и Уилкса обвалились в Южный океан. Вероятно, именно из-за этого таяния льда в Гренландии к юго-востоку от нее в океане образовалась область пониженной температуры. Что могло вызвать там охлаждение океана, удивлялись и спустя десятки лет. Говорили, мол, как загадочно, а потом снова продолжали сжигать углерод.

Таким образом, Первый толчок был вызван прежде всего бассейнами Виктории и Уилкса плюс Гренландией плюс Западной Антарктидой, внесшей менее крупный, но вызвавший последствия вклад: ее бассейны почти полностью находились под водой, вследствие чего у них быстро разрушились опоры и они всплыли на поверхность и унеслись от берега. Столько льда откололось и плюхнулось в воду! Годы крупнейшего подъема, 2052–2061-й, – и вдруг океан разом поднялся на десять футов. О нет! Как такое могло случиться?

Просто сама скорость изменений меняется, вот как. Скажем, скорость таяния каждые десять лет удваивается. Через сколько десятилетий нам хана? Не так уж много. Это как сложные проценты. Или, если помните, как в той старой истории о великом императоре Моголов, который согласился отплатить спасшему ему жизнь крестьянину зернами риса – сначала положив одно, потом два, потом четыре, и так каждый раз удваивая, пока не заполнятся все клетки на шахматной доске. Возможно, отплатить таким образом ему посоветовал великий визирь или главный астроном, а может, и хитрый крестьянин, но непредусмотрительный император сказал, мол, конечно, это очень выгодно, кому нужен этот рис; и начал выкладывать плату, считая зерна, как его научила одна женщина из сербских дервишей. Заполнив пару рядов на доске, он увидел, как его поимели, и приказал отрубить голову то ли визирю, то ли астроному, то ли крестьянину. А может, и всем троим – это было бы как раз по-императорски. Один процент людей звереет, когда их активы оказываются под угрозой.

Вот так произошел Первый толчок. Тот еще вышел сюрприз. А что же Второй, спрашиваете? Не спрашивайте. Это было то же самое, только вдвое сильнее, потому что все уже было ослаблено, ведь тепла стало больше, а океан поднялся. Главным образом он случился потому, что в бассейне Авроры разрушилась опора и его лед стек в Тоттенский ледник. А бассейн Авроры был даже крупнее бассейнов Уилкса и Виктории. Потом уровень моря поднялся на пятнадцать футов, потом на двадцать, и опоры опор ломались по всей Антарктиде. После этого, как говорили, опоры вытолкнуло в океан, и гравитация уже играла со льдом во всех бассейнах Восточной Антарктиды и льдом, лежащим ниже уровня моря в Западной Антарктиде, и он весь быстро таял, встречаясь с водой. И даже когда он еще оставался твердым и плавал у поверхности, часто в форме столовых айсбергов размером с целые страны, он уже вытеснял из океана столько же воды, сколько и после таяния. Почему так – оставим решать читателю; а решив, вы можете выбежать голым из ванной и кричать: «Эврика!»

Следует добавить, что Второй толчок по своему воздействию оказался гораздо хуже Первого: общий подъем уровня моря достиг приблизительно пятидесяти футов. Вот это действительно растрепало побережья по всему миру, вызвав кризис беженцев, оцененный в десять тысяч «Катрин». У берегов проживала восьмая часть мирового населения, и все они были так или иначе непосредственно затронуты, равно как и все рыболовство и аквакультура, приносив-

шие треть всего продовольствия человечества, плюс прибрежное (то есть, по сути, неорошаемое) сельское хозяйство, равно как и транспортировка всех их продуктов судами. А с нарушением мировой торговли, разбитой в пух и прах, появилась и та дребезжащая неолиберальная история мирового успеха о том, как много всего делалось немногими. Никогда еще так много не делалось столь немногими для столь многих!

Все случилось очень быстро, за последние годы XXI века. Апокалипсис, армагеддон – называйте как хотите. Часто использовался термин «антропогенное событие массового вымирания». Конец эры. Хотя с точки зрения геологии скорее конец эпохи, периода или зона, но это нельзя было определить, пока оно не закончится полностью, поэтому выражение «конец эры» останется приемлемым еще порядка миллиарда лет, после чего можно будет изменить название соответствующим образом.

О, конец начала! Созидательное разрушение, так ведь? Установить полицейское государство, еще более жестко экономить, закручивать гайки и жить дальше. Вычистить все – и получить отличную возможность для инвестиций!

Это правда, что недавно затопленные побережья, поначалу брошенные, были быстро заняты вновь отчаявшимися падалыщиками, приживалыщиками, бродягами и прочими «водяными крысами», как их теперь называли. Таких людей было много, и многие из них были теми, кого вы назвали бы радикализированными своим опытом. И хотя базовые услуги вроде электричества, воды, канализации и охраны порядка исчезли сразу, там оставалась еще инфраструктура – на новом мелководье или в зонах между приливом и отливом. И как неотъемлемая часть естественной человеческой реакции на трагедии и катастрофы тут же начались суды. Многих беспокоил статус затопленной территории, которую следовало признать тем, чем она была фактически и даже, пожалуй, технически, то есть юридически, – она была мелководьем океана, а значит, не могла регулироваться теми же законами, что и ранее, когда она являлась несомненной сушей. Но поскольку там все было разрушено, населению Денвера, к примеру, было все равно, какой статус обретет затопленная территория. Как и населению Пекина, которое могло оглянуться на Гонконг, Лондон, Вашингтон, Сан-Паулу, Токио и прочие города по всему миру и сказать: «О боже! Вот это вам досталось, ну что же, удачи! Мы постараемся помочь всем, чем можем, особенно здесь, у себя в Пекине, но и во всех прочих городах тоже, и по сниженной процентной ставке, если подпишете здесь».

Возможно, некоторые чувствовали, что кое-какими социальными экспериментами на затопленной кромке можно было бы выпустить пар из некоторых разгневанных людей, – социальный пар, благодаря которому, может, даже получилось бы внедрить что-нибудь полезное. Так, выражаясь бессмертными словами Бертольда Брехта, они «отрешили народ и избрали другой», то есть переехали в Денвер и предоставили разбираться со всем «водяным крысам». Эксперимент жизни в сырости. Ждать и смотреть, как справляются эти безумцы, и если все хорошо, то выкупать их. Все как всегда, верно? Вы, воодушевленные авангардисты и смельчаки, и без того это знаете, в каком бы году ни читали это – в 2144, 2312, 3333 или 6666-м.

Так что вот. Трудно поверить, но все это было. Выражаясь чьей-то бессмертной фразой, история – это просто проклятие за проклятием. Только если это сказал Генри Форд, вычеркните. Хотя он сказал, что история – это чушь. А это совсем не одно и то же. Да и вообще, вычеркните и то, и то – все дурацкие и циничные выражения по этому поводу. История – это человечество, пытающееся взять себя в руки. Что, конечно, нелегко. Но, может быть, станет легче, если уделять чуть больше внимания определенным деталям, например собственной планете.

Но хватит уже мне вам рассказывать! Вернемся к нашим отважным героям и героиням!

Б) Матт и Джефф

Поэт Чарлз Резникофф проходил по манхэттенским улицам около двадцати миль в день.

Некий Томас Дж. Кин, 65 лет, прошел по каждой улице, авеню, аллее, площади и дворовой территории острова Манхэттен. Это заняло у него четыре года, за которые он преодолел 502 мили, охватив 3022 квартала. Сначала он прошел по улицам, потом по авеню, потом по Бродвею.

«Почему вы еще не на улице, не боретесь за защиту окружающей среды?»

«Потому что мы боремся за недвижимость», – ответила я.

Тара Барампур

- Ты читал «В ожидании Годо»?
- Нет.
- А «Розенкранц и Гильденштерн мертвы»?
- Нет.
- А «Поцелуй женщины-паука»?
- Нет.
- А...
- Джефф, хватит. Я ничего не читал.
- Ну, некоторые кодеры читают.
- Да, читают. Я читал «Поваренную книгу R-программиста». И «Все, что вы хотели знать об R». И «R для чайников».
- А мне не нравится R⁵⁷.
- Поэтому мне и пришлось столько о нем прочесть.
- Только зачем? Мы не так много им пользуемся.
- Я использую его, чтобы понять, что мы делаем.
- Мы и так знаем, что делаем.
- Это ты знаешь. Или знал. За себя я не так уверен. И вот к чему это нас привело. Так много ли ты на самом деле об этом знал?
- Не знаю.
- Вот видишь.
- Слушай, R никогда бы не объяснил мне, почему мы оказались здесь. Вот что я знаю.
- Да не знаешь ты.
- Джефф осуждающе покачал головой:
- Поверить не могу, что ты не читал «В ожидании Годо».
- Годо был кодером, я полагаю?
- Да, пожалуй, что так. Это не раскрывается. Но чаще всего предполагается, что Годо – это бог. Типа кто-то говорит: «Это бог», то есть «God», а кто-то другой: «О!», а если сложить их вместе, будет «Годо». А потом просто добавляешь французского акцента, и все.
- Что-то я не жалею, что не читал эту книгу.

⁵⁷ Язык программирования.

– Ну да, то есть я хочу сказать, сейчас, когда мы здесь, книга не кажется такой уж необходимой. Она кажется лишней. Но ее хотя бы быстро можно прочитать. А здесь мы долго. Сколько мы уже здесь?

– Двадцать девять, кажется, дней.

– Да, это долго.

– А кажется – еще дольше.

– Что правда, то правда. Но это же всего месяц. Бывают еще более долгие сроки.

– Разумеется.

– Но нас ведь должны искать, да?

– Надеюсь.

Джефф вздыхает.

– Я вставил несколько аварийных команд в ту часть, что отправил, кое-какие отложенные крипты, и некоторые из них скоро сработают.

– Но люди и так узнают, что мы пропали. Какой будет тогда толк от твоих призывов о помощи? Они просто подтвердят то, что все уже будут знать.

– Так они будут знать, что мы пропали не без причины.

– И что это за причина?

– Ну, если я не ошибся, это будет информация, которую мы разослали людям, на которых указали.

– Которую ты разослал людям, на которых указал?

– Ну да. Они получают информацию, станут изучать проблему, и, может быть, это приведет их сюда, к нам.

– Сюда, на дно реки.

– Ну, кто бы нас сюда ни посадил, у него наверняка сохранились об этом какие-то записи. Мэтт с сомнением качает головой.

– Вряд ли это то, что люди склонны записывать или о чем говорят.

– А что, они просто подмигивают друг другу? Или общаются на языке жестов?

– Вроде того. Понимают друг друга так. Без записей.

– Ну, тогда нам стоит надеяться, что это не так. Плюс у меня вживлен чип, и оттуда исходит сигнал по навигатору.

– И далеко он доходит?

– Не знаю.

– А сам чип большой?

– С полдюйма, может. Его можно нащупать сзади на шее.

– Тогда, может, футов на сто? Если бы ты не был на дне реки?

– А вода ослабляет радиоволны?

– Не знаю.

– Ну, я сделал все, что мог.

– Ты позвонил в Комиссию и не сказал мне – вот что ты сделал. В Комиссию и в какие-то скрытые пулы, если я правильно тебя понял.

– Это была просто проверка. Я же ничего не украл и не сделал такого. Это было все равно что отправить донос.

– Рад слышать. Потому что сейчас мы с тобой сами сидим в скрытом пуле.

– Я хотел проверить, получится ли у нас сделать врезку. И получилось, так что все хорошо. Я даже не уверен, из-за этого ли мы теперь здесь. Мы же писали для них систему безопасности, и я оставил там скрытый канал, которым только мы и могли воспользоваться, и никто другой никак не мог его обнаружить.

– Да, но похоже, ты все равно считаешь, что мы здесь из-за этого.

– Просто я не могу придумать ничего другого, что объяснило бы наше положение. В смысле, я уже давно не доставал сам знаешь кого. И никто не услышал того свистка. Я хотел, чтобы это прозвучало как туманный горн, а получилось как собачий свисток.

– А как насчет тех шестнадцати штрихов к мировой системе, о которых ты говорил? Что, если системе это не понравилось?

– А откуда она могла узнать?

– Ты же вроде говорил, что у системы есть самосознание.

Джефф какое-то время пристально смотрит на Матта.

– Это была метафора. Гипербола. Символизм.

– А я-то думал – программирование. Все программы объединены в какую-то руководящую всеми программу. Вот как ты сказал.

– Как Гея, Матт. Как Гея – это все живое на Земле под воздействием всего прочего, камней, воздуха и остального. Как облако, может быть. Но и то и другое – метафоры. И там, и там на самом деле никого нет дома.

– Ну, если ты говоришь... Но смотри, ты врезаешься, пусть по своему тайному каналу, но уже в следующий момент мы сидим запертые в контейнере, будто в каком-то лимбе. Может, облако убило нас и мы сейчас мертвы.

– Нет. Это было «В поисках Годо». Мы просто в контейнере. Где-то окруженные водой, которая шумит снаружи, и все такое. С плохим питанием.

– В лимбе тоже может быть плохое питание.

– Матт, я тебя умоляю. Ты что, после четырнадцати лет совершенно не буквалистского мышления сейчас решил добить меня метафизикой? Я не уверен, что это вынесу.

Матт пожимает плечами:

– Ну, это так таинственно, только и всего. Очень таинственно.

Джеффу остается на это лишь кивнуть.

– Расскажи мне еще раз, к чему должна была привести твоя врезка.

Джефф выставляет перед собой руку для большей убедительности.

– Я собирался сделать метаврезку, чтобы с каждой сделки, проведенной на ЧТБ, по пункту отчислялось в оборотный фонд Комиссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.